Н. РОСНИЦКИЙ

ЛИЦО ДЕРЕВНИ

ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ
28 ВОЛОСТЕЙ
И 32730 КРЕСТ. ХОЗЯЙСТВ
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

1926
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ноя 2013
3916-рег

Н. РОСНИЦКИЙ

ЛИЦО ДЕРЕВНИ

ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ 28 ВОЛОСТЕЙ И 32.730 КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 15173. Ленинградский Гублит № 2792. 8 л. — 7.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В течение октября — апреля 1924 — 25 года Пензенским губкомом РКП (б) была проведена работа по обследованию деревни. Было обследовано 28 волостей (большинство из них частично, понескольку сел) с 32.730 крестьянскими хозяйствами, из которых 12.434 путем непосредственного ознакомления с историей каждого хозяйства. Обследование производилось отдельными губернскими работниками и специально созданными комиссиями, при чем последним было поручено обследование наиболее характерных районов губернии: пригородного (Валяевская и Оленевская вол., Пензенского уезда), прифабричного (Н-Шкафтинская волость, Городищенского уезда), сплошь земледельческого (Свищевская волость, Чембарского уезда) и районов с татарским населением (Кривозерьевская волость) и мордовским (Атюрьевская волость). К работе по обследованию были привлечены 44 товарища, из них 7 членов губкома, 6 — губисполкома, 3 — ГКК, остальные — руководители губернских советских учреждений, профессиональных и кооперативных организаций. Как комиссиями, так и отдельными товарищами были представлены в губком партии обстоятельные доклады об итогах обследования, составившие в общей сложности, не считая всевозможных при-

ложений, полторы тысячи исписанных на пишущей машинке страниц с четырьмя стами таблиц. Эти доклады и послужили материалом для составления настоящей книжки.

Теневые стороны деревни подчеркнуты в этих докладах резче, чем положительные. В значительной мере это объясняется тем, что обследователи деревни поставили своей задачей вскрыть прежде всего недостатки низовой партийной и советской работы, — взглянуть правде в лицо, как бы она ни была неприглядна, будучи твердо убеждены в том, что, только осознав и преодолев недостатки, партия действительно двинется вперед. Для решительного преодоления этих недостатков партией и советской властью намечен и проводится целый ряд мероприятий.

Развязывание хозяйственного оборота, облегчение пользования наемным трудом в деревне, краткосрочная аренда земли, содействие развитию кустарных и отхожих промыслов, льготы по переселению, значительное уменьшение сельхозналога с одновременным приведением его в соответствие с мощностью каждого отдельного хозяйства, укрепление волбюджета, передача большой площади лесов в непосредственное ведение крестьянства, предоставление значительных средств и льгот по землеустройству, расширение кредитования, непосредственная широкая производственная помощь маломощным хозяйствам и т. д. — все это в сильнейшей степени будет способствовать хозяйственному подъему деревни. В решениях 14-й всесоюзной конференции партия с особой четкостью указала и пути этого подъема, подчеркнув исключительно важную роль кооперации на селе как «основной общественно-экономической формы связи между государственным хозяйством и мелким товаропроизводителем деревни». «Качество работы коопера-

ции, — заявила конференция — в настоящий момент, имеет решающее значение». Для поднятия этого качества на должную высоту партия дала целый ряд исчерпывающих указаний.

Дана основная директива и в области политики: оживление советов, решительный переход к революционной законности, искоренение остатков военного коммунизма в административно-политической работе. Работа членов ЦКК, командированных в крестьянские губернии, имела огромное значение в деле усвоения этой партийной директивы на местах.

Однако, неудовлетворительное состояние наших низовых парторганизаций крайне затруднило бы повседневное практическое осуществление этого партийного курса. 14-я партконференция поэтому с особой отчетливостью поставила перед всей партией задачу улучшения партийной работы на селе. Улучшение руководства работой деревенских ячеек, укрепление их за счет лучшей части крестьянства и городских организаций, частичная проверка деревенских ячеек — все эти мероприятия, проводимые партией, создадут в ближайшее же время условия для подъема партийной работы в деревне. Вернее этот перелом уже начался вскоре же после октябрьского пленума. Мы убедились в этом на примере нашей обследовательской работы. С каждым днем мы все отчетливей видели, как все глубже и глубже проникал лозунг партии «лицом к деревне», и как деревня, правда, не с такой быстротой, с «развальцем», в свою очередь, поворачивалась лицом к партии.

Необходимо предупредить читателя, что выводы относительно деревни, во-первых, относятся к пензенской деревне,

во-вторых, к пензенской деревне 24 — 25 года, в-третьих, обследование, несмотря на широкий охват, все же было **в ы е м о ч н ы м**, что не могло не отразиться на характере материалов обследования, в-четвертых, характер материалов обусловил своеобразную **ф р а г м е н т а р н о с т ь** (отрывочность) работы и **о г р а н и ч е н н о с т ь** выводов (к примеру, на вопрос — середняет ли деревня? — ответ был дан на основе анализа таблицы относящейся только к одной волости).

Несмотря на столь очевидные погрешности работы, мы все же надеемся, что она поможет понять, что представляет современная советская деревня, чем живет, куда идет.

Автор.

НА ПОДЪЕМЕ.

Подъем есть, но крайне медленный.

Крестьянское хозяйство поднимается. Этот общеизвестный факт, подтверждаемый всеми статистическими данными, с достаточной наглядностью выявлен и обследованием пензенской деревни. По обеспеченности посевом и скотом крестьянское хозяйство представляется в следующем виде. На одно хозяйство приходилось: [1])

Районы обследования.	Десятин посева.		Лошадей.		Коров.		Овец.	
	1920 г.	1924 г.	1920 г.	1924 г.	1922 г	1924 г.	1922 г.	1924 г.
Средняя норма по губернии	3,4	3,6	0,76	0,80	0,74	1,00	2,03	4,29
Пригородный (Валяевской и Оленевской волости)	2,7	3,6	1,08	0,84	0,74	0,83	2,72	4,23
Земледельческий (Свищевской вол.)	6,2	6,2	0,86	0,81	0,88	0,90	4,25	6,13
Прифабричный (Н.-Шкафт. вол.)	0,8	1,3	0,71	0,43	0,61	0,66	0,72	1,78
Нацменский—татарский (Кривоз. вол.).	2,4	2,9	0,57	0,39	0,53	0,69	0,86 *	2,03
Нацменский — мордовской (Атюрьевской вол.)	2,1	4,3	0,65	0,76	0,61 *	0,95	1,14 *	3,39

[1]) Цифры, отмеченные звездочкой, относятся к 1920 году. В довоенное время (в 1913 г.) в губернии на одно хозяйство приходилось десятин посева 5,2, лошадей 0,94 и коров 0,90.

Хозяйственный подъем будет еще заметнее, если принять в расчет, что состав хозяйства численно убавился по губернии на 5%, а по районам от 4% (в земледельческом районе) до 10% (в нацмен-татарском).

Крестьянин берется за плуг. Процент плужных хозяйств поднялся: в пригородном районе — с 12% в 1922 г. до 26% в 1924 г.; в земледельческом — за один 1923 — 1924 год с 23,3% до 26,8%; в прифабричном—с 4.1 в 1922 году до 6,3% в 1924 г.; в нацменском (татарском) с 6,3% в 1920 г. до 6.6% в 1924 году. О нацменском (мордовском) комиссией, за отсутствием точных цифр, дается общее указание на то, что из 125 плугов большая часть приобретена уже после революции.

Площадь огородов и усадов расширилась значительно, превзойдя довоенный уровень:

Район.	Площадь огородов и усадов в %.		
	1917 г.	1920—21 г.г	1924 г.
Пригородный	100	67	120
Земледельческий	100	79	120
Прифабричный	Сведений нет, есть лишь общее указание о сильном увеличении.		
Нацменский (татарск.)	100	63,3	172,4
„ (мордовский)	Сведений нет, есть указание о превышении площади 1912 г.		

Но этот подъем происходит не везде одинаково и равномерно. Недород 1924 года показал это с полной очевидностью. Опять и опять он явился для крестьянского хозяйства тяжелым испытанием его устойчивости, проверкой правильности способов ведения хозяйства. На нескольких примерах мы увидим, где это испытание выдержано (где с честью, а где и с грехом пополам) и где оно во всей наготе вскрыло несостоятельность практикуемого хозяйничания на земле.

Недород и борьба за лошадь.

Рост безлошадности — неизбежное последствие неурожайного года. В 1920 году в Пензенской губ. безлошадных было 28,2%, в 1924 — 36,4%.

Взгляд на лошадь у крестьянина двоякий: с одной стороны, «без лошади — не хозяин», с другой, — лошадь дорого содержать и при теперешних способах ведения хозяйства

нельзя полностью использовать ее силу [1]). В условиях хотя бы и крайне медленного подъема хозяйства, в нормальных условиях хозяйственной жизни крестьянин цепко держится за лошадь. Зато в условиях неблагоприятных, перед лицом недорода и голодовки эта цепкость ослабевает, и лошадь уводится на базар... Лошадь становится наиболее слабым, наиболее уязвимым местом хозяйства, становится обузой, хотя бы и временной.

В пригородном районе процент безлошадных уменьшился (31.3% в 1922 г. и 30% — в 1924 г.): лошадь нашла добавочное приложение силы (близость города); в земледельческом районе он остался почти без изменений (29.1% в 1922 г. и 30.6% в 1924 г.): хорошая обеспеченность землей не ослабила хозяйственной «цепкости» хлебопашца, всеми силами борющегося за лошадь; зато иную картину мы видим в районах с малой земельной обеспеченностью: в Кривозерьевской волости (42.4% безлошадных в 1920 г. и 62% в 1924 г.) и в прифабричном районе (34% в 1921 г., 56% в 1922 г. и 59% в 1924 г.), где крестьянин — наполовину рабочий, наполовину — хлебопашец.

Два пульса хозяйственной деятельности.

Базарная Кеньша, хронически недородного Городищенского уезда. Население — земледельческое, только 13% имеют побочный заработок — ремесло. Трехполье. Обеспеченность пашней сравнительно высокая — 1,7 дес. на едока.

---

[1]) По тщательно произведенному одной из комиссий изучению баланса рабочего времени в крестьянском хозяйстве, проверенному затем в губстатбюро бюджетным исследованием 161 хозяйства, даже в земледельческом районе (Свищевский район, Чембарск. уезда) с обеспеченностью едока пашней в 1,78 дес., более высокой, чем в среднем по СССР (1,19 дес.) и с нагрузкой лошади пашней почти в два раза большей, чем в среднем по СССР (в Свищевском районе на 100 дес. посева приходится 13.1 лошадь, а по СССР на 100 дес. посева 24,5 лош.), лошадиная сила при теперешнем способе ведения хозяйства используется всего на 46,9%. Что это не остается незамеченным крестьянством, видим из доклада по обследованию Кочетовской волости, Инсарского уезда, где читаем: «Увеличение безлошадных, как мною изучено, нельзя полностью относить на счет обеднения крестьянских хозяйств; внушительный процент (т.-е. к безлошадным) входит сюда таких, которые, будучи экономными хозяевами, точно учитывают свой бюджет и размышляют: «что выгоднее: нанять или держать лошадь?» При этом здесь главную роль играет корм, а не обложение с.-х. налогом. В волости есть слой в 272 хозяйства, а я думаю много больше, — читаем далее, — которых по количеству скота нельзя отнести к середнякам, но это отнюдь и не бедняки. По этому поводу мне приходилось беседовать с крестьянами, которые откровенно говорили мне сами, что «у нас много таких, которые продали лошадь или корову не потому лишь, что они обложены налогом, и не потому, что избегают налога, а потому, что когда подытожишь свой бюджет и сравнишь, выгодно ли держать лошадь, то оказывается, что гораздо выгоднее нанять. Главная невыгодность — дороговизна кормов».

Дробимость хозяйства незначительная (в 1921 г. — 535 хозяйств, в 1922 — 543, в 1923 г. — 545 и в 1924 — 556). Посевная площадь растет из года в год: в 1920 г. было 792 дес. посева, в 1921 г. — 1303, голодный 1921 год снизил посевную площадь до 847 дес., после чего вновь начался быстрый рост: в 1923 г. — 2.031 дес. и в 1924 — 2.431 дес., а в нынешнем году, несмотря на то, что Б. Кеньша отнесена к району со значительным недородом, ожидается полный засев всей удоби (3.265 дес.). В итоге — более или менее ровный и полный пульс хозяйственного подъема:

По Базарной Кеньше.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Безлошадных	134	450	385	297	273
Однолошадных	320	69	145	253	274
Двулошадных	34	2	2	2	5
Беспосевных	7	107	63	7	7
С посевом до 1 дес.	—	57	28	0	0
„ „ от 1 до 3 дес.	57	215	173	106	68
„ „ „ 3 „ 6 „	178	101	122	188	196
„ „ „ 6 „ 8 „	124	30	90	116	136
„ „ „ 8 „ 10 „	86	11	49	88	95
„ „ „ 10 и более	70	—	9	49	51
Плужных хозяйств	45	19	10	10	79

Иная картина в Торбеевской волости, Спасского уезда. Население — почти сплошь землепашцы (96%), обеспеченность землей едока выше средне-уездной (1,1 дес., средне-уездная — 0,97 дес.). Посевная площадь к 1924 году увеличилась на 22,5% (посев ржи на 22,5%, овса на 28,2% и картофеля на 223%), достигнув 96% довоенной (а ржи даже 107,4%). Рабочий скот увеличился до 90,6% довоенного и в 1924 г. увеличился на 12,6% по сравнению с 1923 г.; число коров достигло 97,2% довоенного и по сравнению с 1923 годом увеличилось на 11,6%. С виду, по внешности, хозяйство «хоть куда», смотри и радуйся, а на самом деле, хозяйство отсталое, прогнившее дедовской стариной. В селе Савве, например, в 1924 году ни раннего пара, ни зяблевой вспашки не производилось. Обеспеченность сел.-хоз. машинами по волости — в 10 раз меньше средне-губернской, а в селе Савве их совсем нет. Ежегодные переделы. Царит земельная неурядица. В той же Савве на хозяйство приходится до 22 клиньев-полосок. А в селе Кочетовке есть хозяйства, имеющие свои загоны на расстоянии до

20 верст от села: нужно проехать через два-три села, чтобы добраться до своей пашни [1]). Земля, конечно, не унавоживается при таких условиях. В итоге: низкая урожайность (рожь в 1923 г.—27 пуд. с дес., в 1924 г.—23 пуд.. овес 26 пуд. в 1923 г. и 7 пуд. в 1924 г.). Вот типичный (по мнению изучавшего эту волость товарища) пример «ведения хозяйства: крестьянин с. Саввы Боскаев на 4 душевых надела держит 2 лошадей, 2 коров и одну годовалую телку. Кормов нет, кормит «чем попало», скот — исхудалый. Лошади, кроме обработки 4 душевых наделов (шесть десятин) ни на что больше не используются. Навоз тоже не используется (ежегодный передел земли). Молока обе коровы дают не более 5 фунтов в день. Таких середняцких хозяйств в селе Савве, да и в других, очень много.

На вопрос:

— Зачем держите двух плохих лошадей и двух плохих коров, когда выгодней держать по одной хорошей?

Получаешь ответ:

— Держим на случай раздела и на случай, если одна околеет...

И недород, исконный враг нашего крестьянина, с особой тяжестью падает на отсталые, неустроенные крестьянские хозяйства. В результате тает скот от падежа и массовой продажи. По селу Савве за время с сентября 1924 года по март 1925 года число лошадей сократилось на 7%, число коров — на 6%, а в с. Кочетовке число лошадей с 95 голов упало до 40 — 50, т.-е. уменьшилось наполовину; та же картина и в селе Слаиме.

Так крестьянство само себя обезоруживает в борьбе со страшным врагом — недородом и падает в объятия нищеты.

Красочную историю двух сел рассказывает обследование Трехсвятской волости. Села Старые Верхиссы и Каменный Брод (Инсарского уезда) лежат рядом в одной и той же Трехсвятской волости (благополучной по урожаю 24 года), в хозяйственном же отношении очень отличаются друг от друга. Село Старые Верхиссы до империалистической войны считалось крепким, зажиточным селом. Теперь же его нельзя назвать даже середняцким, хозяйственный уровень села, несомненно, ниже среднего. Как же это произошло? Революция не увеличила землеобеспеченности этого села, но естественный прирост населения снизил обеспеченность землей

[1]) Земельная неурядица отмечается почти во всех докладах как отдельных товарищей, так и комиссий. Комиссии, работавшие в земледельческом и пригородных районах, зафиксировали такое земельное «устройство»: в первом (земледельческом) районе увеличение числа загонов (полос) на одно хозяйство по сравнению с довоенным доходит до 42%, в пригородном районе — до 44%, а размер земли на разведочную единицу в первом районе уменьшился на половину, а в пригородном в 4,3 раза.

едока (с 1.05 д. в 1913 г.: 0. 92 д. в 1923 г. до 0.90 дес. в 1924 г.) и еще сильнее хозяйства (с 7,04 дес. в 1913 г. до 4.8 д. в 1924 г.) Что же касается обработки земли, то как работал в дореволюционное время крестьянин по дедовским заветам, так работает и сейчас. А эти заветы привели к следующему: давит трехполье и чересполосица, плугов и уборочных машин в селе в шесть раз меньше среднего процента по РСФСР, земля не удобряется, вспашки под зябь и ранний пар практикуются в крайне ничтожных размерах. Урожайность земли незначительная: ржи — 35 пуд. с дес., овса — 12 пуд., проса — 8 пуд., картофеля — 150 пуд. В итоге — недород 1924 года и здесь обнаружил гнилость и несостоятельность дедовского хозяйствования на земле. За первые три месяца этого года (1925 года) число лошадей в селе понизилось с 372 голов до 257, а коров — с 372 до 232. Число безлошадных быстро растет.

Рядом — село Каменный Брод. До революции село жило очень бедно, более трети работников жило в батраках у помещиков, сел.-хоз. инвентаря было мало... За время революции село экономически поднялось. Количество лошадей растет в 1924 и в 1925 г.г. Число безлошадных уменьшилось на 5% за один 1924 год. Где же кроется секрет такого быстрого хозяйственного подъема и такой крепкой устойчивости в борьбе с недородом? Прежде всего в том, что революция подвела прочный фундамент под хозяйственное развитие села. Земельная площадь увеличилась в 1.7 раза (за счет помещичьей земли). Надел вырос с 0.62 дес. на едока (в 1913 г.) до 1.50 дес. (в 1924 г.). Дробления хозяйств нет совершенно и площадь земли на 1 хозяйство увеличилась с 4.32 дес. в 1913 г. до 7.4 дес. в 1924 г. (немного больше, чем в селе Савве). Крестьяне Каменного Брода начинают обзаводиться плугами (их уже приходится по 1 плугу на 5 хозяйств, тогда как в Старых Верхиссах 1 плуг на 14 хозяйств). Они пытаются, правда, робко и нерешительно ввести улучшение в обработку земли: постановили в текущем году провести ранний пар, 50% ярового поля вспахали под зябь.

Отсутствие заработков и массовые разделы.

Вот хозяйство села Чирково (Саранского уезда). По урожаю 1924 года губстатбюро относит его к району недородному. Хозяйство, однако, не подорвано. Посевная площадь из года в год растет: в 1922 г. засевалось 650 дес., в 1923 г. — до 1.000 дес. и в 1924 г. — 1.100 дес. Землеобеспеченность такая же, как и в Старых Верхиссах (4.8 дес. на 1 хоз.). Коров в селе было: в 1922 году 300 голов, в 1923 г. — 341, в 1924 г. — 430. Число овец в 1924 году по сравнению с 1922 годом увеличилось в полтора раза. Безлошадных в 1922 году было 24% хозяйств,

в 1924 г. — всего 11% (всех хозяйств в селе в 1924 г. — 378). Объясняется это улучшение хозяйства тем, что крестьянство имеет подсобный заработок: подвозка дров к станции «Сура» и на лесной завод. Этим занимается 50% села.

Иная картина там, где подсобный заработок выпал из крестьянского хозяйства. В той же Чирковской волости есть село Соколовка. Земельная обеспеченность здесь почти такая же, как и в Чиркове (чуть меньше), но хозяйственного подъема нет главным образом потому, что крестьяне этого села перестали заниматься бондарным ремеслом, которое было главным подспорьем их хозяйства; каждый зарабатывал на этом от 15 до 25 руб. в месяц. По мнению бедноты и середняков, необходимо возобновить прежнюю связь с рыбным промыслом и развить бондарное производство, отпускать лес для бондарных изделий по умеренным ценам и объявить беспатентную продажу бондарных изделий. Более зажиточные указывают на необходимость восстановить частную инициативу — подряднический способ бондарного производства [1]).

Передадим историю еще одного села (Черноземье, Мокшанского уезда). Основная беда этого села, как и некоторых других сел той же Черноземской волости — массовый раздел хозяйств.

Сильную дробимость хозяйств отмечают и комиссии по обследованию. Рост количества дворов о б г о н я е т рост населения. Хозяйства мельчают. Вот наглядная табличка:

Район обследования.	Колич. населения в %.			Колич. дворов в %.		
	1917	1920	1924	1917	1920	1924
Пригородный	100	111,6	113,9	100	121,8	134,0
Земледельческий . . .	100	106,4	105,1	100	114,2	116,6
Прифабричный	100	88,0	73,9	100	96,3	88,5
Нацменский (татар.) .	100	97,9	94,8	100	105,5	113,1

[1]) Указание со стороны части крестьян на необходимость дать больше свободы частному капиталу встречаем и в докладах других товарищей. Об этом пишет, например, товарищ, изучавший жизнь Головинщинской волости (Н.-Ломовского уезда): «по мнению крестьян, бóльшая свобода частному капиталу даст побочный заработок бедноте и тем самым улучшится ее материальное положение». В докладе приводится такое рассуждение головинщинской бедноты по адресу кулаков: «что ж из того, — говорит беднота, — что он кулак, но зато он давал нам заработок, мы от него кормились, а теперь этого заработка нет». На существующее в части крестьянства мнение о необходимости облегчения налоговых тяжестей для частных предпринимателей в деревне указывает и товарищ, обследовавший Черкасскую волость, Керенск. у. «Зажиточные, — пишет он далее, — считают необходимым допущение более свободных условий при пользовании наемным трудом, — это, говорят они, и нам даст возможность подняться на ноги и безработных пристроить к делу». Аналогичные указания имеются и в докладах других товарищей.

В итоге: до войны в селе было 700 лошадей (из них 80% вполне исправных), теперь, в 1924 г., всего 431 лошадь (на 1 хозяйство — 0,63 лошади при средне-губернской на 1924 г. обеспеченности в 0,80), из коих 70% очень плохие. Запашка не была произведена как следует. Недород прошлого года вызвал здоровую реакцию на поголовные разделы в виде организации своеобразной «семейной» кооперации. Пример: три родных брата Потаповы и их отец, разделившиеся в свое время и живущие сейчас отдельными хозяйствами, борясь с нуждой, объединяют свои 4 хозяйства в одно, которое таким образом будет иметь двух лошадей, 4 коров и 20 голов овец. Хозяйство намереваются вести по наилучшему способу, вводят травосеяние. «Подобных хозяйств, объединяющихся с весны этого года — говорится в докладе — несколько в селе».

Делаем выводы. Хозяйственный подъем, правда, очень медленный и при этом задержанный недородом прошлого года, налицо. Земельная неурядица, дедовские способы ведения хозяйства, крайняя ограниченность подсобных заработков, массовые разделы—все это крайне тормозит хозяйственный подъем деревни. Мы видели села, которые стойко противостоят бедствиям даже значительного недорода, села, замечательные только тем, что не имеют ни особо больших плюсов, ни особо больших минусов в своей хозяйственной деятельности. Но мы видели и села «благополучные» по урожаю 24 года, хозяйство которых, однако, даже при малейшем, неуловленном в губстатбюро, недороде испытывает значительное потрясение, вследствие наличия какого-нибудь большого хозяйственного минуса (острая земельная неурядица, особо отсталые формы хозяйствования и т. д.). На эти, вследствие тех или иных причин, слабо защищенные от недорода селения, необходимо обратить внимание и оказать поддержку в первую очередь. Крестьянские хозяйства не однородны. Точно так же и хозяйство каждого села имеют свои особенности, которые не всегда учитываются в нашей практической деятельности. Тщательный учет особенностей каждого села — обязательное условие партийно-советского руководства хозяйственным подъемом деревни.

РАССЛОЕНИЕ ДЕРЕВНИ.

Два способа изучения вопроса.

Изучение расслоения деревни было начато собиранием сведений о посеве и обеспеченности скотом и инвентарем каждого хозяйства для последующего сравнения с данными динамической переписи. Первые же итоги такого подхода не удовлетворили комиссии. Цифры говорили скорее о более или менее ровном хозяйственном подъеме деревни, чем о ее расслоении.

Приведем две таблицы: расслоение хозяйств по посеву и по обеспеченности скотом и инвентарем.

Вот группы хозяйств по посеву в процентах:

Группы по посеву.	Пригородный район.		Земледельческ. район		Нацм. татарский район.		Прифабричный район.	
	1921 г.	1924 г.	1920 г.	1924 г.	1920 г.	1924 г.	1921 г.	1924 г.
Беспосевные . . .	—	—	—	—	—	—	14,3	9,7
С посевом до 1 дес.	8,2	5,0	6,8	1,3	6,7	6,0	8,7	34,0
От 1 до 3 дес. . . .	42,0	34,2	16,6	12,2	67,2	46,6	35,9	41,0
„ 3 „ 6 „ . . .	44,5	47,5	41,3	47,5	25,2	43,8	35,6	14,3
„ 6 „ 8 „ . . .	4,1	9,7	19,8	25,1	0,6	2,5	4,9	1,0
„ 8 „ 10 „ . . .	1,0	3,0	9 5	0,2	0,2	1,0	0.4	—
Свыше 10 дес. . . .	0,2	0,6	4,1	0,1	0,1	0,1	0,2	—

По земледельческому и прифабричному районам видим довольно яркую картину осередначивания деревни, в пригородном — не менее яркую картину ровного хозяйственного подъема по всем группам и только

в нацмен-татарском — на ряду с осереднячиванием — слабые намеки на расслоение.

Правда, таблица по обеспеченности скотом и инвентарем дает картину, хотя и крайне слабо, но все же наметившегося расслоения:

Годы.	Без всякого ск та.	Без рабоч. лошадей.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	Без коров.	С 1 корови й.	2-мя коровами и более.	Без орудий вспашки.
1917.	12,9	38,5	36,7	16,4	8,4	22,8	72,0	5,2	—
1920.	7,3	28,3	58,8	11,9	1,0	16,4	78,9	4,7	37,9
1921.	7,5	30,3	62,9	6,5	0,3	16,4	78,8	4,8	38,0
1922.	8,5	29,1	61,1	9,40	0,4	18,8	75,3	5,9	31,4
1923.	7,4	28,5	60,1	10,7	0,7	18,3	74,8	6,9	34,6
1924.	5,8	30,6	58,2	10,6	0,6	18,6	73,8	7,6	36,0

Пришлось поэтому, не бросая этой работы, вести параллельно ей другую, более сложную и давшую более определенные результаты: производить краткое ознакомление с историей и теперешним состоянием каждого отдельного хотаким образом сведения проверялись, по возможности, обсуждезяйства, что делалось в беседах с крестьянами, и полученные нием актива партийной или комсомольской ячейки.

Кого деревня считает кулаком.

Первый вопрос, который неизменно всплывал при этом, — был вопрос о том, кого считать кулаком? Что отличает кулака от всего остального крестьянства? Признак ли хозяйственной мощности (зажиточности) или эксплоататорский способ наживы? Сколько имеет или как нажил? Борьбу этих двух признаков при определении крестьянством понятия «кулака» можно было наблюдать повсюду. Признак хозяйственной мощности как бы получает в сознании рядового крестьянства, особенно бедняка, подкрепление в воспоминаниях о периоде военного коммунизма с его политикой принудительного уравнения (комбеды). На общем же фоне послевоенного хозяйственного оскудения деревни, имущественная разница воспринимается особенно болезненно. С другой стороны, еще крайне живуч рабский, дореволюционный уклад

деревенской жизни и еще крайне слабо развита советская общественность, чтобы эксплоататорский способ обогащения (присвоение чужой прибавочной стоимости), даже в его хищнической форме, получил надлежащую оценку в сознании крестьянина. Отсюда — колебания и неоформленность определения кулака. В подтверждение приведем несколько выдержек из докладов товарищей, изучавших деревню.

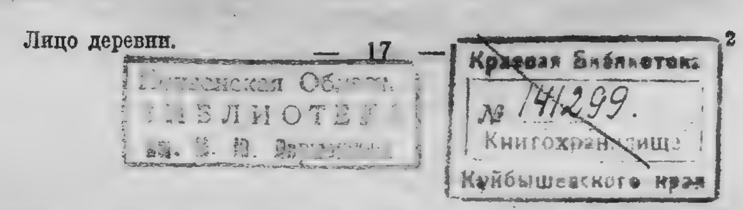
«Кого считать кулаком — вопрос очень неясный на местах. В основу массового определения кулака кладется принцип зажиточности» (Б.-Азясская волость, Краснослободского уезда).

«По мнению крестьян, кулаком можно считать того, кто эксплоатирует чужой труд в целях личной наживы, а не того, кто прибегает к найму в порядке трудовой помощи в исключительных случаях (напр., во время жнитва, уборки хлеба). Так же смотрят советы и ячейки РКП (б) и РЛКСМ. В отношении же остальных видов кулачества (мельники, торговцы, содержатели постоялых дворов, масленники и т. п.), по мнению крестьян, нужно брать признак имущественный, в особенности в настоящее время. Раньше этот вид кулачества вытекал из крупных, сильных крестьянских хозяйств, теперь же нередко можно встретить, в особенности среди торговцев, таких, которые экономически настолько бессильны, что не могут вести свое хозяйство, продают последний домашний скарб и рублей на 20 — 30 открывают торговлю с ларька или открывают постоялый двор: «Сбирать как-то стыдно, — говорят они, — помощи никто не дает, нужно чем нибудь кормиться».

«Словом, имущественный признак применяется крестьянством таким образом: если торговец, мелкий предприниматель, содержатель постоялого двора торгует или содержит постоялый двор, без чего они могли бы легко и безбедно прожить, это — кулаки, в противном же случае относить таковых к разряду кулаков, по их мнению, будет большой ошибкой». (Головинщинская волость, Н.-Ломовского уезда).

«Не только крестьяне, но и сельсоветы данной волости зачастую неправильно определяют кулака, считая таковым зажиточного домохозяина, даже не эксплоатирующего чужого труда... До сих пор по волости насчитывали около 100 кулаков, но, когда пришлось столкнуться с этим вопросом и разобраться на самом деле, кто кулак, то оказалось, что в волости всего лишь 4 кулака» (Кочетовская волость, Инсарского уезда).

Есть, однако, села, где крестьяне понимают, что такое кулак.

«В основу расслоения крестьяне в большинстве случаев кладут эксплоатацию чужого труда и торговлю. Как пример можно указать такой случай: при перевыборах советов в 1924 г., в список лишенных прав голоса был включен владелец маслобойни гр. Кусакин, не пользовавшийся наемным трудом. Общество с. Черкасского признало это неправильным и считает необходимым восстановить его в правах. Так же смотрят на это и официальные руководители деревни» (Черкасская волость, Керенского уезда).

«По мнению крестьян с. Чиркова, кулаками надо считать таких, которые имеют производство с применением наемного труда, предпринимателей и лесопромышленников. Крестьян, имеющих предприятия (напр., мельницу, просорушку, маслобойку и т. п.), но не применяющих наемного труда, считают просто зажиточными» (Чирково, Саранского уезда).

Случается и так, что решающим мотивом для зачисления в кулаки являются личные качества односельчанина. В Атемарской волости, например, некоторая часть крестьян, в большинстве из бедняков, называют кулаком крестьянина-середняка, который «много работает (и по праздникам), скупого, не пьющего, не справляющего праздников».

В первом случае, таким образом, решающим моментом для отнесения к кулакам является степень зажиточности, во втором — торговля, ростовщичество или наем рабочей силы в целях обогащения и, наконец, в третьем случае — личные качества крестьянина-хозяина. Такова разноголосица в этом вопросе. Зато все сходились на том, что слово «кулак» в высшей степени обидное, ругательное, «зазорное»...

Кого мы считали кулаком и сколько насчитали.

Мы старались выдвинуть в качестве момента, определяющего кулачество, следующие признаки: торговля, ростовщичество и наем работников в целях наживы. Несмотря на разноречивость, существующую, как мы уже видели, в этом вопросе, крестьянство всюду охотно соглашалось с таким определением кулака, отчасти и потому, что круг лиц, относимых к кулакам, суживался, и это «зазорное» слово отодвигалось на известное расстояние от основной крестьянской массы.

Обследователи натолкнулись и на скрытых кулаков.

К ним приходится отнести часть зажиточных, о которых открыто нельзя сказать, что они эксплоатируют, нельзя под страхом голода: «выявление аренды, — читаем в докладе по обследованию Тезиковской волости — затрудняет

сама беднота, говоря, что если она скажет, то на будущий год вся земля останется незасеянной».

Но известная часть была уловлена: испольщина на явно кабальных условиях, пересдача на «божеских», условиях заарендованной почти даром госфондовской земли и т. д. Другая часть была уловлена лишь предположительно, с риском небольшой ошибки, путем подробного ознакомления с группой хозяйств зажиточных.

Подсчет хозяйств, отнесенных таким образом к кулацким, дал следующий итог:

Район обследования.	В процентах.		
	Кулак.	Середн.	Бедняк.
Пригородный	4,0	56,0	40,0
Земледельческий	1,4	72,7	25,9
Прифабричный	2,0	54,6	43,4
Нацменский (татарск.)	4,0	31,4	64,6
„ (мордовск.)	1,5	54,7	43,8

Товарищами же, бывшими в различных волостях и селах, даны следующие цифры (см. табл. на 20-й стр.).

Из этих цифр видим, что процент кулацких хозяйств колеблется от 1 до 4 процентов и в двух крупных базарных центрах (Головинщино и Базарная Кеньша) достигает 6 и 7%.

Кулачество, в таком его понимании, растет крайне медленно. Местами же (Атюрьевская волость, например) даже несколько падает: в 1925 году по сравнению с 1923 г. оно численно упало на 0,3% и составляет всего третью часть своего дореволюционного состава (тогда — 4,5%, а в 1925 г. — 1,5%). Это подтверждается с приведением соответствующих цифр и отдельными, изучавшими деревню, работниками. Кооперация, госторговля, советский кредит и теперь уже создают обстановку, крайне неблагоприятную для роста кулачества.

Ниже приводим выдержки из отчетов товарищей, производивших обследования, которые подтверждают правильность этих замечаний.

«Потребуется продолжительный период времени, в течение которого станут появляться новые кулаки» (Кочетковская во-

Название села и волости.	В процентах.			Краткая хозяйственная характеристика села.
	Кулак.	Середн.	Бедняк.	
Ломовск. вол. Мокш. у.:				
С. Ломовка	4.5	50,1	45,4	Земледелие 50% имеют подсобн. заработ. (возка дров).
С. Нагорная Палетьма	1,3	75,0	23,7	Земледелие.
Григорьевская вол., Чембарск. уезда	1.0	71.0	28.0	Исключит. земледелие.
Чирково, Саран. у.	2,0	70,0	28,0	Земледелие 50% хозяйств имеют подсоб. заработ. (возка дров).
Головинищин. волости:				
С. Головинщино	7,1	24,5	68,4	Базарное село, почти все заним. кустарным промыслом.
С. Андреевка	3,0	72,0	25,0	Исключит. земледелие.
Кочетовск. вол. Инсар. у.	0,2	67,8	32,0	Отсталое земледелие.
Трехсвят. вол. Инсар. у.: с. Старые Верхиссы	3,0	54,0	43,0	Отстал. землед. до войны около 60% работн. уходило на заработки.
С. Каменный Брод	3,0	65,0	32,0	Почти сплошь земледелие.
Тезиковская вол. Наровч. уезда.	3,0	57,0	40,0	Земледелие.
Атемарская вол. Саран. у.	1,4	57,1	41,5	Земледелие; до войны 30% населения уходило на заработки.
Б. Азясская вол. Краснослободского уезда	3,2	54,0	42,8	Земледелие.
Черкасская вол. Керенск. уезда	1,4	51,3	47,3	Земледелие.
Базарная Кеньша, Городищенского уезда	6,3	25,5	68,2	Базарное село; земледелие; 13% занимается ремеслом.

лость). На той же странице доклада этот вывод еще раз повторяется: «Пройдет не один год, когда в данной волости появятся кулаки».

«Общий экономический упадок и отсутствие торговых центров не дали возможности для роста кулачеству» (Тезиковская волость).

«Роста кулацких хозяйств нет. Есть небольшой процент (2%) старого кулачества, которое вырождается, и прочную почву под ногами имеет лишь один процент» (Павло-Куракинская и Егинская волости).

«Наличие кулацких хозяйств как крестьянами, так и советом и ячейкой отвергается, с чем можно согласиться, ибо Леткинская волость является типичной по слабости экономического развития. Старое кулачество за год революции распылилось» (Леткинская волость, Рузаев. у.).

«Кулачество села Старых Верхисс реставрировалось из дореволюционного кулачества; торговля и промышленные предприятия—основные источники кулацкого обогащения. Аренда, испольщина земли — играют случайную, второстепенную роль в данное время» (Трехсвятская вол., Инсарского уезда).

«На почве земельных отношений кулачество не растет, а падает. Все кулачество — дореволюционное, вновь нарождащихся не видно» (Соколовка, Чирковской волости).

«Рост кулацких хозяйств происходит не за счет земельных отношений, а на почве торговли. У маломощных крестьян землю в аренду брать опасаются из-за налогового обложения» (Черкасская волость. Керенского уезда).

«Роста кулачества на почве земельных отношений не наблюдается. Кулачество, имеющееся в деревне, является дореволюционным и нового нарастания кулаков не наблюдается» (Чирково. Саранского уезда).

Совершенно тождественные этим выводы даются по Григорьевской волости (Чембарского уезда). Атемарской волости (Саранского уезда). Ломовской (Мокшанского уезда), Б.-Азясской волости (Краснослободского уезда).

«Кулацких хозяйств. эксплоатирующих чужой труд, в названных селах (Стрельниково — 265 дворов и Кишалы — 380 дворов. Темниковск. у.) нет. Торговцев также не имеется. Происходит увеличение бедняцких и середняцких хозяйств с одновременным уменьшением числа мощных хозяйств».

«В этих трех селах (Черноземье, Панкратовка и Елизино, Черноземской волости, Мокшанск. у.), — читаем в одном из докладов, — нет таких, которые бы захватили в свои лапы бедняков путем испольщины. ростовщичества или аренды. Но есть несколько бывших кулаков, прежних властителей села, в которых крепко сидит былая кулацкая закваска. Хотя теперь они по своему имущественному положению ничуть не богаче любого середняка и живут таким же трудом, как и середняки. но тем не менее сторонятся от бедняков и середняков и имеют, несомненно, надежду когда-нибудь выйти в «люди». Двое из них с введением нэпа попробовали было «тряхнуть стариной», да ничего не вышло. Первый (в прежнее время торговец) открыл в Черноземье торговлю, но появившаяся вслед за ним потребительская кооперация заставила его прикрыть торговлю. А второй. тоже в прежнее время торговец, занялся-было куплей и продажей скота, но тоже прекратил совершенно это дело и сейчас занимается исключительно

сельским хозяйством. Кроме того, четыре бывших кулака открыли компанейскую торговлю. но в 1923 году так же благодаря кооперации перестали существовать».

«Кулаков. обогащающихся на земле Торбеевской волости, почти нет. Кабальной аренды земли не встретил. Бедняки в большинстве сдают в обработку свою землю испольно и в большинстве дело имеют с многосемейными середняками. Кабальные ссуды раньше. повидимому, были, теперь же это встречается редко: говорил мне один бедняк, что «сейчас у них давать нечего, а дадут — так обратно не получат». Кулацкий элемент весь вышел из местных крестьян, в большинстве это дореволюционные местные торговцы и мельники. Из проверенных сорока торговцев — пять бывшие приказчики и хлебопашцы. остальные 35 бывшие торговцы. В данное время частные торговые предприятия одно за другим прогорают, наличие в них товаров и их подбор крайне незначительны. более устойчиво торгуют одиночки из наиболее изворотливых и предприимчивых торговцев».

В докладе о расслоении по Чертковской волости делается такой вывод: «зажиточного элемента по волости. особенно кулаков как эксплоататоров чужого труда в сельском хозяйстве, — нет или это крайне редкие случаи».

Середняки.

При более подробной разбивке середняцкой группы по степени имущественной мощности этих хозяйств вышеприведенная таблица (см. 19 стр.) получает такое видоизменение (в процентах):

Район.	Кулаки.	Середняки. Зажиточн.	Середняки. Средн.	Середняки. Маломощн.	Бедняки.
Пригородный	4,0	4,2	Вместе	51,8	40,0
Земледельческий	1,4	4,4	42,9	25,4	25,9
Прифабричный	2,0	3,6	29,2	21,8	43,4
Нацменский (татарск.)	4,0	2,5	Вместе	28,9	64,6
„ (мордовск.)	1,5	4,6	30,7	19,4	43,8

Экономическая характеристика этих групп, по наиболее интересному в отношении середняцкой группы земледельческому району, такова:

Характеристика хозяйств по числу едоков, работников и обеспеченности скотом.	Середняки.			Бедняки.
	Зажиточн.	Средн.	Маломощн.	
На 1 хоз. душ обоего пола	8,0	6,0	5,3	4,5
По числу членов семьи:				
Одиночки	нет	0,2%	0,4%	5,9%
2—3 члена семьи	5,2%	10,0%	18,6%	27,1%
4—6 членов семьи	29,3%	48,9%	52,8%	50,9%
7—10 членов семьи	48,3%	35,9%	26,7%	15,7%
11 и более	17,2%	5,0%	1,5%	0,4%
По числу работников в семье:				
Без работника (мужчин)	нет	2,2	10,4	26,7
На 1 хоз. мужч. работников	1,8	1,5	1,3	0,9
„ 1 „ женщ. работниц	1,9	1,6	1,4	1,3
По числу лошадей:				
Хозяйств безлошадных	3,5%	8,7%	25,2%	65,7%
„ с 1 лош.	44,8%	75,9%	71,8%	34,3%
„ „ 2 „	48,3%	15,2%	3,0%	нет
„ „ 3 „	3,4%	0,2%	нет	нет
На 10 дворов приход. лошадей:	17	11	8	3
По числу коров:				
Хозяйств бескоровных	3,4%	6,3%	14,8%	43,2%
„ с 1 коровой	44,8%	81,8%	82,6%	55,5%
„ „ 2 „	48,3%	8,7%	2,6%	1,3%
„ „ 3 „	3,5%	0,2%	нет	нет
На 10 хозяйств коров приходится	15	10	9	4

Изучение этих имущественных групп другими комиссиями дало в процентных отношениях поразительно яркое подтверждение положительно всех тенденций приведенной таблицы. Нужно отметить, что в число зажиточных середняков здесь вошли и кулаки. Картина получается еще резче, если кулацкую группу выделить в самостоятельную. Одна из комиссий по нацмен.-мордовскому району, наиболее сильному группой зажиточных (4,6%), проделала эту работу и получила результаты, сведенные в таблицу (см. стр. 24).

Что же выделяет зажиточного середняка из всей остальной крестьянской массы? Прежде всего многосемей-

Характеристика хозяйств по едокам. работникам, обеспеченности скотом, инвентарем и посевом.	Кулаки.	Середняки.			Бедняки.
		Зажиточн.	Середн.	Маломощн.	
На 1 хозяйство приходится:					
Едоков	6,06	9,55	7,16	6,14	4,74
Мужчин работников	1,24	1,91	1,46	1,27	0,88
Женщин-работниц	1,18	1,87	1,45	1,25	0,95
Работников обоего пола	2,42	3,78	2,91	2,52	1,83
Десятин посева	5,62	8,03	5,43	4,68	3,4
Лошадей	1,12	1.64	1,07	0,91	0,38
Коров	1,76	2,08	1,39	1,01	0,49
На 1 раб. приход. едоков	2,51	2,53	2,47	2,44	2,60
Хозяйств, имеющ. плуг в %	58,8	52,8	20,0	6,8	1,0
Хозяйств, пользующихся арендной землей в %	23,4	52,8	29,0	12,6	2,2
Посева (в дес. на 1 едока)	0,93	0,84	0,76	0,76	0,72

ность (а следовательно и большая обеспеченность хозяйства землей), затем большая обеспеченность рабочей силой и, наконец, более полная обеспеченность живым (лошадь, корова) и мертвым (плуг) инвентарем. Это с полной очевидностью видно из двух вышеприведенных таблиц. Из второй таблицы видим, что больше половины (52,8%) зажиточных занимается арендой земли. Некоторый свет на арендные отношения проливает следующая таблица:

Беспосевные и с посевом хозяйства по размерам посевной площади.	Число хозяйств в %%.	
	При игнорировании арендных отношений.	При взятии в расчет этих отношений.
До 1 десятины	2,1	2,1
От 2 до 4 десятин	48,5	46,4
От 4 до 8 десятин	43,2	43,3
От 8 до 10 десятин	4,4	5,2
Свыше 10 десятин	1,8	3,0

Арендные отношения усиливают хозяйственную мощность зажиточных середняков и ослабляют бедняков (с посевом до 4 десятин). Зажиточная группа растет примерно в доброй своей половине за счет аренды земли [1]. Другая половина укрепляет свое хозяйственное положение подсобными заработками (по Атюрьевской волости, по данным комиссии, промыслами занято: среди бедняков 25,4% их числа, среди слабых середняков — 31,1%, середняков — 27,5% и среди зажиточных (без кулаков) — 41,5%), культурным ведением хозяйства и т. д., помимо общих благоприятных условий хозяйственного развития (многосемейность, обеспеченность рабсилой, инвентарем и т. д.).

Как велика группа зажиточных? В процентном отношении ко всему количеству крестьянских дворов она колеблется (в зависимости от местных условий) от 2,5 до 7,7%. Эта группа численно немного более кулацкой и вместе они составляют местами около 6%, местами немного более, но нигде не достигает 10% всех крестьянских дворов. Но эта группа (зажиточных) обладает бо́льшей устойчивостью, чем кулацкая: она растет неизменно из года в год (по Атюрьевской волости: до революции — 8,1% всех дворов, в 1922 — 3,6%, в 1923 г. — 3,8% и в 1925 г. — 4,6%), не достигнув еще, однако, довоенного процента, но и не сдав своих позиций на пролете 1923 — 25 г.г., как это было в той же волости с кулацкой группой.

Мы не сделаем, вероятно, большой ошибки, если по меньшей мере половину зажиточных, берущих землю в аренду (т.-е. примерно четвертую часть всех зажиточных хозяйств) отнесем в кулацкую группу, которую они миновали при пособничестве — под угрозой голодной смерти — бедноты. Кулацкая группа, таким образом, должна быть увеличена на один процент за счет соответствующего уменьшения группы зажиточных хозяйств. Остальные три четверти зажиточных (т.-е. примерно 3% всех крестьянских дворов) должны быть строго отличаемы от хозяйств кулацкого типа. На местах же в этом отношении царит зачастую бесшабашная путаница, вредящая делу хозяйственного подъема крестьянского хозяйства.

---

[1]) Арендуют землю, как мы видели, 52,8% зажиточных хозяйств (по данным других комиссий доходит до 63% и даже 89%) и 23,4% кулацких. Во многих селах кулаки лишены душевого надела и пользуются землей на правах аренды и, как это видно из размера посевной площади на 1 хозяйство (5,62) — в подавляющем большинстве случаев, аренда носит потребительский характер. Там, же, где кулаки земли не лишены, они нередко обрабатывают ее не сами, а сдают. В докладе одной из комиссий (прифабричный район) читаем: «кулаки — напр., мельники, торговцы — не только не берут земли в аренду, но даже сдают ее для обработки». Комиссия нашла таких 12%.

Перейдем к **середнякам**. С экономической характеристикой этой группы мы уже знакомы из вышеприведенных таблиц. Остается ответить на один из основных вопросов расслоения: **середняет ли деревня?** Комиссия, ознакомившаяся с каждым хозяйством **Атюрьевской** волости в его прошлом и настоящем, дает такую таблицу:

Годы.	Бедняки.		Маломощные.		Середняки.		Зажиточные.		Кулаки.		Всего хоз.
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	
До революции	341	30,6	145	13,0	488	43,8	91	8,1	50	4,5	1115
1922 г.	498	44,5	186	16,6	381	34,0	40	3,6	13	1,3	1118
1925 г.	493	44,0	215	19,2	344	30.7	52	4,6	17	1,5	1121

Эта таблица, правда только по отношению к Атюрьевской волости, дает возможность на поставленный вопрос ответить отрицательно. Основная середняцкая масса **тает**, переходя подавляющей своей массой на соседнюю с бедняком ступень — в разряд маломощных, слабых середняков, под ударом недорода переходя в бедняцкую группу. Вот таблица по сплошь земледельческой Свищевской волости, недородной в 1924 году, показывающая, как отдельные группы крестьянства переживают недород:

Хозяйств.	Зажиточные и кулаки.		Середняки.		Слабые середняки.		Бедняки.	
	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.
Безлошадных.	3,5	10.5	8,7	10,5	25,2	42,4	65,7	89,4
С 1 лош.	41,8	25,8	75,9	83,4	71,8	57,6	33,9	10,6
С 2 лош.	48,3	56,8	15,2	6,1	3,0	—	0,4	—
С 3 лош.	3,4	6,9	0,2	—	—	—	—	—
Бескоровных.	3,4	5,2	6,3	6,1	14,8	18,7	43,2	54,8
С 1 коров.	44,8	37,9	84,8	83,9	82,6	79,9	55,5	45,2
С 2 коров.	48,3	50,0	8,7	10,0	2,6	1,4	1,3	—
С 3 и более	3,5	6,9	0,2	—	—	—	—	—

Картина получилась бы ярче, если бы из группы зажиточных была выделена кулацкая группа («безлошадные» торговцы

и мельники). Но и в этом виде нетрудно разглядеть, что недород усилил зажиточную верхушку; середняцкое хозяйство, не испытав в общем глубоких потрясений, выделило из своей среды некоторое количество ослабевших; зато недород сильно ударил по хозяйству слабого середняка и бедняка. Так недород комплектует ряды бедноты.

Бедняки.

Недород 1924 года, надо полагать, сильно увеличит группу бедняков. Но до начала 1925 года можно было наблюдать (см., например, вышеприведенную таблицу по Атюрьевской волости) некоторую тенденцию уменьшения бедноты, правда, очень незначительного. В силу тех или иных благоприятных обстоятельств отдельные бедняцкие хозяйства поднимают свое хозяйство и прежде всего там, где революция сильно расширила душевой надел, где есть подсобные заработки и т. д.

Как комиссии, так и отдельные товарищи в беседах с крестьянами пытались выяснить главные причины обеднения хозяйства, которые привели его к разорению. Чаще всего называли раздел (от 10 до 26% всех обедневших хозяйств).

Далее указывали на недостаток рабочих рук, опять-таки, как на одно из последствий раздела (здесь же вдовье, сиротское и стариковское хозяйство). Число таких хозяйств по отдельным селам колеблется от 14 до 38% всех бедняцких хозяйств.

Значительное место (примерно 20% бедноты, а местами до 60%) занимают стихийные бедствия — недород, пожар, падеж скота и т. д.

Уход на военную службу тоже назывался в качестве причины обеднения в отношении, примерно, десятой части всех бедняцких хозяйств.

Назывались далее: физические недостатки (длительная болезнь) — около десятой части всех бедняцких хозяйств; «потомственная беднота» (так выражались крестьяне, когда затруднялись указать причину)—также примерно 10% (с колебанием от 6 до 12%); неприспособленность и неуменье вести хозяйство («неудачники») — от 5 до 8%. Лодырей среди бедноты нигде не насчитывали более 5% всех бедняцких хозяйств. Лодырь — по определению крестьян — это тот, кто «долго летом спит в холодке, по соседям шляется болтать, много спит и, если заведется копейка, тащит в ларочку на рыбу или еще что: любит хорошо поесть».

При обследовании пригородных деревень в беседе с зажиточными (и частью рядовыми середняками) пришлось встретиться с огульным обвинением бедноты в лодырничестве. На предложение беспристрастно обсудить всех бедняков по посе-

ленному списку крестьяне согласились, — и в итоге насчитали лодырей около 5%. Собеседникам ничего не оставалось делать, как красноречиво почесать в затылке, а некоторые из них предусмотрительно ушли, не дождавшись «посрамления».

Какова же бедняцкая доля?

Условия жизни бедняка очень тяжелые. Бедняцкие хозяйства в большинстве безлошадные, бесскотные. Не имея лошади, бедняк вынужден на кабальных условиях для себя нанимать обрабатывать землю. Так, крестьянин Базайкин (Атюрьевская вол.) за вспашку полутора десятин пара отдал 15 пудов хлеба; яровое обработали за то, что половину земли своей отдал хозяину лошади, да, кроме того, 20 дней сам и жена работали на этого же владельца лошади. Такие же примерно, условия и для других. Урожай у бедняка всегда хуже, чем у других; ему не на чем вывезти в поле навоз, да и навоза-то нет, потому что нет скотины; обрабатывает ему землю лошадный хозяин не во-время: после того, как вспашет себе. Хлеба он набирает всего лишь на 2 — 3 месяца, а остальное время пробивается отхожими промыслами или «закладывает» себя и свою семью за несколько пудов хлеба зажиточным крестьянам. Питается бедняк картофелем и хлебом с суррогатами и кашей. Только в большие праздники (в году 3 — 4 раза) покупает по 5 фун. мяса.

Процент сдающих в аренду в прифабричном районе в группе кулацких и зажиточных хозяйств равен 12, в середняцкой группе — 28 и в бедняцкой — 98 (в земледельческом районе процент по всем группам снижается: для бедняцкой до 70 и середняцкой до 25). В земледельческом районе (Свищевская волость) земля безлошадников обрабатывается на таких условиях:

Социальные группы.	За испольную сдачу.	За испольную и наем.	Наем.	По родству.	„Помочью“.
Бедняки	29,0	6,0	52,0	9,0	4,0
Маломощные	5,3	5,3	57,9	28,9	2,6
Середняки	—	—	81,8	18,2	—

Эти условия не дают бедняку возможности достаточно полно использовать свою пашню. В прифабричном районе, где его положение особенно тяжело, процент посева к пашне у крепких хозяйств выше, чем у последующих групп: у крепких % посева

к пашне равен 39,5, у середняков — колеблется по отдельным селам от 29 до 37 и у бедняков от 8 до 19%. Дальнейшее изучение этого вопроса дало возможность комиссии сделать заключение о наличии таких кабальных условий аренды, когда земля сдается «не испольно и даже не из третьей доли, а из 4-й и даже 5-й». К этому необходимо прибавить плохие урожаи на сданной земле. По земледельческому району выяснено, что плугарь получает урожай выше среднего для урожая данного села на 23,3%; обрабатывающий сам сохой на 2,3% выше, а обрабатывающий наймом — ниже на 18,6%. Разница в урожае у безлошадного и у плугаря выражается в 41,9%, а с середняком (сохарем, самим обрабатывающим землю) — на 21,9%.

Отсюда — чрезвычайная трудность для бедняка вырваться из нужды и встать на середняцкую дорогу. Перспективы хозяйственного подъема для земледельческого района (по отдельным группам) представляются в таком виде (в процентах):

Группы:	Падающие.	Устойчивые.	Улучшающиеся.
Бедняки	70,5	27,9	1,6
Маломощные	30,5	53,1	18,4
Середняки	4,3	75,9	19,8

По другим районам, правда, перспективы более утешительные: в нацмен-татарском районе, например, 32,2% бедняцких хозяйств на пути к подъему, в пригородном еще больше — 47%. Ускорение этого хозяйственного подъема бедноты зависит прежде всего от урожая, от развертывания подсобных заработков и от поднятия крестьянской взаимопомощи, не говоря уже о ряде мероприятий, направленных к коренной перестройке крестьянского хозяйства и прямой поддержке бедноты (в первую очередь кредит).

СОВЕТЫ В ДЕРЕВНЕ.

Сельсовет и сход.

Что такое сельсовет в представлении крестьянства?

Это — председатель (есть еще села, где его по-старинке зовут «старостой») плюс секретарь («писарь»), т.-е. те представители власти, к которым крестьянину приходится непосредственно обращаться по разным случаям жизни и без которых нельзя обойтись. Члены совета — в тени; кое-где их называют «помощниками председателя».

Секретарь, как общее явление, грамотнее председателя, лучше разбирается в законах и, следовательно, «нужнее». Нередко он фактически и верховодит.

Типична, например, работа сельсовета мордовского села Саввы. Всю работу ведет секретарь, он ведет переговоры, дает разъяснения, справки, указания по всем вопросам. Председатель же с утра и до вечера сидит и молча курит с приходящими «от нечего делать» в сельсовет крестьянами (последних всегда много). Все его «деловые» распоряжения сводятся к «приказаниям» кому-нибудь из присутствующих растопить печку или послать куда-нибудь подводу.

Сами члены сельсовета считают ответственным за работу перед обществом только председателя сельсовета. Общество не интересуется работой сельсовета, при чем в их глазах председатель является председателем не сельсовета, а всего села. Поэтому раньше не интересовались, кто выбирается в сельсовет, а интересовались только тем, кто выбран председателем. В некоторых селах и теперь, при новых перевыборах, требовали, чтобы председатель избирался не сельсоветом, а непосредственно на общем собрании.

Состав сельсоветов—середняцкий, бедняки в меньшинстве. Председательский состав более однороден (обычно середняк от сохи, беспартийный), чем секретарский, где можно встретить и вдову попадью (ст. Каменка) и кандидата партии, и совсем малограмотного, который ведет протоколы так, что после в них ни он сам, никто другой не разберет ничего (Алтары).

Инициативы у сельсовета — никакой. В представлении крестьянства и самих сельсоветов созданы они исключительно для выполнения распоряжений сверху. А из этих распоряжений в более или менее доступном для понимания виде проводят лишь распоряжения налогового характера (и то не всегда). Остальные распоряжения и указания приходят в сельсовет в сыром виде, как они вышли из губернской канцелярии, сдобренные лишь надписью «к сведению и руководству» или «для исполнения», сделанной в Вик'е. Распоряжения эти непопулярны и многословны. «Начинаешь читать сверху — жалуются в сельсоветах — и когда доходишь до конца, то уже совсем не помнишь, о чем говорилось в начале».

О знании советских законов и говорить не приходится; нет кодексов и даже конституции. Так обстоит дело не только в деревенской глуши, но и в пригородных селах.

Требования крестьян, предъявляемые работникам сельсовета, крайне скромны: там должны быть люди честные, толковые и не пьяницы, иногда даже с оговорками, чтобы «знали время, когда пить».

Но и эти требования далеко не везде выполняются.

«Работники сельсовета, — читаем в докладе по обследованию Дубровской волости, — подобраны в общем удачно, но большинство их страдает пьянством».

«Сельсовет пьет без просыпу» (Дигилевка, Городищенского уезда).

«При объезде волости члены или председатель Вик'а первым долгом отыскивают через сельсовет самогонку и выпивают. Сельсоветы после этого идут по стопам своего волостного начальства» (Григорьевская вол.).

Комиссия по обследованию пригородного района, предупредившая заранее о дне своего приезда Старо-Каменский сельсовет, встретила председателя и заместителя его в совершенно пьяном виде, при чем секретарем оба они были отрекомендованы так: первый пьян, как правило (пьет ежедневно), второй, как исключение (свадьба).

В материалах обследования встречаем, далее, не мало указаний на взяточничество и растраты.

Комиссия по обследованию Н.-Шкафтинской волости рассказывает о секретаре Казарского сельсовета следующее. Проживающий в селе 75-летний старик, схоронив трех жен, решил жениться на четвертой. «Нашел, — рассказывает старик, — бабу, жить стали, да беда вся в том, что поп на четвертой не венчает, а соседи над неженатыми смеются, да и бабе и самому жизнь узаконить хочется. Очень уж обоим в совете расписаться захотелось. Пошли к писарю: на четвертой, мол, распишешь? Можно, говорит, неси два пуда. Отнес, а, гляжу,

писарь все тянет. Так и обманул. Пришлось самим в волость являться. Там уж без хлопот записали».

О том же рассказывает и комиссия по обследованию Кривозерьевской волости.

В январе 1925 года Алтарское общество постановило взять учительницу для обучения девочек. Учительница вскоре же нашлась, подала заявление в сельсовет. Председатель сельсовета Альмяшов, прежде чем принять ее на службу, вызывает к себе на квартиру ее отца и просит с него взятку самогоном или деньгами.

Реже встречаются случаи растрат общественных средств: наиболее распространенный вид растрат — это расходы на «угощение» приезжающих в село городских работников. Комиссия по обследованию Кривозерьевской волости, приведя два — три таких случая, пишет: «приезжающие в села разные землемеры, лесники и т. п. стараются под тем или иным предлогом сорвать что-нибудь с крестьян, отчего у населения создается мнение, что как в селах, так и в городах сидят взяточники».

Из всего этого нетрудно сделать вывод, что, как общее правило, бедняк не находит защиты в сельсовете.

Характерный в этом отношении случай был в с. Алтарах. Бедняк Лукаев (безлошадный) сдал вспахать 17 саж. за 3 пуда хлеба, а когда эту землю ему вспахали, то потребовали 6 пудов. Лукаев платить 6 пудов отказался. На другой день к Лукаеву приходит предсельсовета Ямбаев и отбирает у него козу. Лукаев бросился с жалобой в волмилицию, в умилицию и, не добившись там толку, пошел прямо к прокурору. Ходил всего 17 суток и только при содействии прокурора козу, наконец, ему возвратили, но при этом за свою же козу он чуть не был избит...

«Мнение бедноты, — читаем в докладе по обследованию Свищевской волости — сельсоветами не учитывается и мало принимается в расчет. Она меньше всего пользуется льготами при выполнении сельхозналога».

«При взимании сельхозналога для алтарской бедноты были представлены льготы, но этими льготами прежде всего воспользовался председатель сельсовета, его заместитель, секретарь и председатель комитета взаимопомощи».

Неудивительно поэтому, что беднота чаще недоверчиво относится к работе сельсовета и охотней выражает свое недовольство.

Положение усугубляется тем, что политическая погода на селе делается не сельсоветом, а сходом.

«Работы сельсоветов, как таковых, нет. Все дела решает сход, которым сельсовет не руководит» (Атюрьевская волость).

Подобные замечания имеются почти в каждом докладе и только в немногих случаях указывается на «слабое» или «не-

достаточное» влияние сельсовета на сход. Но зато есть села, где сельсовет игнорируется совершенно. В Григорьевской волости, например, не было ни одного случая, когда бы сельсовет делал заседания и выносил те или иные решения. Вся работа сельсоветов сводится к собиранию сходов, где и разрешаются все вопросы. Бывали случаи, когда собирался сход, и сельсовет об этом даже и не знал. Кто же руководит сходом?

На сходе.

Яркую картину деревенского схода передает товарищ, бывший в Атемарской волости. Описанный им сход был 15-го февраля с/г.

...Собрание открывает председатель сельсовета. Просит избрать председателя для ведения собрания. Избирается бывший кулак, говорун, занимавший во времена Керенского должность уездного комиссара труда. Вокруг президиума группируются кулаки и крикуны из той части бедноты, которая считает себя «обиженной» советской властью. Председатель сельсовета отходит в сторону, середняки и бедняки располагаются подальше. Обсуждается вопрос. Председательствующий кулак высказывает свое мнение, два — три кулака кручат: «правильно». Бедняки и середняки втихомолку, между собой, поговаривают против. А сзади кулаки кричат: «правильно». Председательствующий как бы вскользь замечает (прямо — неловко: на сходе присутствует ведь работник из губернии):

— Хотя советская власть и решает вопросы по большинству, но все вопросы по большинству решать не приходится...

Еще крикнули о чем-то два—три кулака, да бедняк ругнул советскую власть, и вопрос решается без всякого голосования.

— Пиши, секретарь, — в поднявшемся гвалте слышится голос председательствующего.

А что секретарь пишет — об этом можно легко догадаться.

По окончании проведенного по всем правилам кулацкой демократии собрания, председательствующий подходит к приехавшему из губернии товарищу и, захлебываясь от удовольствия, «соболезнующе» шепчет на ухо:

— Видели: это бедняк, товарищ, хаит Советскую власть...

А в Чертковской волости кулачество приспосабливается к руководящей роли так. С открытой политической критикой Советской власти кулачество выступать боится, так как наличие довольно сильных партийных работников в волости может легко оставить их в меньшинстве и тем подорвать их «авторитет». Действуют они иначе: если заходит речь о бедноте, то начинается шопот:

— Ишь, как врет-то... Семь лет говорят, а нет ничего...

И сейчас же «разъясняют» рядом сидящему бедняку:

— Слушай, про тебя ведь говорят. Защищают... О нас, богачах, давно уж не говорят, все за бедноту стоят. Ну, а у тебя что от этого есть? Обещать обещают, а не дают тебе. Скоро подохнешь ты...

И бедняк соглашается, а если не соглашается и выступает на сходе, то его быстро срезает какой-нибудь красноречивый середняк, который тянется на поводу за зажиточным, ставя бедняка, не умеющего хорошо сказать, в неловкое положение.

Примерно так же обстоит дело и в других волостях.

«На сходах голос кулака всегда пользуется поддержкой бедноты и середняка, в особенности середняка; беднота же большей частью отделывается молчанием» (Головинщинская вол.).

«Несмотря на то, что кулацкий элемент лишен права голоса, он обычно ходит на сход и если не сам, то через других вносит вопросы» (Тезиковская волость).

А в Григорьевской волости кулачество пользуется правом голоса и руководит сходом. Активное участие на сходе принимают помещик и вся его семья в лице зятьев, которые также имеют право голоса. На таких сходах ни один вопрос не решается без шероховатостей, часто сход оканчивается скандалом. Кулаки и все зажиточные крестьяне, тяготеющие к ним, а таковых наберется 13 — 15, держат свою линию и предлагают свое постановление. Бедняки, а также середняки, тяготеющие к беднякам, не соглашаются, — получается ожесточенный спор. Часто уходят, покидая собрание, и середняки, не примыкающие ни к той, ни к другой стороне и мало проявляющие активности в решении того или иного вопроса.

В таких обществах сельсоветам работу вести очень трудно. В тех же селах, где кулацкого элемента нет и если есть, но, примерно, менее одного процента, там все решения на сходах проходят почти без возражений и единогласно (щетининское общество) и посещаемости сходов также замечается больше. В таких селах крестьянство охотнее идет на устройство и ремонт мостов и на всякие общественные нужды и имеется более доверия сельсоветам» (Григорьевская волость).

Или вот еще характерный штрих кулацкого засилья:

«Середняк выхлопотал у одного из обществ Б. Кеньши (Городищенского уезда) участок усадебной земли под надворную постройку, при чем это общество в большинстве состоит из середняцких хозяйств. Спустя некоторое время, под воздействием заинтересованного в названной усадьбе кулака, общество изменяет свое решение и усадьбу передает за соответствующее вознаграждение кулаку.

Товарищ, бывший в с. Ломовке, передает такую картину состоявшегося в его присутствии схода. На сход этот явились: 31 середняк, 22 бедняка и 6 торговцев, из них 3 лишенные прав

(в Ломовке 626 дворов). На повестке — доклад о кооперации. Кучка торговцев, рассевшись сзади, решили сорвать доклад. Как только докладчик начал, сзади раздались выкрики:

— Довольно, слыхали. Нечего обманывать. Надоело нам.

Это сразу передалось на собравшихся, все начали шуметь и кричать, что «надо скорее кончать». Едва удалось успокоить и дать докладчику закончить.

Подобных выдержек и картинок можно было привести еще десятка полтора из материалов обследования.

Положение бедноты на сходе чрезвычайно тяжелое.

«Решающее влияние на сходах имеют зажиточные; бедняки о себе говорят так: «мы стоим сзади, в углу; хочешь сказать, так махнут на тебя рукой: молчи, мол, какой из тебя толк» (Кривозерьевская волость).

«Демобилизованные красноармейцы на общих собраниях предпочитают молчать, молчит и беднота» (Свищевская вол.).

«Из наблюдений и личных бесед видно, что бедняк активности почти никакой не проявляет. Были, например, случаи, когда бедняк начинает говорить о необходимости более правильного проведения того или иного закона, так сейчас же, по их выражению, им «затыкают рот» как середняки, так и кулаки, говоря: «хорошо вам пользоваться льготами, а за вас нам платить приходится» (Ломовка, Мокшанского уезда).

Секрет такого значительного влияния зажиточного слоя деревни на сходах кроется, конечно, в его былой и растущей теперь хозяйственной мощности и в экономической зависимости от него маломощного слоя.

В Атюрьевской волости есть кулак, который в нынешнем году роздал 700 пудов хлеба в долг и для посева и для еды. На вопрос комиссии, на каких условиях он «выручает» хлебом, ответил:

— Процентов не беру...

Но из бесед с крестьянами выяснилось, что эти проценты берутся в виде отработки. Сущность же «выручки» для большинства, однако, остается нераскрытой.

В той же волости есть и такие кулаки, которые в целях приобретения популярности на селе выдали нескольким маломощным хозяйствам по 3 пуда хлеба без возврата.

Где «добрым словом», а где и тряхнув мошной, кулак борется за влияние на середняка, и в этом ему способствуют два обстоятельства: 1) свою выручку он направляет именно туда, куда, по его расчетам, это следует; он пользуется своим имущественным превосходством целесообразно (чего, например, нельзя сказать о работе комитетов взаимопомощи) и 2) умело использует наблюдающееся местами недовольство середняков государственной поддержкой бед-

ноты, которая в отдельных случаях, действительно, на местах используется нецелесообразно.

Помогает кулаку и то обстоятельство, что часто затушевывается или вернее замалчивается вопрос о лодыре. Лодыри действительно есть. Численно они ничтожны, ни в коем случае не больше 5% всех бедняцких хозяйств, но качественно они вредны, и к ним крестьянство относится с такой враждебностью, что ее хватает на всю бедноту. Эта численно ничтожная кучка лодырей компрометирует в глазах крестьянства весь бедняцкий слой деревни, что происходит, конечно, не без помощи кулацкой агитации.

В селе Ст.-Верхиссы два бедняка проиграли в карты свои избы. Все село тычет на них пальцем, а кулаки приговаривают:

— Ничего, государство лесу им отпустит: в бедняках, ведь, значатся...

— Заработок себе нашел, — говорят в других местах, — да не впрок он ему: проест все на колбасе да на калаче...

— Самому жрать нечего, а бабе обнову купил...

Поведение бедняка находится под особым наблюдением деревни, принимается в расчет все, вплоть до количества съеденного калача...

В одном из сел Валяевской волости в беседе с группой середняков мы спросили: какого они мнения о бедняках, как они к ним относятся? Ответ получился такой:

— Тягота одна с ними. Сами о себе не заботятся: вот и бедность. Спину хорошенько бы гнули, как мы вот...

Мы взяли список и назвали несколько бедняков, которые прикладывают к своему хозяйству нечеловеческие усилия, чтобы выбиться на середняцкую дорогу.

Лица собеседников вспыхнули нескрываемым сочувствием:

— Вот этим помочь бы надо. Вот как помочь бы!..

И когда обсудили весь список, то оказалось, что «спину гнуть» следовало бы очень немногим (не более указанного выше процента), остальные же пользуются всеобщим сочувствием (пострадавшие от стихийных бедствий, вдовы, сироты, старики, больные и т. д.). Когда речь заходит о бедноте, так сейчас же начинается удивительно меткое тыканье пальцем в действительных лодырей, которые,—если не разобраться спокойно и деловито, — заслоняют собой всю бедноту. Замалчиванием вопроса о лодыре, невыделением действительных лодырей из общей бедняцкой семьи, умело пользуются те, кому это на руку, отвечая на это огульным обвинением всей бедноты в лодырничестве, умелым сопоставлением известных всей деревне фактов, распространяя недоброжелательное отношение крестьянской массы к лодырям на всю бедноту. Мы не стесняемся сейчас же занести на черную доску за лодырничество отдель-

ных рабочих; рабкоры считают это одной из своих обязанностей, а в деревнях этого нет.

Молчат из-за ложной боязни повредить бедноте, а это молчанье действительно ей вредит, так на эту тему за нее говорит кулак. Мы не только не бичуем лодыря в сельском хозяйстве, но бывают иной раз случаи, когда уделяется ему помощь, которую государство оказывает бедняцким хозяйствам и которую можно распределить по беднякам при полном сочувствии и поддержке всей массы крестьянства. В нашей агитации и в практической работе нужно научиться отделять действительного бедняка от лодыря, с лихвой возвратив по его адресу то общественное порицание, которое сейчас нередко распространяется на всю бедноту. Если мы постесняемся взять на себя это, то от этого выигрывает только кулак с его «абстрактным» опорочиванием бедноты.

Таковы обстоятельства, усиливающие позицию кулака.

Но по дороге ли середняку с кулаком? Для этого достаточно заглянуть в содержание кулацкой критики Советской власти.

Вот оно:

«В большинстве случаев критика кулаков не является деловой критикой. Своей критикой они не хотят доказать, что взятая властью линия неправильна, что ее нужно исправить, а хотят убедить, будто все беды от Советской власти; не будь Советской власти, — было бы лучше» (Головинщинская вол.).

Старо-Верхисская ячейка партии провела довольно удачную работу по кооперированию крестьянства, и здесь мы читаем:

«На сходах и в общественной жизни кулачество не имеет влияния. Массы внимательней прислушиваются к голосу ячейки партии».

«На собраниях (сходах) главенствующую роль играет середняк с частью бедноты, кулак же посещать эти собрания избегает» (Чирково, Саранского уезда).

В пригородном районе, где близость губернского города делает бедноту, вследствие большей возможности подсобных заработков, менее зависимой от зажиточного слоя,—там кулацкого засилья не чувствуется совсем, там на сходе имеет решающее значение передовой середняк, демобилизованный красноармеец, там бедняк не чувствует себя в таком бесправном положении.

Сходы, как общее явление, собираются гораздо чаще (в два, три и более раз), чем сольсоветы (если они вообще собираются). Посещаемость их зависит целиком от степени интереса обсуждаемых вопросов. Ходят лишь домохозяева (глава семьи). В лучшем случае на сходах бывает три четверти

домохозяев, обычно же меньше половины. Принятые решения выполняются плохо и гражданами (нередко со ссылкой на необязательность решений, принятых меньшинством) и сельсоветами.

Бывает и так, что постановят одно, а в жизнь проводят другое. В Валяевке, например, сходом было постановлено не допускать пастьбы скота на озимях и даже был нанят специальный человек, который сгонял бы скот с озимей. А когда этот блюститель урожая действительно начал сгонять, то был избит за это гражданами один раз, потом еще, пока не отказался от выполнения своих обязанностей.

Встречаются решения совсем необычные. Одно из обществ Григорьевской волости, в целях успешной борьбы с кражами, постановило на сходе «объявить осадное положение» с прекращением хождения по улицам после 6 часов вечера и нарушителей этого карать пятирублевым штрафом. Старики были довольны этим постановлением: «молодежь, мол, будет дома сидеть, а не по улицам без толку шляться»...

Наиболее часто обсуждаемыми вопросами являются вопросы самообложения. По подсчету одной из комиссий (Атюрьевская волость) в течение года проводится до 15 видов самообложения, и сборы в отдельных случаях доходят до одного пуда с едока в год.

Нередко обсуждаются и вопросы, связанные с церковью (наем церковного сторожа, заключение договора, ремонт и т. д.).

Волисполкомы.

Состав волисполкомов — 3 человека (из них обычно один или двое — реже все трое — партийные); технических работников 5 — 6 человек.

От сельсоветов волисполкомы отличаются тем, что они уже в значительной степени приобщились к работе уездных и губернских органов (перенимая, впрочем, как мы это увидим далее, их отрицательные стороны успешнее, чем положительные), с сельсоветами же они роднятся общими болезнями, из которых пьянство должно быть поставлено на первом месте.

Вот, например, Григорьевский ВИК. Председатель — член партии т. К. пьянством дискредитировал себя в глазах населения, снят с работы по докладу производившего обследование волости члена ГКК. Члены исполкома Н. и М. (беспартийные) ничем, кроме самогонки, не интересуются, пьянствуют ежедневно. В течение месяца, когда производилось обследование. Н. скупил 6 ведер самогонки («купил бы больше, но в деревне не хватило») и в течение 10 дней пил без просыпа. Делопроизводитель налогового стола Н., по выражению обследователя, «горчайший пьяница и трезвым не бывает ни одного дня» (выпивает, по словам крестьян, 5—7 бутылок самогона в день).

По докладу того же члена ГКК, был снят с работы, при чем в делах были обнаружены фиктивные расписки и поддельные документы. Секретарь ВИК'а «тоже выпивает». Дисциплина отсутствует, занятия производятся с 11 часов до 1 час. дня.

В Свищевской волости предвик Р. и секретарь Ш. в пьяном виде приехали в ВИК на оглобле и при этом стреляли по улице.

Заражен пьянством Дубровский ВИК, при чем предвиком К. (партийный) растрачено 200 рублей казенных денег. Технический аппарат,—читаем в докладе,—зная о проделках своих руководителей, пользуется этим, игнорируя в деловой работе на каждом шагу распоряжения руководителей.

Пьянство и преступные действия Головинщинского ВИК'а вынудили Н.-Ломовский уисполком, вследствие сильнейшего недовольства населения, распустить до срока старый состав и сконструировать новый, после чего крестьяне говорили:

— Теперь наш ВИК похож на учреждение, а не на трактир...

Вторая, более общая болезнь волостного аппарата, это — невнимательность к запросам населения и грубость. Заставить крестьянина без особой надобности сходить в уездный город — явление крайне распространенное. Обращается, например, крестьянин в Атюрьевский ВИК за разъяснением какого-либо земельного вопроса, а там еще никто не удосужился ознакомиться с земельным кодексом, и отсылают в уезд.

— Сходи-ка в Темников, там тебе обо всем растолкуют.

Кое-где невнимательность к запросам населения переходит в грубость, чаще со стороны технических служащих. Здесь особое внимание обращает на себя тот вид совершенно нетерпимой грубости, которая вытекает из сознания своего национального «превосходства»:

Население с. Дигилевки, П.-Куракинской волости — находим в материалах обследования — очень недовольно волисполкомом за грубое отношение. Никогда тебя иначе не назовут, говорят крестьяне, как: «ну, ты, мордвин». При перевыборах сельсовета сход занес в протокол: «поставить на вид ВИК'у нехорошее отношение к мордовскому населению». Подобные жалобы наблюдались и в Егинской волости (Городищенского у.).

Крайне отрицательное впечатление на крестьянство производит грубость при взимании налогов. «Нередко у членов ВИК'а, — читаем в докладе по обследованию Стрельниковской волости — возникают столкновения с неплательщиками, доходящие подчас до рукопашной схватки. Член ВИК'а мне рассказывал, как он подрался с неплательщиком при отобрании у него чапана».

Было бы, конечно, крайне несправедливо распространять эти болезни огульно на все обследованные ВИК'и. Наряду с плохими, есть, конечно, и такие, которые

изжили и пьянство и грубость, и которые вплотную подошли к крестьянству, пользуются известным авторитетом.

Теперь посмотрим на работу ВИК'ов. Как общее явление, административно-налоговые вопросы поглощают больше половины всех разрешенных вопросов.

В принимаемых решениях не чувствуется продуманности, практической деловитости, конкретности. Слушают, например, доклад предсельсовета и выносят решение: «признать работу слабой и предложить исправиться в месячный срок». А чем хромает работа, что и как надо исправить, — об этом ни слова. Отсутствие такой деловитости переходит порой в сплошное митингование. Просматривая протоколы заседаний Валяевского ВИК'а, встретишь по каждому вопросу неизменную фразу: «приветствовать Рабоче-Крестьянское правительство».

Предвик делает доклад о вот-вот вспыхивающей мировой революции — «приветствовать», делается сообщение о сельхозналоге — «приветствовать» и т. д. Приветливый предвик так переполнен самообольщением, что считает необходимым занести в протокол длиннейшие (в несколько страниц) и никудышные стихи собственного изготовления, которые тоже «слушали» и, «заслушав», единогласно постановили «послать» в «Известия ЦИК», в «Правду» и во ВЦИК с просьбой «отпечатать». А крестьяне в беседе с комиссией отзывались об этом предвике не совсем по-печатному, сокрушаясь при одной мысли, что при перевыборах (дело было накануне перевыборной кампании) его опять «посадят».

Руководство сельсоветами механическое. В каком виде приходит бумажка из уезда, в таком же и отправляется по сельсоветам со всеми «интенсификациями», «децентрализациями» и т. д. И здесь отсутствует необходимая продуманность и учет местных условий, что зачастую, кроме вреда, ничего не приносит. Вот пример. Президиум уисполкома (Темник. уезда) отношением своим, от 18 ноября 1924 года, предложил всем ВИК'ам «с получением сего» немедленно во всех сельских советах снять и убрать иконы, согласно общего положения о сельсоветах как учреждениях. Предвик, получая такое распоряжение, накладывает резолюцию «предложить всем сельсоветам снять иконы, а волмилиции поручается наблюсти за исполнением». Очевидно, предвик не учел местных условий и не подумал, возможно ли такое распоряжение провести, когда нет особых помещений под сельсоветы, а все они и их канцелярии находятся в квартире предсельсовета или секретаря, и только в лучшем случае нанимается квартира у крестьянина («въезжая изба») при совместном сожительстве с крестьянской семьей. На наем квартиры для канцелярии сельсовета по бюджету не отпускается, никому ничего не платится, и как только

поступило такое распоряжение от ВИК'а, то все хозяева стали настаивать, чтобы сельсовет уходил из квартиры.

Здесь — неуменье провести указания сверху с учетом местных условий. Имеются подобные же образцы проявления своей инициативы. Атюрьевский ВИК, например, отдал по всем сельсоветам распоряжение о воспрещении продажи крестьянам хлеба вне базара.

Случается и так, что ВИК требует выполнить то или иное предписание в 24-часовой срок, а само предписание получается сельсоветом пять дней спустя после указанного 24-часового срока (Кривозерьевская волость).

Основная беда даже удовлетворительно работающего ВИК'а кроется в том, что он не является выразителем и толкачом хозяйственных исканий крестьянства, в нем не бьется пульс хозяйственной жизни деревни.

Как составляется, например, волостной бюджет, зачем он составляется, кому он нужен, — об этом крестьянство не знает. Эти вопросы не разъяснялись, и в составлении бюджета крестьянство ни малейшего участия не принимало. Даже больше того: нередки случаи, когда бюджет составлялся исключительно канцелярским путем и не был обсужден хотя бы самим ВИК'ом. Секретарь составил, предвик, не читая, подписал и отослали «бумажку» в уезд (Валяевка).

Отсюда болезни бюджета, начиная от полного неуменья разглядеть под самым носом действительные доходные статьи (Свищевская волость) и кончая политически-вредным крохоборством, вызывающим справедливые нарекания крестьян (Валяевка). Вопросам сельского хозяйства, культурной работе, благоустройству деревни уделяется крайне ничтожное внимание.

На вопрос члена комиссии по обследованию Атюрьевской волости зав. ГЗУ к зав. волземом Атюрьевского ВИК'а, какова у населения нужда в хлебе, плугах, семенах и переселении, тот ответил:

— Я таких обязанностей не знал и о них мне никто не говорил, поэтому я и не принимал никаких мер по этим вопросам. Наше дело, — продолжал он, — выполнять то, что скажут из уезда; это мы и делаем.

Второй же член ВИК'а (по финансовой части) на вопрос, как исчислить продналог, ответил:

— Ничего этого я не знаю, мне никто об этом не объяснял, и я никому не разъясняю.

Отсюда большой отрыв от массы, сопряженный с пренебрежительно высокомерным взглядом на крестьянство: «члены ВИК'а доказывают, что помимо их, членов ВИК'а, крестьяне все время желают для себя только худшего» (Атюрьевск. вол.).

«Ни сельсоветы, ни население абсолютно ничего не знают о работе волисполкома — читаем в том же докладе — и он рабо-

тает сам по себе, как аппарат. Налицо полный разрыв с крестьянством и оно «устраивается» само по различным направлениям» (Атюрьевск. вол.).

«Связь ВИК'а с крестьянством настолько слаба, что масса не знает, что делает ВИК, а вследствие легкомысленного и несерьезного отношения к делу представителей местной власти, население не верит тому, что говорят эти представители» (Свищевская волость).

Подобные же замечания встречаются почти в каждом докладе.

Отрыв от крестьянской массы, в соединении с крайне слабым руководством уезда,—вот основная причина такого тяжелого состояния низового советского аппарата.

Предпринятые нынешней весной частичные перевыборы волостных и сельских советов показали с достаточной наглядностью, что работа по оживлению и оздоровлению низовых советов начата с самого корня.

«Новые» советы.

«Новые советы» — так называют крестьяне советы, переизбранные этой весной.

Если заглянуть в историю зимних перевыборов (1924 г.) и в недавнюю практику комплектования волостных исполкомов, то можно сказать, что для некоторых сел переизбранные советы являются действительно новыми.

В Атюрьевской волости, например, до половины 1923 года во главе исполкома стоял явно преступный элемент (один из председателей, осужденный за взяточничество и издевательство над крестьянами на 5 лет, и сейчас сидит в исполкоме). Были случаи в этой волости, когда голосование в члены ВИК'а происходило с наганом в руках. Выборы по всей волости происходили по особой «Атюрьевской» конституции и даже подготовка к весенним перевыборам 1925 года проходила по этой «конституции»: все крестьяне старше 60 лет лишались прав гражданства (предписание волисполкома сельсоветам от 18 февраля 25 года за № 386). На вопрос комиссии, на каком основании все старики лишены гражданских прав, в волисполкоме положительного ответа дать не могли.

— Так уж с самого начала повелось [1])...

В Кривозерьевской волости при перевыборах (19 ноября 1924 г.) Алтарского сельсовета представитель уезда Б—в

[1]) В нарзаседатели по «Атюрьевской конституции» могли быть избраны мужчины не старше 50 лет, а женщины — 40 лет.

против воли и желания крестьян настоял, чтобы в сельсовет был избран бывший мулла Альмяшов, несмотря на то, что он значится в списках, лишенных избирательных прав. Многие крестьяне, возмущенные таким поведением представителя уездной волости, покинули собрание, говоря, что «Б — в и без нас сумеет выбрать того, кого ему нужно». На другой день Альмяшов вступил в должность председателя сельсовета, объявив гражданам:

— Если вы мне подчиняться не будете, так я вас по одиночке буду таскать в ГПУ.

На селе наступила трехмесячная полоса хозяйничанья Альмяшова, — взяточничество, незаконное обложение граждан, преступное использование льгот по сел.-хоз. налогу.

В селе Савве (Торбеевской волости) под воздействием предвика Б. (коммуниста) председатель и секретарь сельсовета были избраны против воли крестьян, и оба впоследствии были преданы суду за преступное лишение налоговых льгот и незаконное лишение гражданских прав крестьян, выступавших с критикой их действий.

В одной из волостей (Ломовской, Мокшанского уезда) на последних перевыборах ВИК'а в качестве председателя была выдвинута кандидатура работника из другой волости, которого крестьяне в глаза не видали и ничего о нем не слыхали.

Не трудно понять, с каким интересом крестьянство отнеслось к весенним перевыборам.

Как только узнали крестьяне о перевыборах советов, — читаем в докладе по обследованию Атюрьевской волости,— сейчас же начали обсуждать кандидатов в состав сельсоветов и ВИК. Это обсуждение шло и в семье, и в домах, и на улицах, и на дороге, где собирались группы крестьян. Пройти в совет— сейчас большой почет. Раньше же проводили по «насердке».

Такой же интерес наблюдается и в других волостях.

«На собрание силком не затащишь. По моей просьбе сход собирали три раза, и все-таки собралось только около 100 человек. А на предвыборное собрание явилось около 400 граждан, и это вызвало всеобщее удивление, так как такого многолюдного собрания никогда еще в селе не было» (Соколовка, Чирк. вол.).

Особенно хорошие результаты дали пригласительные билеты на перевыборное собрание. Это придало выборам сознание личной ответственности за выбираемых. Случалось, что многих «проваливали», и приходилось список кандидатов пополнять вновь.

Крестьянин шел на перевыборы совсем уже не таким, каким он был на предыдущих выборах. За этот промежуток времени крестьяне уже поняли значение лозунга: «лицом к деревне». Один из крестьян Торбеевской волости говорил на другой день после своего активного выступления на собрании:

«Меня сегодня соседи спрашивают: как это тебя не забрали за вчерашнее выступление? Раньше тебе бы рот заткнули. Так и было в 1924 году, когда я пришел жаловаться на дебоширство председателя ВИК'а в милицию, а начальник волостной милиции Батов вместо его арестовал меня».

С огромным интересом отнеслось крестьянство к перевыборам. Этот интерес не был замечен и учтен, подготовительной работы в массах проведено не было. Атюрьевский ВИК продолжал канцелярским предписанием лишать всех стариков избирательных прав, а Свищевский (Чембарского уезда) ВИК сидел, сложа руки, не то от сознания безнадежности на счет своего нового избрания, не то от избытка самомнения. В докладе по обследованию этой волости читаем:

«Никакой подготовки, никакой работы в массах накануне последних перевыборов советов, когда все внимание должно было быть уделено этому, не велось, и даже не было ни одного представителя из уезда».

Не подготовились и партийные ячейки. Это с достаточной наглядностью обнаружилось уже на самых выборах, когда кандидаты, выставленные ячейкой, проваливались, вследствие их очевидной несостоятельности. Наиболее показательную в этом отношении картину можно было наблюдать в Стрельниковской волости (Темниковского уезда).

Выборы там прошли оживленно, при чем особенно активно вели себя бедняки. Ячейка РКП (б) принимала участие в выборах, но не всегда имела влияние. Это видно из того, что из 5-ти выставленных ячейкой кандидатов в сельсовет прошел лишь один коммунар, пользующийся большим доверием у населения. Остальные четыре кандидата были собранием отклонены, и вместо них выдвинуты другие, беспартийные. Из бесед с крестьянами о причинах отклонения этих кандидатур выяснилось, что ячейка не имела успеха на выборах потому, что выдвигала несостоятельные кандидатуры. Так, выдвинута была кандидатура члена ячейки РЛКСМ тов. А. Товарищ этот некогда был председателем ВИК'а и зарекомендовал себя на этом посту с плохой стороны: выпивал, был груб в обращении с гражданами и был замечен в растрате волостных сумм. Неудачное выступление ячейки на перевыборах наблюдалось и в другом селе — Кишалах. Здесь также выдвинутые ячейкой кандидатуры были отклонены общим собранием и по тем же причинам. Так, выдвинутая кандидатура в сельсовет тов. К., по словам крестьян, была отклонена потому, что он ранее был товарищем председателя сельсовета и известен своей грубостью и растратой общественного хлеба, за что судился. Другая кандидатура также не была приемлема для собрания, так как товарищ этот ранее был членом сель-

совета и зарекомендовал себя так же с плохой стороны, вследствие чего был отведен с поста до срока.

В поселке Торбеево и в с. Кочетовке (Торбеевской волости) не выбрали ни одного коммуниста. В селе Кочетовке провалили даже беспартийного со словами в толпе, что «он — коммунист». Член губкома, изучавший итоги перевыборов по этой волости, делает заключение, что причина такого поражения на выборах кроется в ряде некоммунистических и даже преступных действий некоторых местных коммунистов. Крестьяне по этому поводу говорят:

— Со временем сами будем выбирать и просить коммунистов, когда они будут проявлять себя с хорошей стороны, а теперь один безнаказанно грязнит всю партийную общину.

В этом духе крестьянами была составлена даже целая резолюция.

Характерно, что в тех селах, где нет этих дефектов, крестьяне выбирают, даже настаивают на выборах коммунистов, и выбирают особенно дружно (почти единогласно) в ревизионные комиссии.

В общем перевыборы прошли, по материалам обследования, а в частности по Торбеевской волости, где местные коммунисты потерпели особенно заметное поражение, под флагом деловой критики местных недостатков, и победителем на выборах вышел передовой середняк, общественник, стоящий на советской платформе, но не останавливающийся перед серьезной, деловой критикой советских органов. Чрезмерно и подозрительно усердствующих в этой критике проваливали.

Политической смычки рядового крестьянства с кулачеством в дни перевыборов не наблюдалось. Даже в Торбееве и в Кочетовке, где проваливали при одном шопоте в толпе, что «он — коммунист», и где не провели ни одного коммуниста, можно было наблюдать следующее: при чтении в Торбееве списка лишенных избирательных прав, крестьяне, не разобравшись, в чем дело, и решив, что это—список кандидатов в сельсовет, возмутились, закричав, что «торговцев и кулаков нам в совет не надо»... В селе Кочетовке собрание требовало дать голос бывшему городовому, заявляя, что он — за советскую власть, мужик хороший, что он лишен голоса — не в пример другим — зря; такой же отзыв о нем дала комсомольская ячейка.

Но если отдельные штрихи из перевыборных итогов и показали, что политической смычки кулацкой верхушки с рядовым крестьянством нет, то показали они и другое: нет еще смычки (вернее, она крайне слаба) и внутри деревенской партийно-советской обществен-

ности. Деревенская ячейка еще не успела накопить политического «капитала» в новых условиях работы, а спрос на этот «капитал» был уже предъявлен всей массой рядового крестьянства и при этом в немалом размере, продиктованном обстановкой недорода. В итоге партийца в иных случаях заменил деловито и советски настроенный середняк [1]). Сомкнется ли он с зажиточной верхушкой села, или партийно-советская общественность одержит верх, — разрешение этого вопроса в руках деревенских ячеек партии и комсомола, в немалой степени завися и от способности уездных органов обслужить своевременным, чутким и толковым руководством эти «новые» советы. Сейчас же в этой области нашей работы многое оставляет желать лучшего и требует немедленного и решительного устранения.

Очередь за уездом.

В одном из докладов (Б.-Азясская волость, Краснослободского уезда) читаем:

«Случаи обращения непосредственно к Калинину нередки. Характерная особенность: крестьяне идут с жалобами или в центр, или в волисполком, и больше никуда. По массовым жалобам получается такое впечатление, что крестьяне в наших советских органах не в состоянии добиться какого-либо толку. Из ряда заявлений видно, что на крестьянские жалобы из уезда нет ответов в течение трех и более месяцев».

Это вскользь брошенное замечание заставляет более подробно остановиться на недостатках уездного руководства, выявленных обследованием деревни.

Наиболее существенные из них можно свести к трем группам: 1) невнимательность как к деревенским органам советской власти, так и к запросам крестьянства; 2) неумение имеющиеся силы и средства использовать с наибольшим хозяйственным результатом; 3) нарушение элементарных требований политического расчета и революционной законности.

Остановимся на каждой из этих групп. Начнем с «мелочей».

---

[1]) Губернская сводка итогов весенних перебыворов по 1386 селам (где были произведены перевыборы) из всех 2612 по губернии, дает такие цифры. Членов партии в сельсоветах вместо 4,7% стало по переизбранным советам 2%, комсомольцев вместо 3,7% всего 1,4%; членов ВИК'ов (коммунистов) вместо бывших 49% — 32,3%, комсомольцев вместо 5,3% — 2%. Избирателей в прошлых перевыборах было 30,6%, в весенних — 41,2%, причем этот процент в действительности выше, так как в список явившихся заносили по разосланным билетам, которые не все с собой захватывали, и, кроме того, по одному билету, которые раздавались местами только домохозяевам, приходили и члены семьи, которые в список явившихся на выборы часто не попадали.

«В моем присутствии, — рассказывается в докладе по обследованию Егинской волости, — была получена целая кипа бумаг из уисполкома; большинство бумаг написаны и проведены по исходящему журналу 31 января, а в волости были получены 5 марта. Между тем, здесь были срочные задания и одна бумажка от 3 января, которой извещалось о созыве на 20 февраля уездной школьной конференции».

«Большинство получаемых из уезда бумажек, циркуляров и инструкций напечатаны на машинке крайне слепо и грязно, так что прочитать написанное нет никакой возможности» (Атюрьевская волость).

Эти и подобные им «мелочи» (не в смысле их значения, — конечно, оно огромно, — а в смысле легкости их устранения) являются сильнейшим препятствием к оживлению низовой советской работы.

Невнимательность уездных органов к запросам крестьянской массы особенно ярко сказалась в минувшей налоговой кампании. Положительно нет ни одного доклада, который не отметил бы весьма существенных в этом отношении недостатков налоговой техники. Ответ на ходатайства об освобождении или снижении налога приходит, например, уже после произведенного отчуждения имущества. Такие случаи зафиксированы большинством докладов. Подробно останавливаться на этом нет надобности, поскольку все это уже учтено и меры к устранению недостатков налоговой техники приняты. Полезнее остановиться на недостатках текущей работы.

«Приходит, — рассказывает товарищ, обследовавший Атемарскую волость, — татарин в финотдел за патентом на торговлю. Спрашивают: какого разряда? Третьего, говорит, думая, что это самый маленький. Возьмет и торгует: иголками, пуговицами, бусами — товару рубля на 2 — 3; ходит из села в село. А в это время летит пеня. Возвращается, наконец, в деревню, а там ему предъявляют к уплате 200 — 300 руб. Приступают к описи имущества, а имущество его всего одна корзина. Таких случаев в Атемарской волости несколько».

С чиновничьей точки зрения здесь как будто все благополучно: раз просишь третий разряд, — получай. Но если повнимательней отнестись к этому горе-торговцу (а советский работник обязан это сделать), то роковая для крестьянина ошибка не была бы совершена, и советское учреждение отнюдь не проиграло бы, отведя от себя ряд нареканий.

А вот наиболее вопиющий случай невнимательности к крестьянству. Об этом случае рассказывает заявление крестьян с. Н.-Михайловского, поданное ими в Ломовскую ячейку партии. Вот оно:

«В мае месяце 1924 года мы, граждане Н.-Михайловского поселка, подали заявление в УЗУ о передаче нам 2 лесных участков

местного значения. УЗУ удовлетворило наше заявление на один участок в 25 десятин и указало, что нужно передать лес возможно скорее на основании существующих распоряжений. Сделав такое распоряжение лесничему Моисееву, УЗУ предложило последнему копию акта своевременно выслать в УЗУ. Лесничий Моисеев на распоряжение УЗУ обратил очень мало внимания и до сего времени распоряжения не провел, несмотря на то, что уполномоченный тропу проторил в канцелярию лесничества, с просьбой к Моисееву. Но он только отвечает: «сейчас мне не время, приходите завтра». Придешь завтра: «подожди, — говорит, — с тобой нужно полтора часа говорить, вот отпущу других, — займусь с тобой». А когда отпустит, хлоп окно: приходи, говорит, в четверг на той неделе, а сейчас время прошло». И вот так издевается он над обществом. В виду вышеизложенного просим вас принять меры»...

Когда лесничий был, наконец, вызван в ВИК, то оказалось, что просьбу крестьян можно удовлетворить немедленно.

Перейдем ко второй группе недостатков, к неуменью руководить с наибольшим хозяйственным результатом. Расскажем два поучительных в этом отношении случая, выявленных обследованием.

В Черкасской волости (Керенск. у.) агроном работает не плохо и не только наказом, но и показом: есть у него показательный участок (около 28 десятин), на котором показывается крестьянам культурная обработка земли и многопольный севооборот. Показывается весьма убедительно: десятина участка дала в 1924 году 65 пуд. овса, рядом — в коммуне имени «Карла Маркса» — 45 пуд., а крестьянская — 20 пудов. Разве устоишь перед этими цифрами? А в итоге обратное: вспашка под зябь крестьянами в 1924 году сокращена по сравнению с 1923 годом, и особенно сильно (в 4 раза) сокращен ранний подъем пара. Агроном работает вхолостую и секрет этого кроется в невероятно затяжной земельной неурядице.

«Все агрикультурные мероприятия, — читаем в докладе, — разбиваются о земельную неурядицу».

У крестьянина вместо дореволюционных 4 — 5 (в среднем) полосок стало сейчас 7 — 8, и ширина их такова, что жнейка может пройти всего лишь один раз.

Конечно, надо сперва землю «устраивать», а потом «культивировать», но если случилось так, что агрикультура подошла к крестьянству ранее, то почему бы землеустроителю не притти именно сюда, тотчас же вслед. Он не пришел, и крестьянская десятина дает все те же 20 пудов, вместо показанных 65-ти Агроном работает впустую. Здесь бесспорный изъян нашего руководства.

А в Атемарской волости картина обратная: там впустую работает землемер.

Землеустройство проведено по всей волости, за исключением двух обществ села Атемар: здесь работа прекращена за

отсутствием средств. Работа же тамошнего агронома — никудышная. Учета крестьян-культурников нет, работа среди них не ведется. Показательный участок в 18 десятин — лучшая земля—сдается и с п о л у. Пятиполье на участке в отношении картофеля дало о т р и ц а т е л ь н ы е р е з у л ь т а т ы. Крестьяне недовольны и говорят, что «лучше бы землю нам отдали — пользы было бы больше». «Горе, а не агроном, — говорят крестьяне, — никакой пользы от него не видим». Необходимо предпринять что-то такое для того, чтобы в дальнейшем не было таких случаев, когда хороший агроном или хороший землемер или другой деревенский работник работали в п у с т у ю. Агрономия не ради агрономии, а д л я к р е с т ь я н с т в а на службе его хозяйственного подъема. Нужно как можно скорее научиться руководить хозяйственным подъемом деревни не «вообще», а каждой Ивановкой или Синелуповкой в о т д е л ь н о с т и, с полным и внимательным учетом всех хозяйственных (постоянных и случайных, временных) особенностей каждой деревни. Т о л ь к о т а к о е р у к о в о д с т в о д а с т в о з м о ж н о с т ь и с п о л ь з о в а т ь н а ш и с к у д н ы е с и л ы и с р е д с т в а с н а и б о л ь ш и м х о з я й с т в е н н ы м р е з у л ь т а т о м.

Остановимся, наконец, на третьей и наиболее существенной группе недостатков. К ней мы отнесли отсутствие элементарного политического расчета, игнорирование требований революционной законности.

Приведем примеры.

Крестьяне села Балкашина (Свищ. вол.) заявили о желании провести землеустройство, но не на высоте положения оказался отдел землеустройства. Землеустройство началось в 1922 году, приезжал землемер, крестьяне заплатили часть средств на проведение работ, но в конце концов землеустройство так и не было проведено. Внесенные же землеустроительному отделу средства и д о с е г о в р е м е н и ч а с т ь ю к р е с т ь я н а м н е в о з в р а щ е н ы. При этом, кстати, надо отметить, что «традиции» землемеров остались старые. «Межевой» брал и живым и мертвым. Вращаясь около этой темы, крестьяне говорят: «Что ему: он купил себе в Чембаре хорошенький домик!..»

Крестьяне села Шапиловки, той же волости, сняли в аренду по договору 100 десятин госфондовской земли у Чембарского уземотдела. Землю эту они запахали с осени под зябь, подняв в том числе залежной около 50 десятин. Но вот УЗУ показалось, что оно невыгодно для государства сдало эту землю, а поэтому в феврале месяце взяло да и расторгло договор. Расторжение договора проведено немедленно в жизнь. В результате земля пролежала год пустующей. Но этого мало. УЗУ, чтобы шапиловцам земля вновь не попала, передало землю

без торгов и чуть ли не кулакам с. Крыловки, которые на ней теперь спекулируют.

Обследование далее обнаружило несколько случаев политической близорукости уездных финансовых органов, политически-вредных случаев крохоборства.

Образчиком такого крохоборства является, например, взимание Валяевским ВИК'ом платы за рытье находящегося в горе дикого камня (для фундамента под избы). Раньше эта гора считалась принадлежащей селу Ольшанке, крестьяне которой давали этот камень кому бесплатно, а с кого брали 1 руб. за куб. саж. (ВИК берет по 2 руб.). Теперь же за эти «недра» налог платят крестьяне, а счастливым обладателем «недр» является ВИК, который за год обогатился на целых двенадцать рублей и на тысячу злых усмешек по своему адресу со стороны населения, которое избегает пользоваться камнем. Члены и председатель ВИК'а сами возмущены включением этой доходной статьи, но беда вся в том, что кому-то из УФО случилось бывать в Валяевке и обременять себя думами о великих перспективах Валяевской каменоломни. Он-то и предложил ВИК'у внести в бюджет и эту доходную статью.

В той же Валяевке крестьяне, борясь с подрядчиком, организовали артель по вывозке дров для ГЛО, избрав из своей среды уполномоченного для разных переговоров и получения денег. УФО предъявил к этому уполномоченному требование выбрать патент, рассматривая его как подрядчика. Всякая охота к артельному ведению дела пропала, уполномоченный от своих обязанностей отказался. А действительный подрядчик потирал руки от удовольствия. Совершенно тождественный случай наблюдался и в Атемарской волости.

Политический расчет и чувство меры должны быть соблюдаемы и в наших мероприятиях по поддержке коллективизма в деревне. Нельзя укреплять коллективное начало с явным и одновременным игнорированием острожизненных и насущнейших потребностей подавляющего большинства крестьянской массы. В докладе по обследованию П.-Куракинской волости рассказывается о том, что лучший участок в 200 десятин земли бывш. Аляксинского совхоза передается одному из с.-х. товариществ, вследствие чего крестьянство лишается водопоя и вынуждено будет гонять скот за 8 верст в один конец. Это крайне раздражает крестьян.

Таковы, в основном, недостатки уездного руководства. Обратить на них внимание мы должны прежде всего, потому что уездный аппарат поставлен сейчас в такие условия, когда он должен работать безупречно.

Работа по оживлению и оздоровлению деревенских органов власти, начатая перевыборами волостных и сельских советов,

дала уже некоторые результаты. Эти результаты повысили требовательность низовых органов к руководящей работе уезда. Эту совершенно законную и естественную требовательность мы обязаны удовлетворить. Руководящая работа уездных органов власти приобретает сейчас исключительно важное политическое значение. Это одно из тех звеньев, за которое нужно крепко уцепиться в нашей работе по восстановлению в новых условиях партийно-советской общественности на деревне. Мы обязаны сделать все возможное для того, чтобы оживляемые снизу советы не натолкнулись на глухую стену плохого руковоства уезда. Популярное, своевременное, хозяйственно до дна продуманное, политически внимательно и правильно рассчитанное руководство уезда, основанное на уважении к советскому закону, — таково требование уже сегодняшнего дня и притом требование безусловно обязательное.

КООПЕРАТИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Мечты и действительность.

Заветная мечта Алтарской бедноты (Кривозерьевская волость, Саранск. уезда) — коллективная покупка трактора. А действительность так далека от мечты: во всей волости два хилых потребительских кооператива, только что возникших (в 1925 году).

«Был в Алтарах кооператив, да сгорел от «неизвестной» причины, а бывший приказчик кооператива открыл после пожара свою лавочку».

«Некто К—в был секретарем в кредитном товариществе. Проворовался. Судили... А теперь секретарем в Ромодановском ВИК'е работает...»

«Ромодановской многолавке прислал Саранский уком приказчика. Правление принять отказалось, прислали вторично. Делать нечего: послали его в Анненское отделение, а через 5 месяцев его «работы» в кооперативе оказалась нехватка в 340 рублей, а личное хозяйство приказчика за это время обогатилось лошадью и срубом...»

В итоге — неверие в кооперацию.

— Были бы деньги, — говорят крестьяне, — а то и в Ромоданово съездим, если что купить надо. А своей кооперации заводить не будем: все равно — или прогорит или сгорит...

«Недоверие к лицам, сидящим в кооперативе, — читаем в докладе комиссии, — очень большое. Кого ни выбери, — говорят крестьяне, — все равно разворует»...

Была и кредитная кооперация, но неправильное распределение кредита и ссуды (заправилы товарищества поделили и дали еще 5 зажиточным, мулле и его двум зятьям) оттолкнуло крестьянскую массу и от этого вида кооперации.

— Не для нас все это, — говорят крестьяне.

Деревня стоном стонет от воровства заправил низовой кооперации.

Была в с. Дубровке (Наровчатского уезда) в 1923 году многолавка. Когда стали производить реорганизацию ее, то обнаружили, что на две трети она уже «реорганизована».

В результате из членов кооперации осталось 7 человек с паевым капиталом в 7 руб. 50 коп. К зиме 1924 года потребительское общество несколько оправилось: записалось еще 40 человек, и кредит ему открыли на тысячу рублей. А к концу 1924 года приказчик Камышев растратил 932 руб. 78 коп. Работа пошла на смарку. И теперь на вопрос, почему не идут в кооперацию, крестьяне говорят:

— Кабы не крали — все в кооперации были бы, а теперь— силком не затащишь...

На ряду с этой растратой фигурирует сомнительный список задолженности на 250 рублей. В списке должников немалое место занимают работники местных органов, в том числе и члены партийной ячейки. Должники не только не собираются платить, но некоторые признают за собой долг в меньшем размере, чем считает кооператив, а некоторые и совсем отрицают. Крестьянство это учитывает и на каждом собрании требует громогласного чтения списка должников с целью дискредитирования местных работников.

Надо полагать, что такая «устная газета» ячейке не на пользу.

Авторитет кооперации подрывается во много раз глубже, если воровство совершено «присланным со стороны».

— Мы не считаем кооперацию своей, — говорят крестьяне Торбеевской волости, Спасского уезда, — правление мы не выбираем, оно от нас не зависит, так как туда работники присылаются «со стороны». Заберут эти работники две — три тысячи. а ты получай с них»...

Крайне тяжелое впечатление производит на крестьян, когда проворуется присланный коммунист, особенно тогда, когда это проходит ему безнаказанно.

— Коммунистам все прощают, — говорят крестьяне. — Проворуется — ставят на другую работу, как, например, С—н: провалил ЕПО, поставили в Кустарсоюз, там провалился — перевели в Краснослободск.

На этого С—на крестьяне указывали во всех селах Торбеевской волости.

Каждый случай провала и воровства в кооперации заражает недоверием целый район. Таким путем создаются районы, в которых идея кооперации скомпрометирована, доверие к ней в той или иной степени подорвано, со всеми вытекающими отсюда последствиями: от хилого роста или полного распада кооперации до решительно-отрицательного отношения к ней со стороны буквально всех слоев крестьянства.

Много ли таких районов и как они велики — сказать, конечно, трудно. Преуменьшать же нет никаких оснований. Мы должны знать, что на пути кооперирования крестьянства лежит местами глухая стена недоверия. Но идея кооперации крайне живуча. Поруганная и не раз обворованная кооперация при первом же здоровом и сильном, внушающем доверие, толчке начинает овладевать крестьянством. Оно входит в полосу «кооперативного брожения».

Вспоминается такой случай. Было это в с. Валяевке, в 12 верстах от Пензы. В крестьянскую избу, где остановилась комиссия, набралось человек 30 крестьян, старых и пожилых, бедняков и середняков, потолковать, по установившемуся обыкновению, обо всем и «по душам». Речь зашла о кооперации.

— Почему бы, — говорим, — не организовать вам кооператив по сбыту молока и яиц? А то шутка ли дело: каждая баба чуть ли не каждый день тащит в город четверть, а то и две. Нелегко это, да и невыгодно...

— Никак нам нельзя кооперацию заводить: норовим обворовать друг друга, да и баба дня не проживет, чтобы в город не сходить. Не так мы устроены, чтобы ладно сообща работать...

И только очень немногие указывали на то, что кооперативный способ сбыта невыгоден (накладные расходы, вкоренившаяся привычка некоторых хозяек сбывать недоброкачественное молоко, что всему кооперативу будет вредить и т. д.).

— Вот приедет, — говорим, — какой-нибудь спекулянт, откроет у вас под носом свою молочную ферму, — будете тогда кусать локоть...

В эту же самую ночь, пока мы вели вот эту беседу, к соседу гостеприимного хозяина нашей квартиры подъехали двое неизвестных приезжих (чуть ли не из Ленинграда), с намерением погреть руки около неуменья крестьянства вести дело сообща. На утро у соседа заныл сепаратор: частная молочная ферма заработала. А крестьянское сердце заныло тоской о своем кооперативе:

— Вчерась как в воду глядели, — говорили на утро при встрече с нами знакомые крестьяне, как-то виновато и смущенно поглядывая по сторонам. — Приехали какие-то спекулянты, а бабы и рады — молока им натаскали...

— Прогорит, — утешая себя, уверенно заключил собеседник, а на уме у самого — другое...

— Ну, а если не прогорит?

И тогда уже высказывает, что на уме:

— Коль не прогорит, — рядом свою общественную поставим...

И весь этот день разговор был один: о кооперации.

Толчком к развитию кооперативного строительства в селе Старой Каменке (Пензенского уезда) послужило мародерство местного мельника. Пользуясь своим монопольным положением, он довел плату за помол до 10 и выше фунтов.

— Исполу мелем, — говорили крестьяне, — половину мельнику, половину себе...

Организовавшееся с.-х. товарищество «Борец» начало борьбу с этим мельником, открыв свою — с нефтяным двигателем, с платой в 3 фун. с членов и 5 — с остальных, и, конечно, с успехом.

В других местах побуждает к кооперативному объединению стремление освободиться от гнета земельной неурядицы.

Село Ст.-Верхиссы (Инсарского уезда) переживает экономический кризис. Беднота, земельная неурядица — гнетут крестьянство. Бедняки и середняки почти в одинаковой мере чувствуют тиски нужды и ищут выхода. Передовая часть из них уже нашла этот выход. Ячейка партии ведет неустанную работу в этом направлении. В результате организовано сельскохозяйственное товарищество «Взаимопомощь» по коллективной обработке земли. Объединено 22 бедняцких хозяйства, со 117 едоками и 30 работниками. Ядро коллектива: 3 партийца, 2 комсомольца и 6 беспартийных, из которых 3 окончили с.-х. курсы и один курсы по садоводству и огородничеству. Коллектив имеет надел из общественной земли в 117 десятин и арендует совхоз Дербеденский (близ г. Инсара), в 58 десятин. Сельскохозяйственный инвентарь имеется: сох — 3, борон — 5, плугов — 3, сеялка — 1, жнейка — 1, молотилка — 1, лошадей — 4. Коллектив предлагает ввести пятиполье. В данное время коллектив имеет под засевом 46 десятин озимого, 1 десятину клевера и тимофеевки. Коллектив просил в пензенском сел.-хоз. обществе ссуду на обсеменение и закупку лошадей в размере одной тысячи рублей. Пока коллектив получил отказ...

Иной раз порыв к организации кооператива возникает без особого даже как будто толчка.

Вот, например, Каменный Брод (Инсарского уезда) — раньше глухое, темное село, да и теперь не далеко ушло. О кооперации здесь имеют слабое представление. До революции было в селе 2 частных лавки, а теперь торговли нет. Село желает открыть потребительскую лавку, но, благодаря своей неорганизованности и неумелому подходу инструктора Райсоюза Е—го, работа стоит на мертвой точке. О с.-х. кооперации мало осведомлены, хотя уже тянутся к ней: в селе развита практика совместного владения плугами. Собрались как-то на сход и постановили организовать комиссию по созданию потребительского общества и сел.-хоз. кружка при школе.

Зато там, где масса уже вышла из состояния «кооперативного брожения» и уже вступила на путь уверенного строительства, где кооперация выросла из практических, хорошо осознанных нужд, — она крепнет и растет из месяца в месяц. В спокойные деловые будни втягиваются все большие и большие слои населения.

Вот с. Головинщино, где, как мы уже знаем, очень большой процент кулаков, где больше двух третей бедноты и только около 25% середняков.

Из бесед с различными группами крестьянства выяснилось, что идея и значение кооперации понимается ими (бедняками и середняками) так:

«Кооперация, — говорят они, — нам нужна. Если она нам сейчас и не может дать таких дешевых товаров, как это было до революции, зато она не дает частным купцам взвинчивать цены. Не было у кооперации нынче летом сахару, — частные его взвинтили до 80 коп.; как появился сахар в кооперации, они опять снизили до 35 коп.».

Таким образом, кооперация рассматривается крестьянством, как регулятор рынка, имеющий большое общественное значение.

«За мое пребывание в деревне, — рассказывает обследовавший эту волость, — было общее собрание пайщиков сельхозкредитного т-ва «Смычка». Собралось около 200 пайщиков. половина приезжих. Большая часть — пожилые. Серьезное отношение к вопросу и деловая критика, сознание важности общественного дела, его жизненная необходимость не могли быть незамеченными для каждого постороннего человека»...

И кооперация крепнет. Головинщинское потребительское общество в начале 1924 года имело 65 членов с оборотом в 13.139 рублей, а к концу — 248 членов, с более чем двадцатитысячным оборотом.

«Смычка» еще летом 1924 года имела всего 199 членов, и оборот не доходил до полутора тысяч. К концу года — членов 308 и оборот в десять тысяч.

Кооперация объединила здесь 35,2% хозяйств. Подтягивают к кооперации и бедноту: правление кооператива за счет прибыли ввело через комитет взаимопомощи 26 бедняцких хозяйств.

Товары закупает потребительский кооператив у госорганов — на 17%, у кооперации — на 80% и на 3% у частных торговцев. «Смычка» тоже торгует, закупает у кооперации на 10% и на 90% у госорганов, хотя крестьяне не одобряют этого: «лучше бы, — говорят, — занялась кредитованием». «Смыч-

кой» розданы за 11 месяцев своего существования 462 ссуды на сумму 8.271 р. (75% беднякам).

На дороге более или менее здорового развития находится кооперация в Базарной Кеньше (Городищенского уезда), по своему классовому строению, как мы также видели, представляющей почти полную копию с. Головинщино: больше двух третей бедноты [1]).

Рост Б.-Кеньшинского кооператива довольно быстрый: к началу 1924 года было всего 39 членов, на 1 октября — 142, а к 18 февраля 1925 г. — 198. Состав пайщиков: 51% бедняков, 12% середняков и 37% служащих.

Кооператив широко развернул свою работу: от обычной торговли до снабжения крестьян с.-х. инвентарем (в 1924 году было закуплено в кредит и так же в кредит передано крестьянам 180 плугов, 5 семирядных сеялок и др.). В распоряжении кооперации — прокатный пункт с довольно полным подбором с.-х. орудий, все они полностью используются крестьянами, некоторые даже бесплатно.

Примерно такая же картина в с. Чернозерье (Мокшанского уезда), где 2 кооператива: потребительское и с.-х. т-во с кредитными функциями. В первой 330 членов-пайщиков (на 1 октября 1924 года было 176), во втором — 286. Кооперировано около четверти хозяйств. 95 паев в первом и 10 во втором — бесплатно розданы беднякам. С.-х. т-во снабжает население по себестоимости с.-х. инвентарем. Тянется и беднота: пай внести не под силу, так один член-пайщик покупает плуг на троих (для себя и двоих не-членов) в совместное владение.

Некоторый интерес представляет история кооперативного строительства в Атюрьевской волости (Темниковского уезда). Осенью 1923 г. организовалось там кредитное товарищество с 50 членами. Раздав ссуду (были получены кредиты) и «слегка поторговав», товарищество успокоилось. Не расшевелили его и произведенные в январе 1924 года перевыборы правления. Наконец, в апреле 1924 года товарищество сливается с потребительским обществом, и получается, таким образом, «интеграл (вернее, потребительское общество с усложненными функциями), сумевший, благодаря наличию в потребкооперации старых опытных кооперативных работников, довольно быстро встать на ноги. При слиянии в потребительском обществе было 50 членов, в кредитном товариществе — 80. Число членов стало быстро расти и к марту 1925 года достигло 263 (16% хозяйств волости).

---

[1]) Явление это, повидимому, не случайное. В беднейшем по губернии уезде — Городищенском — на каждый сельский кооператив приходится в среднем 155 членов, тогда как в более хозяйственно-мощных уездах, Чембарском и Мокшанском, приходится в первом 73 члена и во втором 89.

Торговые и сбытовые операции кооператив ведет удачно, вытесняя частную торговлю. Во всей волости удержался один, хорошо известный по волости, торговец Христофорыч, и тот чувствует себя торговцем только по базарным дням, а в другие дни занят больше «операциями» неторгового характера [1]. Несколько в тени кредитная и производственная деятельность (в будущем они — надо полагать — организационно оформятся, выделившись из своеобразного интеграла). Всего выдано за время существования «интеграла» 86 ссуд на сумму 2.560 руб. (заявок же было 160 на сумму до 9.000 руб.). Ссуды выданы: беднякам (45%) и середнякам (55%), больше всего на покупку лошадей (55% суммы). Вкладов от крестьянства нет (безденежье и не доверяют), паи распространяются крайне слабо, так как собранные таким образом средства идут в Губсельхозкредит, и общество мало поэтому заинтересовано в распространении паев.

Из производственной деятельности кооператива нужно отметить оборудование кооперативной мельницы (в волости нет хороших мельниц — одни ветрянки да плохонькая водяная). Мельники берут за помол от 4 до 6 фунтов. Кооператив вначале брал 3 фун., теперь берет всего 2. Мельникам ничего не оставалось сделать, как снизить плату до 3 фун. Кооператив, далее, имеет арендованный сад в 3 десятины (уход за садом хороший), участок земли, в целях пропаганды улучшенной обработки земли, и прокатный пункт (молотилка и 10 плугов). В общем кооператив сумел использовать свое «интегральное» положение для накапливания сил, чтобы затем еще ближе подойти к удовлетворению крестьянских нужд.

Основной недостаток кооперативной практики.

Но и кооперативы, находящиеся в более или менее удовлетворительном состоянии, не свободны от целого ряда существенных недостатков. Все их отмечать нет особой нужды, так как они достаточно общеизвестны. Остановимся лишь на основном, на «причине всех причин». Это — обособленность в той или иной степени от массы, начиная от незаметного, изо дня в день растущего в текущей работе отрыва от массы и кончая сознательным отгораживанием себя от массы (высокими паевыми взносами, отказом в приеме новых членов и др.).

Мы только что видели, что Атюрьевский кооператив работает неплохо, и отчетность у него (формальная) поставлена хорошо. Кажется, все данные есть к тому, чтобы установить прочную деловую спайку с массой. А спайки этой нет, есть

---

[1]) До революции в волости было много занимавшихся «торговым промыслом».

лишь «казенная» годовая отчетность перед избирателями. В итоге получается, что за хорошую работу население платит недоброжелательством.

«К правлению, — читаем в докладе комиссии, — отношение большей части крестьянства недоброжелательное. В Березине (председатель правления) они видят диктатора, который все делает по-своему и «против него не говори»... Говорят, что он окружил себя «любимчиками». Но есть и защитники Березина, говорящие, что кооперация держится только им».

Отсюда же чрезвычайно важное последствие: «понятие о кооперации как общественной организации, преследующей цели улучшения крестьянского хозяйства, — находим в докладе комиссии, — в крестьянских головах отсутствует».

А вот еще более яркий пример отрыва от массы рассказывает товарищ, работавший в Кочетовской волости (Инсарского уезда). Есть там два кооператива: потребительский и кредитное товарищество. Нельзя сказать, чтобы работали они совсем плохо и что не пользуются популярностью (рост членов кредиттоварищества таков: на 1 октября 24 года было 55 пайщиков, а на 13 февраля — 498, да 100 заявлений о вступлении еще не разобрано). А когда на открытом партсобрании, в присутствии приехавшего из Пензы товарища, поставили доклад о кооперации, то бывшие на собрании беспартийные крестьянки заявили:

— Мы до сих пор не только не знаем о цели и значении кооперации, но не знаем, как вступить в нее. Запишите-ка нас сейчас же...

Видели мы, что и Б.-Кеньшинский кооператив работает не плохо, а «связь с массами, — читаем в докладе, — имеет весьма слабую, вследствие чего бедняки (а их в селе больше двух третей), хотя и относятся к кооперативу сочувственно, но целей и значения кооперации не понимают».

Но если отсутствие кооперативной пропаганды считать первой ступенью отхода от масс, если второй ступенью считать отсутствие постоянной отчетности перед массами, то на какое же количество ступеней оторвались от масс кооперативы, которые сознательно уединяются от масс, находясь перед прямой опасностью выродиться в лжекооперативы!..

В с. Колояры (Тезиковской волости, Наровчатского уезда) есть, например, сел.-хоз. товарищество в составе 22 хозяйств (середняцких), которые отгородились от остальной массы десятирублевым членским взносом.

Таким же 10-рублевым взносом отгородился и Леткинский (Рузаевского уезда) кооператив инвалидов, благодаря чему кооператив не только не приобрел новых членов, но и потерял

пять старых, вышедших из кооператива после повышения взноса.

В П.-Куракинской волости (Городищенского уезда) есть шесть с.-х. товариществ, но они носят замкнутый характер. Крестьяне на вопрос: почему они не входят в эти товарищества, отвечают:

— Нас туда не принимают...

П.-Куракинский район может быть отнесен к развитому, в кооперативном отношении, району (в волости 6 с.-х. товариществ, кооператив «интегрального» типа, электрифицировавший село, 7 кустарных артелей), и, несмотря на это, «отношение крестьянства к кооперации, — читаем в докладе по обследованию, — равнодушное. Что через кооперацию можно подойти к лучшей жизни, — крестьянин не понимает»...

Этим отрывом от массы питается чувство безответственности руководителей низовой кооперации и безучастность, незаинтересованность массы в деле кооперативного строительства. И крестьянство реагирует на это или полным непониманием идей кооперации (даже при наличии весьма ощутимой выгоды от нее), или таким «сверхпониманием», которое отмечает товарищ, бывший в Атемарской вол., Саранского уезда: «Крестьяне говорят, — находим в докладе, — что в таких важных делах, как кооперация, нужно тайное голосование, выбирать нужно серьезно и в необходимой мере состоятельных, чтобы в случае чего можно было бы с них спросить и взять, а то крикнет кто-нибудь «такого-то», ну и неудобно при открытом голосовании: голосуешь за «такого-то», а он галах-галахом»...

Боязнь массы, а кое-где пренебрежительное отношение к ней — этой болезнью страдают даже удовлетворительтельно работающие кооперативы. Чем скорее и радикальней будет изжита эта болезнь, — тем лучше. В этом залог успешного лечения всех других, больших и малых, недостатков кооперации. В этом залог прочности кооперативных достижений; залог быстрого роста кооперации и в ширь, и в глубь.

Кооперирование бедняцкого слоя деревни.

Процент бедняков в общей членской массе колеблется чрезвычайно сильно: от почти полного отсутствия (Григорьевская вол., Чембарского уезда), незначительного (13 — 18 — 20) процента до, правда, в крайне редких случаях 40, 50 и даже 60% (Леткинская вол., Рузаевского уезда). В подавляющем же большинстве случаев — беднота в безусловном меньшинстве.

В некоторых деревнях беднота не слышала слова «кооперация». Скажешь: «общественная лавка», и только уже тогда

можно вести беседу о кооперации. А из беседы узнаешь, что членами кооператива не состоят потому, что нечем уплатить пая. Все помыслы бедняка кружатся вокруг думы о лошади, о кредите.

О надеждах бедноты на кредитное товарищество и, вообще, популярность в крестьянстве этого вида кооперации — отмечается почти во всех докладах. И тяга в эти товарищества огромная. В Торбеевской волости, например, оно было организовано 18 января с. г.; записалось 136 человек, а через месяц было уже 300 членов, при чем все вступившие ждут немедленной ссуды.

Показателен и состав создающихся кредитных товариществ: в Чернозерьевском товариществе, например, 80 процентов бедноты (из трехсот членов).

Но кое-где слышатся и нотки разочарования и недоверия.

«Отнесу последние денежки на пай, — говорит бедняк, — а кредита все равно не получу — его дают только тем, у кого что-нибудь есть, а у бедняка нет ничего — ему и веры нет и кредита он не получит. Поэтому и толку для бедноты в этом нет»...

«О работе кредитного товарищества, — говорится в докладе по обследованию Стрельниковской волости (Темниковского уезда), — бедняки отзываются неодобрительно, утверждая, что оно находится в руках кулаков и что бедноте часто отказывают в ссуде. Богатые же татары широко пользуются услугами кредитного товарищества».

Но ошибочно думать, что бедняк — пасынок кооперации. В деле вовлечения бедноты в кооперативное строительство есть несомненный сдвиг. Местами он очень значителен (например, предоставление Чернозерьевским потреб. обществам 95 бесплатных паев комитету взаимопомощи для бедняцких хозяйств, Головинщинским — 26 паев и др.), местами этот сдвиг еще только наметился. Нареканий на такой способ вовлечения бедноты в кооперацию со стороны остальной — середняцкой и зажиточной части пайщиков ни в одном из докладов не отмечено.

Картина в целом будет такова: беднота где более, а где менее полным потоком вливается в кооперативное русло и перед кооперацией стоит труднейшая задача продвинуть этот поток дальше, не допуская ухода бедняцких чаяний в рыхлую иногда для бедняков почву повседневной кооперативной практики. На ряду с этим потоком можно наблюдать и довольно заметные ручейки бедняцкого кооперирования: случаи совместного обзаведения инвентарем (плугами и лошадьми).

Местами такие случаи довольно заметны на фоне деревенской жизни. В Старой Каменке (Пензенского уезда) комиссия насчитала до 20% всех хозяйств этого большого села (более 300 дворов), совместно (по два — три хозяйства), купивших

плуги и другие с.-х. орудия. Члены Черноозерского с.-х. товарищества покупают плуг на троих, втягивая в совместную покупку и не-членов.

Но, как общее правило, эти ручейки остаются незамеченными кооперативными работниками.

Совместное владение мертвым инвентарем в подавляющем большинстве случаев не вызывает никаких затруднений. Совместное же владение лошадьми в подавляющем большинстве случаев расстраивалось из-за постоянных ссор и упреков.

Кооперация и кулаки.

Об отношении кулаческого слоя деревни к кооперации много говорить не приходится. Когда кооперация вынуждает понижать плату за помол с 10 фун. до 4—5 (в Старой-Каменке) или цену на сахар с 80 коп. за фунт до 35 коп. (Головинщино), так тут от заражения особой «симпатией» к кооперации есть полная гарантия. В лучшем случае, наблюдается показная нейтральность [1]).

Нас интересует не этот вопрос, а другой, вставший перед деревней во весь рост. Это вопросы борьбы кулака с кооперацией.

Борьба эта носит двоякий характер: местами проходит она в ни чем неприкрытой форме, но местами в крайне замаскированной, и здесь чаще всего кулачество борется под кооперативным же флагом (лжекооперативы).

Яркий пример борьбы в открытую, «один на один», рассказывает комиссия, обследовавшая прифабричный район (Шкафтинская волость, Городищенского уезда).

Большое село Казарка (Городищенского уезда). Половина населения занята кулеткацким промыслом. Промысел этот сезонный: с сентября по апрель. В мае — июне готовится лубок (разработка делянок), который до сентября лежит в воде, затем сушится и начинается тканье. Условия труда кустаря крайне тяжелые: рабочий день 16 — 18 часов (начинают с 11 — 12 часов ночи и ткут до 6 — 7 часов вечера с перерывом на завтрак и обед). Ткут мужчины, женщины и подростки (с 12 лет). Заработок 18 коп. в день на человека, редко до 24 коп. «Такой кошмарно-изнурительный труд, — читаем в докладе комиссии, — сильно отражается на здоровье. Благодаря малому

---

[1]) В докладе комиссии по обследованию прифабричного (Н.-Шкафтинского района читаем следующее об отношении кулаков к кооперации: «она (кооперация), — говорят кулаки, — нам не мешает, только вот почему нас не принимают членами в кооператив; говорят нам, что это не кооперация, а какая-то классовая организация, а поэтому мы в ней и не должны быть. А ведь мы бы и не прочь войти членами в кооперацию и помочь ей»...

ону (5 — 6 часов) к весне работающие ходят с желтыми болезненными лицами. Развит туберкулез. Простуда, бронхит обычное явление, так как потные от работы, в одной рубахе, выходят на улицу. Особо тяжелые условия работы по подготовке мочалы, когда в сентябре месяце приходится быть в воде».

Промысел этот сосредоточен, с одной стороны, в руках артели «Согласие» (объединяет 130 дворов), с другой, в руках частного предпринимателя кулака Волкова, на которого работает 200 дворов. Борьба началась так: артель повысила плату за рогожу с 6 до 7 коп. Кустари потянули в артель. Но вновь вошедших кустарей ожидал кризис: у артели не хватило сырья. А у Волкова в это время стояло 7 скирд мочалы, пудов по 300 каждая. Волков закупает делянки леса и сдает из $^1/_3$ за работу, и эту испольную треть он же и скупает потом по «божеским» ценам. Кустари с «повинной» пошли снова к Волкову, и тот «великодушно» простил их, не упустив случая снизить плату. Расчет он производит аккуратно каждую неделю и принимает рогожу, когда угодно, в каком угодно количестве и за наличные. Рогожа имеет поэтому «хождение наравне со звонкой монетой». В отделении кооператива крестьяне расплачиваются рогожей, у частного лавочника — тоже, у кузнеца — тоже и т. д. Все это потом скупается Волковым. Чем же Волков бьет артель? Аккуратной расплатой, достаточным запасом сырья и неограниченной, безотказной скупкой рогож. Этого нет у артели. Были случаи задержки денег Кустарсоюзом — и артель задерживала расплату (есть задолженность кустарям и сейчас).

И в эти перебойные по выплате недели кустари (члены артели) несут готовую рогожу Волкову, который сейчас же расплачивается и снабжает сырьем. «На вопросы к крестьянам, — читаем в докладе комиссии, — почему они не вступают в артель, — отвечают, что главная причина — несвоевременный расчет и перебои в снабжении сырьем. Отпуск леса производится большими делянками, которые Волкову выкупить под силу, а артель не может. Поэтому у Волкова и сырья всегда больше». Чистая прибыль, по словам самого Волкова, 4 коп. от каждой рогожи. По показаниям же крестьян — 7 и даже 9 коп. (а село за сезон вырабатывает полмиллиона рогожек). Эта прибыль не ускользает, конечно, от внимания кустарей, но «без Волкова, — говорят они, — мы не могли бы и прожить»...

И под носом у артели Волков открывает вторую приемную контору в лице одного крестьянина, который скупает рогожу и агитирует кустарей в пользу Волкова. Таких Волковых (меньшего, правда, размаха) встретила комиссия и в других широко развитых в этом районе промыслах (санный, бондарный, кадушечный, колесный и др.)

Рабочая кооперация в деревне.

Идея смычки города с деревней не чужда кооперативам. На отдельных примерах мы уже видели, что местами эта смычка осуществляется без громких фраз в будничной деловой работе. Но есть, к сожалению, места, где громкая фраза о смычке покрывает вопиющие случаи подлинной размычки.

В Свищевской волости комиссия, к примеру, натолкнулась на такую «смычку». Балкашинский кооператив задумал организовать сбытовые операции скота. Приглашен был для этого дела в качестве пайщика частный торговец (прибыли и убытки пополам), договор с которым на этот счет (от 25 октября 1924 года) начинался так: «смычка города с деревней — это заветы Ильича». Но для торговца «заветы Ильича» оказались совсем неубедительными: кооператив на этой операции разорился, торговец же от половинной доли убытков оказался освобожденным по несостоятельности... «Эта неудача по сбыту скота, — заключает комиссия, — окончательно подорвала и без того небольшой авторитет кооперации».

К величайшему сожалению, необходимо признать, что и в практике наших рабочих кооперативов, находящихся в деревенских местностях, идея смычки извращается. Именно об этом говорят некоторые итоги обследования.

Очень яркую картину рисует доклад комиссии по обследованию прифабричного района (Н.-Шкафтинская волость).

Положение в Н.-Шкафте таково: имеется там более 600 крестьянских дворов, небольшая суконная фабрика «Война Дворцам», арендуемая частными предпринимателями, и три частных торговца. Есть там и потребительское общество (при фабрике), в котором членами состоят: 152 рабочих, 71 служащий и... 10 крестьян. Немного более 4%. Дело совсем никуда не годится, если иметь в виду, что из общего количества членов (233) — 21 партийцы и комсомольцы. Почему же нет в кооперативе крестьян, и как они о нем отзываются?

— Они (рабочие) чай пьют с сахаром, да еще в кредит его получают, а нам кооператив и на алтын не верит...

— Платили-платили мы этих паевых, да еще всяких в кооперацию, деньги-то куда-то подевались, а теперь опять говорят — плати, тогда членом будешь... А где же наши прежние-то денежки?... Неужто рабочий завладел?...

Вот какие тяжелые думы останавливают крестьян от вступления в кооператив.

И что хуже всего — никто эти думы не пытается развеять. Ни одного кооперативного собрания среди крестьянства, ни ячейка, ни кто другой не проводили, никто не поговорил с крестьянином «по душам» обо всем этом.

И вместо смычки — кооператив стоит бельмом на крестьянском глазу, несмотря на то, что комиссия в докладе определенно указывает на склонность крестьян к кооперированию, вплоть до создания молочных артелей.

Мужик идет к торговцу: «там и дороже хотя, но, бывает и в кредит дадут»...

А размах по части кооперации большой: «ропщут крестьяне, — читаем в докладе комиссии, — что передали фабрику частным предпринимателям; была бы хорошая кооперация — вот ей бы и отдать ее, а сейчас выходит, что кооперация услужит Васильеву: берет у него в кредит сукно, иной раз и в убыток»...

Такое положение рабочего кооператива усугубляется еще тем обстоятельством, что в том же Н.-Шкафте есть кредитное товарищество, о котором крестьяне говорят, что оно крестьянство кредитует мало, а больше дает правлению рабочего кооператива для торговли.

Не лучше обстоит дело и в В.-Шкафте (тоже большое село до 500 дворов). Стеклозавод № 2, находящийся вблизи, открыл в селе отделение своего кооператива специально для крестьян. Подсунул этому отделению один из пензенских нэпачей разные разности: перчатки ценой по четыре рубля с полтиной, духи и пр. Крестьяне и говорят:

— Смотрите, как рабочая кооперация нам помогает: теперь в перчатках погулять можно...

Об этом случае знает крестьянство не только с. В.-Шкафт, но и всего района, и при каждом случае крестьяне кричат: вот-де ваши кооперативы какими товарами торгуют. В беседах крестьяне говорили:

— Ну, что вы нам про смычку с рабочими говорите. Вот они нам открыли отделение, ну, думаем, рабочие взаправду показать нам думают, что всякими нужными товарами снабдить нас сумеют. А тут: пудра, духи, перчатки, да еще разная дрянь в магазине. Посмотришь: все расставлено честь-честью и над отделением-то с духами портрет Ленина повесили. Как посмотришь на него — так сердце и болит: вот, думаешь, если бы жив он был, показал бы он вам, какими товарами торговать надо в деревне.

Недовольны, конечно, и рабочие своими горе-кооператорами:

— Вот они наши кооперативы, — говорят рабочие, — понакупили у нэпача товару, которого и в городе-то никто не берет. Думали, наверно, что нам сплавят, — хвать, дудки: нам такой товар не нужен. Дай, тогда с этим товаром к мужикам. И им он не подстать. Только отношение-то к нам крестьян испортили... Ну их к чорту, таких кооператоров... Не научились у нас по-ленински-то торговать...

В материалах обследования имеются още два — три случая крайне ненормального положения рабочих кооперативов, раскинутых в деревнях.

В докладе по обследованию Чирковской волости, Саранского уезда, приводится такой случай: поползновение крестьян вступить в имеющийся в селе кооператив железнодорожных рабочих и служащих есть, но там принимают лишь коллективно не менее, чем по 5 человек... Почему бы, кажется, не принимать и по одиночке?..

Но приведенных фактов, думается, уже достаточно, чтобы вопрос о рабочих кооперативах, расположенных в деревнях, среди гущи крестьянства, поставить со всей серьезностью и срочностью. Они являются непосредственными выполнителями заветов Ильича о смычке рабочего класса с крестьянством. В этих пунктах крестьянство встречается с рабочим классом вплотную, с глазу на глаз, и при том на важнейшем участке смычки. Оставлять рабочие кооперативы в деревне в их теперешнем положении нельзя. Они должны стать опорными пунктами нашей смычки.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ.

Взаимопомощь в плену у «себепомощи».

«Комитеты взаимопомощи, — читаем в докладе по обследованию П.-Куракинской и Егинской волостей, Городищенского уезда, — являются пустым местом. Работы в них совершенно никакой не ведется»...

Но есть места (и обследование дает их немало), где это «пустое место» служит складочным местом недовольства крестьянства.

Преступное хищение фондов — по материалам обследования — явление далеко не исключительное, скорее обычное: тащат местами по мелочам, начиная от самочинной уплаты комитетчиками себе жалованья, тащат и так, что исчезает сразу весь фонд взаимопомощи по всей волости, при чем в ход пускается вся незамысловатая стратегия мошенника. Образец хищения этого рода рассказывает комиссия по обследованию Атюрьевской волости.

Был там председателем волкомитета взаимопомощи некто Татаров. Задумав похитить собранные по селам средства, он сделал распоряжение о «концентрации» в волости всего фонда: от селькомов все фонды были отобраны. А потом все это Татаров начисто «сконцентрировал». Растраченными оказались 450 пудов хлеба. А хуже всего то, что Татаров преспокойно и сейчас живет в деревне и собирается организовать с.-х. товарищество («ищет новых дураков»—говорят крестьяне).

Это привело к самому отрицательному отношению крестьян к комитетам взаимопомощи, но идея организации взаимопомощи все же не подорвана до самых глубин, так как идея эта считается беднотой хорошей, да только не для «нас»:

— У нас же, — говорят бедняки, — эту работу вести нельзя: воруют. Каждый норовит стащить...

Так действительно и вышло: заменивший Татарова председатель «самовольно взял себе на жалованье» 40 пудов из вновь созданного фонда.

«Крестьяне не признают комитета взаимопомощи, — читаем в докладе по обследованию Григорьевской волости, — потому что он в одно время проворовался, истратив общественные средства неизвестно куда. В общем комитет не пользуется никаким доверием и не имеет никакого авторитета».

Ревизионные комиссии, укажем кстати, всюду бездействуют.

Наиболее распространенным видом хищения является незаконное присвоение средств фонда под видом «уплаты себе жалованья» за работу в комитете. (Почти повсюду работа эта официально не оплачивается.)

Председатель Н.-Шкафтинского комитета целыми днями просиживает в сельсовете, ничего не делая, и думает с работы уходить:

— Что ж, — говорит, — аль мне с голоду помирать, жалованья не платят, а даром кто ж работать будет [1]).

В других же местах думают-думают, да и надумают «уплатить себе жалованье». И часто бывает так, что «душа меры при этом не знает», как, например, в Леткинской волости (Рузаевского уезда), где председатель комитета взаимопомощи «уплатил» себе жалованье — 75 пудов и, «таким образом, — добавляет обследовавший эту волость товарищ, — фонд был исчерпан, а крестьяне стали смотреть на комитет еще недоверчивей».

В других комитетах, правда, «уплачивают» скромнее, но нельзя сказать, чтобы крестьянство отвечало на это меньшим недоверием.

А в одном из сел (Ленино, Пензенск. уезда) председателю «уплатили» авансом: сегодня его выбрали, а назавтра целой комиссией ходили по селу, собирали ему хлеб на покупку лошади (собрали около 40 пудов), ему же отдали почти весь фонд (50 пуд. из 51 пуда фонда). Но работа от этого, впрочем, не стала лучше: никаких следов комитетской работы, кроме вот этого обеспечения председателя, комиссия не нашла.

---

[1]) Да и само крестьянство смотрит на бесплатность работы в комитете взаимопомощи так: «чего, мол, и требовать, если работает за одно спасибо». Товарищ, обследовавший Кочетовскую вол., рассказывает характерный в этом отношении случай. «После доклада предсельккомитета, мной, — пишет этот товарищ, — было внесено предложение признать работу комитета слабой. Крестьяне дружно встали против этого предложения.

« — Как же это так, — говорят, — мы его выбирали, он ходил, сколько лаптей избил и вдруг — слабой... Нет уж, давайте признаем удовлетворительной...

«Сколько ни пытался я, — пишет товарищ, — разъяснить им, что этим они вводят в заблуждение вышестоящий комитет, крестьяне настояли на своем и работу признали удовлетворительной».

На двух полюсах.

По содержанию работы материалы обследования дают возможность разделить комитеты на такие группы: 1) комитеты, работающие в той или иной степени по-комбедовски, 2) противоположность им — комитеты, выродившиеся в своеобразные кулацкие (опять-таки в той или иной степени) организации, 3) остальные, находящиеся между этими двумя полюсами.

Наиболее яркий образчик комитетов первой группы дает обследование Черкасской волости (Керенск. уезда).

Самодеятельности и инициативы крестьянства здесь — никакой. Все вопросы решает президиум комитета (он же и президиум сельсовета), благодаря чему в представлении крестьян деятельность комитета сливается с деятельностью совета, и комитет является как бы его подотделом, назначение коего сводится к «нажиму на богатеев». Членский взнос установлен для низшей (по имущественному положению) группы в 1 фун., для второй группы — 3 фун., для третьей группы — 5 фун. с едока, с кулаков — «по усмотрению», а с попа взято пять пудов.

Отсюда, — читаем в докладе, — «отношение к комитетам взаимопомощи со стороны кулаков отрицательное, середняков — безразличное, отношение же бедняков неровное: когда комитет помогает, — он хорош, а когда требует ссуду возвратить или общественную землю обработать, — плох, — отвечают пассивным сопротивлением».

«Кулачество, — говорится в докладе по обследованию другой волости (Григорьевской), — относится с презрением к комитетам взаимопомощи, боясь, как бы они не приняли форму комитетов бедноты, как было в начале революции».

Типичный случай перерождения комитета в свою противоположность дает обследование Свищевской волости.

Председателем волостного комитета состоит там некто Шварев, бывший в дореволюционное время помощником волостного писаря, сейчас дружит с попом и женат на его дочери. Члены комитета: Ю., о котором комиссия отзывается как о работнике, который «ничего хорошего не обещает», и член партии Разыграев, который не пользуется никаким авторитетом населения и крестьяне его знают больше как пьяницу, буяна и матершинника со спекулятивными задатками, которые он полностью проявил на торгах, когда продавался за неуплату сельхозналога крестьянский скот, купленный этим самым Разыграевым и «разыгранный» затем им по более высокой цене...

Это — состав волкомитета. Но дело с составом комитетов обстоит не лучше и в селах. В Балкашинском комитете взаимопомощи, возникшем, кстати сказать, по инициативе

комсомольцев и беднейшей части крестьянства, председателем состоит некто Кузин, который — по словам крестьян — был комиссаром временного правительства, во время красного террора — в бегах, а сейчас регентом в местной церкви.

Бедняки свищевскими комитетчиками огульно окрещены лодырями, и когда разговор заходит о помощи, в комитетах взаимопомощи заявляют: «Богатеев у нас нет, все мы бедные».

В результате — неправильное и несправедливое оказание помощи. Нуждающиеся в ней бедняки и красноармейские семьи жалуются, что им леса не дают, а дают ненуждающимся. А если иногда и дают, то за отсутствием организованной общественной перевозки лес опять-таки попадает не к беднякам. и нет ничего удивительного, что при наличии в волости фонда взаимопомощи в 483 руб. 45 коп. в безвозвратную ссуду выдано всего лишь... 75 коп.

Но красноречивей всяких слов — это письменный ответ председателя волкомитета Шварева на вопрос анкеты, предложенной комиссией о перспективах работы. Не моргнув глазом и не дрогнув рукой, Шварев на вопрос об этих перспективах отвечает так: «снять с комитетов лиц эксплоатирующих, как то — лодырей и тому подобных. Ставку делать на левое (?) крыло середняков, поставив его за основу. Кулачество для комитетов нестрашно».

Если мы вспомним, кто это такие «лодыри» по терминологии свищевских комитетчиков, то поймем, почему кулаков и взаправду боятся не следует...

А в сумме — отрицательное отношение к комитетам и кулаков, и середняков, и бедняков. Середняки знают, что при стихийном бедствии комитет серьезной помощи оказать не в силах. Бедняки же отрицательно относятся потому, что на взносы тратят последние средства, в то время, как при теперешнем отношении к ним комитетов, где говорят, что «все одинаковы», беднота на серьезную помощь со стороны комитета не рассчитывает, а оказываемая помощь никого ни в какой мере не удовлетворяет.

Надо полагать, что такое беззастенчивое издевательство над идеей взаимопомощи — явление не частое.

Извращение взаимопомощи гораздо чаще происходит как следствие бездеятельности и беспечности комитетов, чем и пользуются зажиточные слои крестьянства.

Яркие в этом отношении факты приводит комиссия по обследованию Атюрьевской волости.

Вот один из таких фактов. Комитету было отпущено 507 кубов леса. Лес этот волкомитет распределил не по количеству нуждающихся, а пропорционально дворам («по сотням»),

и на этом работу свою счел законченной. Как распределялся этот лес в «сотнях» и в селениях, комитет не знает, но из бесед с крестьянами выяснилось, что лучшие делянки взяли организованные в группы зажиточные и имеющие лошадей, а беднота леса не получила, и часть этого леса до сих пор в лесу — та часть, которая на далеком расстоянии и притом плохого качества.

Другая комиссия (по обследованию Кривозерьевской волости) рассказывает о том, как кулачество «попросту и без затей» прет в комитет взаимопомощи.

«В президиумы комитетов, — читаем в докладе, — пролезают кулаки; в селе Кривозерье председателем комитета взаимопомощи состоял кулак, владелец мельницы, и к тому же имевший в прошлом грехи в отношении к общественному добру».

И дальше: «все кресткомы волости за все время своего существования никакой помощи никому из маломощных граждан не оказывали».

Но кулаки все же кое-что получили. Для Атюрьевской бедноты в 1924 г. был отпущен лес, получили его кулаки, в том числе и мулла; середняки же и беднота почти что ничего не получили.

Таковы эти два полюса в работе по организации взаимопомощи. А сейчас заглянем в будничную, однотонную, серую работу комитетов, находящихся как бы между этими двумя полюсами.

В стороне от жизни.

Описание хотя бы сколько-нибудь удовлетворительной работы по взаимопомощи в материалах обследования нет.

«Фондов никаких и работы — тоже никакой. Коротко и ясно». Так пишет один из обследователей деревни (Кочетовская волость).

Одной из основных причин такого печального состояния комитетской работы является полный их отрыв от крестьянской массы, неуменье зацепиться за бытовые традиции деревенской взаимопомощи, с тем, чтобы развить их, постепенно подновляя и переводя в советское русло; замыканье комитетчиков в канцелярскую работу по выдаче всевозможных справок, и притом нередко каких-угодно и кому-угодно.

— Зачем мы будем давать туда паи, — говорят крестьяне о Кочетовском волкомитете взаимопомощи, — когда мы не знаем, куда они идут.

Обследование при этом замечает, что многие крестьяне совершенно не знают, существует ли комитет и зачем он нужен.

Новое положение об обществах крестьянской взаимопомощи, несмотря на то, что оно опубликовано больше полгода тому назад, как правило, неизвестно не только рядовому крестьянству, но и членам комитетов, даже волостных.

Состав комитетов большей частью середняцкий, бедняки в меньшинстве (от 20 до 45 процентов общего состава пленумов).

Фондов или нет, или они крайне ничтожны (несколько пудов или несколько рублей). Там же, где они представляют более значительную сумму (сотни пудов или рублей), расходуется по прямому их назначению меньшая половина (по Атюрьевской волости фонд в 270 пудов израсходован так: 35% — по прямому назначению, на жалованье — 19%, израсходовано бесхозяйственно — 26%, остальные в остатке).

В Кривозерьевской волости фонд (около 300 пудов) был передан взаимообразно сельсовету, сельсовет — допризывникам, а те весь этот хлеб пропили...

Григорьевским волкомитетом (Чембарск. у.) было получено предписание (от 21 октября 1924 г.) выделить из фонда 20 пудов ржи в ОДВФ, тогда как в волкомитете не было ни зерна хлеба, ни копейки денег.

Все эти фонды составляются из членских взносов, которые колеблются очень сильно: от двух рублей (Чирковская вол.) до 5 коп., а хлебом от двадцати до одного фунта, при чем взнос этот в одних селах взимается подворно, в других — по едокам, а в Чернозерьевской волости взнос установлен в 20 коп. с едока и по 5 коп. с головы скота.

Как общее правило, взнос одинаковый, независимо от имущественной мощности плательщика.

«Бедняки, — читаем в докладе по обследованию Стрельниковской волости, — не видя работы комитетов и не получая от них реальной помощи, считают, что членские взносы в комитет — это что-то такое в роде налога».

Местами же эти взносы действительно принимают характер налога, и притом взимаемого в совершенно нетерпимой форме. Об этом рассказывает председатель губ. комитета взаимопомощи в докладе по обследованию Чирковской волости. «Идеи крестьянской взаимопомощи, — пишет он, — крестьянство совершенно не понимает. Все вопросы разрешает единолично предселькомитета. Члены общества взаимопомощи вербуются принудительным путем: если нужно крестьянину то или иное удостоверение от комитета взаимопомощи, то оно выдается ему только после того, как он внесет двухрублевый членский взнос (установлен не собранием членов, а комитетом, вернее председателем). Крестьянство этим крайне недовольно» (село Соколовка).

Наиболее аккуратными плательщиками взносов являются середняки (из них по пригородному району уплатило 43% из общего количества середняков-членов общества взаимопомощи), бедняки тоже не отстают (41%), но по степени аккуратности впереди идут... кулаки: пригородному району комиссия отметила стопроцентное выполнение ими членских платежей.

«В число общества взаимопомощи, — читаем в докладе по обследованию Григорьевской волости,—записались также пять кулаков, эксплоатирующих чужой труд на своих предприятиях, записались с той целью. чтобы комитет. при случае, не обижал их. Членские взносы они платят аккуратно».

Членство практикуется местами коллективное (по решению схода). а местами индивидуальное. При этом бывает и так, что начинают с коллективного членства. а потом, в виду массового неплатежа членских взносов, переходят на индивидуальное членство. считая членами только тех, кто сделал взнос.

Что касается трудовой и правовой помощи — дело здесь обстоит значительно хуже.

Случаи трудовой помощи крайне редки и наблюдаются они в очень немногих селах. Причина здесь в том, что работающие по заданиям комитета относятся к работе крайне небрежно, так, чтобы только «черед отбыть».

Здесь, конечно, не крах вообще идеи трудовой помощи. Всякому известно, что она имеет глубокие корни в крестьянстве (например, так называемые «помочи» — своего рода воскресники). Налицо здесь другое: неуменье комитетчиков «опуститься» до бытовых особенностей деревни, неуменье развить имеющиеся в этом быту крупицы хорошего, умело и не торопясь распространяя имеющуюся уже в быту трудовую помощь за пределы родственных отношений. Больше, чем где бы то ни было, здесь недопустимо командование (а оно есть), больше, чем где-либо еще, здесь нужно поднимать работу из глубин бытовых отношений. Иначе получается огромный провал во всей этой работе: трудовая помощь оказывается, она есть, но она идет не по руслу комитетской работы, а по руслу бытовых, родственных, соседских и т. п. связей и отношений. Комитет здесь остается в стороне, вне жизни, в пространстве. Об этом говорится почти во всех докладах по обследованию, но ничего не говорится в официальных отчетах, которыми, кстати сказать, безобразно перегружены сельские и волостные комитеты. Даже, наоборот, в этих отчетах комитеты воруют у самой жизни нужные им цифры. Характерный случай рассказывает комиссия по обследованию Атюрьевской волости. В отчете волкомитета за июнь — июль

месяцы 1924 года было указано, что трудовая помощь была оказана 70 домохозяевам. По личным опросам комиссии выяснилось, что помощь эта оказана по родственным связям, помимо комитета, и туда никто даже не обращался. Члены комиссии признали это, оправдываясь в «преувеличении» своих успехов тем, что они только «регистрировали» и притом «случайно» ту помощь, которая шла мимо них. Такую же «регистрацию» ведет и Чертковский волкомитет, но едва ли такие «регистрации» приносят пользу, так как такое отчетное рвение вызывает нарекания крестьян:

— Скажите, — спрашивали крестьяне бывшего в этой волости губернского работника, — зачем это нужно регистрироваться, когда я помогаю кому-нибудь добровольно, по обоюдному с ним согласию? Когда нас заставляют регистрироваться, то мы боимся и помощь-то оказывать...

Правовая помощь сводится к выдаче всевозможных справок о бедности, местами безотказной и без разбора, а местами и этой работы совершенно не ведется.

Вплотную к жизни! В недра крестьянского быта! Только такой лозунг может действительно оживить работу по организации взаимопомощи и заполнить подлинной взаимопомощью тот провал, который существует сейчас между комитетами и крестьянской массой.

С другой стороны, руководства со стороны уездных комитетов взаимопомощи нет. Живая связь и подлинное руководство подменены представлением умопомрачительной отчетности, совершенно непосильной для низовых органов.

Над делом организации взаимопомощи необходимо серьезно подумать, упростив его, избегая перепрыгиваний через бытовые отношения, осторожно и не торопясь освобождая эти отношения от обломков старой деревни, без всякого командования перевоспитывая традиционную крестьянскую взаимопомощь, осторожно приспосабливая ее к условиям и требованиям строящейся советской деревни.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ЯЧЕЙКИ.

Ячейки-невидимки.

На другой же день по приезде комиссии в пригородное село Валяевку в избу, где остановилась комиссия, стали приходить крестьяне «побеседовать». Некоторое недоверие, заметное вначале, скоро исчезло без следа. Было уже совсем поздно, когда речь зашла о местной партийной ячейке.

— Да у нас и ячейки-то партийной нет, — уверенно заявил один из собеседников, — комсомольская, правда, есть...

Сейчас же поднялся спор: одни решительно отрицали существование в селе ячейки, другие не менее яростно разоблачали «политическую неграмотность» первых.

А мы, члены комиссии, слушали и ушам не верили: в наших делах имелись сведения о том, что в селе ячейка бесспорно имеется и ячейка не совсем молодая, с пятилетней историей...

Мы вынуждены были вмешаться в спор и поделиться этими сведениями, при дружном одобрении «политически грамотных»...

А «неграмотные», сдав свои позиции, неуверенно ворчали в бороды:

— Может, и была... Не знаем...

А на следующий вечер по нашей просьбе состоялось открытое собрание этой «пропавшей» ячейки, совместное с комсомольской. Собрание открыл секретарь партийной ячейки (он же и предвик) с довольно убедительным добавлением:

— Так как я председатель ВИК'а, то я и буду председателем собрания...

Напрасно секретарь комсомольской ячейки, тов. Ж., уверял, что сейчас не советское, а партийное собрание, и что председателя нужно выбрать. Предвик был неумолим и решительно перешел в наступление: к разбору повестки дня.

Тайна исчезновения ячейки стала для нас понятной, и она подтвердилась на следующее утро: вся партийная работа проводилась п о с о в е т с к о м у р у с л у. Ячейки, к а к т а-

ковой, действительно не было, а потому крестьянство и не знало о ее существовании. Даже проведение кампаний и революционных праздников, вплоть до мельчайших подробностей, находилось в руках ВИК'а. Партийная ячейка оказалась просто «излишней» в обиходе ВИК'а и исчезла... Нас, членов комиссии, удивила не эта встреча с ячейкой-невидимкой (мы знали, что такие ячейки действительно есть), а то, что все это мы видели в 12 верстах от Пензы и при наличии в селе шефства одной из городских ячеек...

Такое исчезновение ячеек, полное поглощение партийной работы советской — явление не единичное. Материал обследования дает несколько таких случаев.

Такую же ячейку встретила комиссия по обследованию Свищевской волости. Ячейка эта партийной работы не ведет; за пять месяцев было всего 4 собрания, при чем постановления носят общий характер. Партийная работа—это работа в ВИК'е. Отношение крестьян к ячейке безразличное, так как она ничем себя не проявила. Члены ячейки не авторитетны, несут почти все административную работу и поведением своим ничем не отличаются от других граждан. Выпивают, а иногда и пьют, не прочь при случае использовать свое положение для устройства личных дел. Все они венчаны в церкви и все крестили детей, ссылаясь на жен, что те окрестили потихоньку от них...

Не посчастливилось и третьей комиссии (Атюрьевская волость). Состав Атюрьевской ячейки — три члена партии и один кандидат. Это: предвик, начволмилиции, председатель волостного комитета взаимопомощи и избач. О работе ячейки говорить не приходится. «Дела» ее передаются по должности от предвика к предвику, а в его отсутствие — от начволмилиции к начволмилиции... Население о существовании ячейки почти совершенно не знает, знает лишь, что есть «коммунисты».

«Секретарь ячейки, — читаем в докладе по обследованию Чернозерьевской вол. (Мокшанского у.), — очень способный, умеет подходить к крестьянству. Но он одновременно — начальник милиции и перегружен работой по этой должности. В глазах населения он поэтому только начальник милиции. Один из членов бюро — предвик. В результате — руководить ячейкой некому, и ячейка никакого влияния на крестьянство и никакой связи с крестьянством не имеет. Даже о существовании самой ячейки знают только крестьяне с. Чернозерья, да и то не все. А в соседних селах, Панкратовке и Елизине, две трети населения не имеют никакого понятия о существовании у них под боком ячейки. В этих селах крестьяне, за исключением бывших красноармейцев и побывавших «на стороне», не имеют никакого понятия о том, кто такой тов. Ленин»...

Не застрахованы от такого исчезновения и комсомольские ячейки. Один такой случай рассказывается в докладе по обследованию Чертковской вол. (Пензенского уезда). Там комсомольскую ячейку заслонили и вытеснили отдельные партработники...

Обследование выявило, таким образом, ряд ячеек, которые оказались «излишними», будучи целиком, без остатка замененными советским органом (ВИК'ом). Ячейки эти бездействуют и почти неизвестны населению. Но есть ряд работающих ячеек, которые хорошо известны населению, но внутреннее содержание которых точно так же выхолощено смешением партийной работы с советской. На первый взгляд и эти и те ячейки как будто весьма схожи, но в действительности между ними есть существенная разница, и именно в отношении к ним крестьянства. Если к бездействующим ячейкам отношение крестьянства безразличное («она нам не мешает, и мы ей не мешаем»), то отношение к неправильно работающим ячейкам иное, в особенности в связи с новым курсом работы в деревне.

Новый курс, советы и ячейки.

Вопрос о практическом проведении лозунга партии «лицом к деревне» ячейка (Дубровской вол.) обсуждала, по обсуждении принято и решение...— принять к сведению.

Но крестьянская масса, как это видно из материала обследования, приняла «новый курс» не только к сведению, но и к «исполнению». «Последний курс, взятый партией в отношении деревни, — читаем в докладе, — произвел в крестьянстве огромный сдвиг в сторону советской власти и на ряду с искренним протягиванием руки бедняка к середняку потянулась рука и кулака с требованием равноправия для себя».

При такой «партийной» работе партийно-советская деревенская общественность не могла не дать трещины, обнаружившейся с полной очевидностью во время весенних перевыборов.

Неправильное руководство советскими органами оказалось клином, всунутым в эту трещину, и ячейки в своем подавляющем большинстве продолжали с удивительным усердием вколачивать этот клин, не замечая, что, кроме вреда, от этой «работы» ничего нет. Другие (очень немногие) махнули на все рукой, не зная, что же им теперь делать. Примеров же правильного руководства советской работой в новых условиях со стороны ячеек обследование не дало. Зато примеров того, как не нужно руководить, — обследование дало немало.

Начнём со сходов. В главе о советской работе мы видели, какое еще огромное значение имеет сход. Но партийно-комсомольского влияния на сходе, как общее явление, нет. Коммунисты и комсомольцы в большинстве случаев на сход совсем не ходят, бывают случаи, когда ячейки собираются одновременно со сходом, но в разных помещениях (Валяевск. вол., Пензенск. у., и Черкасская вол., Керенск. у.).

Попытки же руководить сходом, так сказать, «на расстоянии» есть. В протоколе закрытого совместного собрания партийной и комсомольской ячеек Тезиковск. вол. (от 2 февраля 1925 года) читаем: «запретить сходам разрешать вопросы, касающиеся сельсоветов». Но такое «руководство» является едва ли удачным в какой-либо степени.

Руководство работой сельсоветов и ВИК'ов также принимает нередко уродливые формы. Осуществляется оно через особых, так называемых, «прикрепленных», которые, не зная, что им делать, входят в роль «комиссаров над советами».

«Ячейка, — читаем в докладе комиссии (Н.-Шкафтинской волости), — занимается мелочной опекой над волисполкомом; на представителя ячейки на заседаниях ВИК'а возлагаются функции, которые сводятся к комиссарскому наблюдению за работой последнего и к скреплению своей подписью протоколов заседаний ВИК'а»...

«Ячейка выделила своего представителя в ВИК; тот приходит и заявляет: дайте мне денежную книгу, — я буду вас ревизовать» (Свищевская ячейка комсомола).

В Ломовском ВИК'е работают членами два коммуниста, ячейка «прикрепила» третьего. Метод «прикрепления» коммунистов к соворганам, комитетам взаимопомощи и т. д. уже показал свою непригодность. Крестьянство видит в этом контроль и раздражается. Вот, например, протокол заседания сельсовета: заседание такое-то в присутствии представителя КСМ; слушали—постановили и приписка: «представитель КСМ не возражал».

Не изжит еще и метод командования. Товарищ, обследовавший Ломовскую волость, рассказывает в своем докладе следующее: «Узнал я, что назначено общее собрание членов общества взаимопомощи. Придя на собрание, увидел, что собрание открывает комсомолец-предсельсовета. Спрашиваю рядом сидящего пожилого крестьянина: «а кто же здесь председатель комитета взаимопомощи?» — «Я», отвечает тот. — «Почему же, — говорю, — не ты открываешь собрание и какая повестка дня?» — «Ничего не знаю, — отвечает сосед, — велели притти, а зачем, не сказали».

Секретарь партийной ячейки (Черкасская вол., Керенск. у.) в присутствии беспартийных на одно замечание секретаря ВИК'а крикнул:

— Кто тут старше: А—н (предвик) или я?..

Этот любитель старшинства поставил работу так, что беспартийный председатель кооператива на запрос секретаря ячейки «срочно» дать сведения о членах кооператива, отвечает: «на предписание ваше от такого-то, за номером таким-то» и т. д.

«Алтарский комитет взаимопомощи, — читаем в докладе комиссии, — решил свой комитетский фонд вложить на организацию кооператива. Для разрешения этого вопроса на собрание был приглашен и З—н, как единственный в селе коммунист. Договорились кооператив открыть, фонд на это дело вложить и приступили к выборам. Комитетчики говорят, что надо избрать правление кооператива, а З—н заявляет, что надо сначала избрать контролера-ревизора (?). Спор зашел далеко за полночь, З—н не уступал и, в конце концов, заявил: «делайте, как хотите, вас здесь много, большинство, а будет все-таки помоему». Кооператив, в итоге, так и не был организован.

Нечего и говорить, что ячейки этой группы не свободны от непосредственного вмешательства в работу советских органов: участие в поисках самогона, взыскание налога, производство описей имущества у неплательщиков и т. д.

Вот к этим ячейкам, пытающимся заменить собою советы, зараженным командованием и непосредственным комиссарским вмешательством в советскую работу,—отношение крестьянства нельзя считать удовлетворительным. «Хорошо бы, — говорят крестьяне, — если бы наша ячейка работала так, как пишут в губернских и центральных газетах». А на вопрос — почему не вступают в партию — отвечают: «где же партия наберет нам столько должностей?» (Ломовская волость и др.).

Основные болезни ячеек.

«Над улучшением быта крестьянства, введением культурных способов обработки земли или организацией сельскохозяйственного товарищества, партъячейка не задумывалась» (Леткинская вол.).

«Соберутся, поговорят и расходятся. Работа ведется формально. Актива из беспартийных нет. Ячейка мертва» (Кочемировская вол.).

«Увязки работы ячейки с запросами крестьянской массы нет» (Б.-Азясс).

«Вопросы крестьянской жизни на ячейке не обсуждались. Зато ставились доклады об этике и о половой морали» (Леткинская ячейка комсомола).

Эти и подобные им замечания, изобилующие в материалах обследования, указывают на одну из основных недостатков работы деревенских ячеек. Этот недостаток заключается в том,

что ячейки не в меру увлекаются большими масштабами (обязательно мировыми и по меньшей мере всесоюзным), не улавливая того, что делается в масштабе села или волости. Когда пишущему эти строки пришлось в докладе об основах ленинизма указать одной из комсомольских ячеек (с. Ленино) и на «этот масштаб», — многие из комсомольцев были совсем обескуражены. Быть последователем Ленина — это значит, думали они, — мыслить исключительно в мировых масштабах, совершенно забывая или не зная, что Ленин не раз указывал и на масштаб волости. Усердно «отбывая» доклады о «международном и внутреннем положении», некоторые ячейки считают признаком «дурного коммунистического тона» заняться тем, что у них под носом, не задумываясь над тем, что действительно спаянная вокруг коммунистической ячейки волость является крепостью мировой революции. И сама-то мировая революция ожидается на манер какого-то почти сказочного происшествия и ни в малейшей степени не подозревается, что она зреет, между прочим, и на крестьянских полях и в настроениях крестьянства, короче — у них под носом. Вот такое утопление, хотя бы и небольшого, но действительно исполненного дела, утопление в океане размашистой фразы— является первой болезнью ячеек.

Бывает так, что, пряча «голову» в коммунистических облаках, подчас маниловского свойства (Кочетовск. вол.), ячейка спотыкается о коряги и топчет то, что в революции может очень пригодиться и что серьезным революционерам топтать не полагается.

Вторая болезнь — чрезмерная разбросанность в работе.

«Есть стремление охватить все сразу, без учета сил, в итоге — ничего» (Леткинская волость). Эта болезнь достаточно общеизвестна, но, видимо, крайне упорна. На нее указывают и сами крестьяне.

«Коммунисты, — говорят они (Торбеевская вол.), — уж больно много наложили на нас прав и задач. Вот это делай, другое делай, третье... А мы растопырились от всего этого, осердимся и говорим: ничего не будем делать. Мы все готовы помогать партии, только давайте, что надо, по-очереди»...

Болезнь эта не безызвестна и самим ячейкам. В дневнике секретаря Валяевской ячейки комсомола от 13 июля 1924 года записано следующее рассуждение: «Любопытно знать, можно ли убить трех зайцев, которые бегут один к северу, другой к югу и третий на запад. Кажется, всех не убьешь. Так и мы сегодня за тремя зайцами гонимся: 1) провести уборку ржи, 2) провести день кооперации и 3) провести вечер смычки с рабочей молодежью». Любопытство секретаря было удовлетво-

рено: оказалось, что сумели поймать за кончик хвоста только третьего зайца: поздно вечером явились в Пензу на «смычку» с... театром.

Из 47 обследованных ячеек (23 партийных и 24 комсомольских) можно выделить лишь одну, которая не страдает этой болезнью (Старо-Верхисская). Ячейка эта выделила и вплотную занялась кооперативной работой, избой-читальней и достигла здесь хороших результатов. Кулачество ополчилось на ячейку и на ее секретаря, тов. Ж. Этот товарищ состоит, между прочим, уполномоченным школьного совета. И вот ревизионная комиссия (сомнительного качества) насчитала на него 262 пуда хлеба, израсходованного без оправдательных документов. Вынесли вопрос на решение схода, где против тов. Ж. выступили кулаки. Несмотря на то, что учителя и крестьяне-свидетели подтвердили правильность расходования хлеба, кулаки провели резолюцию: признать расход неправильным, при чем за резолюцию голосовало 20 человек, против 18, а остальные воздержались (всех было около 100 человек). В докладе имеются указания на угрозы убить тов. Ж. «Несмотря на эту кампанию, — читаем в докладе, — ячейка по всей волости пользуется уважением и авторитетом населения».

Этот пример достаточно наглядно показывает, что путь настоящей партийной работы в деревне, путь—тернистый. Зато и награда большая: уважение крестьянства. Достигнуть этого ячейка смогла в первую очередь потому, что не разбросалась в своей работе, а взяла за правило: «лучше меньше, да лучше», чтобы затем от этого «меньшего» перейти к безраздельному влиянию на крестьянство. Только такая работа даст возможность ячейке глубокими корнями врасти в крестьянскую массу.

Третья болезнь — это наблюдающееся местами пустозвонство. Выносится хорошая, деловая резолюция, но в жизнь не проводится. Как-будто вынес резолюцию — и делу конец. Валяевские комсомольцы, например, широковещательно объявили в стенной газете, что ячейка организует воскресник для помощи трем бедняцким семьям. В действительности же ничего этого не было сделано. Та же ячейка обещала на сходе взять на себя обязанность сгонять скот с озимей. Обещание так и осталось обещанием; пришлось обществу нанять для этого специального сторожа. Кое-где такое пустозвонство принимает форму и размеры своеобразной маниловщины.

«На собраниях ячейки (Кочетовская вол.) занимаются болтовней, и некоторые члены навязывают мало-развитым товарищам несбыточные и малосбыточные планы, не давая ничего существенного, практического». Все это отнюдь не способствует росту авторитета ячейки.

Было бы очень полезно — невольно напрашивается мысль — изменить форму протоколов партийных собраний, установив вместо двух частей: «слушали» и «постановили» — четыре, прибавив еще две: «исполнили» и «проверили»...

И, наконец, четвертая болезнь — это формальное понимание своей руководящей роли. Раз уком ячейку утвердил, партийный или комсомольский билет в кармане, то ничего другого больше, якобы, и не требуется для того, чтобы занять руководящее положение на селе. В некоторых ячейках эта руководящая роль понимается в виде «бесплатного приложения» к билету. Мысль о том, что руководящее положение завоевывается, наживается, — отсутствует. Отсюда пренебрежительное отношение к массе и к отдельным ее представителям и злоупотребление авторитетом вышестоящих парторганов («нажим» от имени укома и уисполкома).

Особенно необходимо отметить полное отсутствие смычки с передовыми культурными крестьянами. «Принципиально-руководительская» точка зрения мешает поучиться, где это следует, у передовых крестьян. Эти крестьяне так отзываются о комсомольцах (Валяевская вол.):

— Разве они, комсомольцы, построят новую деревню, — горячо заявил один из старательных середняков-культурников, — нет, они не построят! Мы, вот, построим, и построим обязательно.

И он начал рассказывать, как нужно работать теперь, чтобы через десять лет хорошо было. И у него это было не пустозвонством, каждое свое слово он подтверждал тем практическим делом, которое он сделал в своем хозяйстве своими руками, чтобы детям его через десять лет хорошо было. Эту ревность к строительству новой деревни, затаенную где-то глубоко в переживаниях передовика-крестьянина, комсомольская ячейка может и должна использовать, вместо того, чтобы обращать ее против себя, как это иногда бывает. Передовик-крестьянин больше развит, читает газеты, знает «что к чему», хорошо осведомлен об отношении партии к крестьянству. И не прочь вступить в партию: «боюсь только, — хозяйство упадет», «не хочу семейного разлада» и т. д. Этих передовых крестьян ячейка привлечь к себе еще не сумела, не сумела «опуститься» до того, чтобы поучиться у них и через них помогать всей деревне.

«Вовлечь в свою работу интеллигенцию и крестьян-передовиков ячейка, благодаря комчванству ее актива, не сумела, — интеллигенция и крестьяне-культурники от ячейки сторонятся» (Черкасская вол.).

«Ячейка оторвалась от крестьянских масс и не имеет поддержки ни среди бедняков, ни среди середняков, которые иной

раз попадают под влияние антисоветских элементов. В решающие моменты ячейка прибегает поэтому к авторитету укома и уисполкома, действуя от их имени» (Головинщинская вол.).

«Некоторые комсомольцы думают, что они имеют право на господствующее положение в селе только потому, что они — комсомольцы. Наблюдается, что отдельные комсомольцы ставят себя гораздо выше беспартийных, зачастую не разговаривают с крестьянами и не отвечают на вопросы, задаваемые крестьянской молодежью, не пускают беспартийных на сцену, на спектакли и т. д. Это — один из больших недостатков ячейки» (Атюрьевская вол.).

Вот эти четыре основных болезни свойственны в той или иной степени подавляющему большинству обследованных ячеек как партийных, так и комсомольских.

Внутреннее состояние ячеек.

Партийные ячейки крайне малочисленны—обычно около 10 или немного более, реже 4—8 (8 ячеек из 23) и еще реже в 15—25 человек (5 ячеек из тех же 23). По стажу — подавляющее большинство вступившие до новой экономической политики; некоторые ячейки целиком состоят из таких товарищей.

Комсомольские ячейки численно более значительны: из 24 ячеек 14 — с числом членов более 20. Есть ячейки в 60 членов (Н.-Шкафт.), в 46 (Черкасская), в 40 (Дубровская). По стажу — молодняк, вступивший в прошлом году. Вступивших до новой экономической политики — единицы.

Из этих 47 ячеек (партийных и комсомольских) сколько-нибудь удовлетворительно работающих можно выделить не более 6. Шестнадцать ячеек из рук вон плохие, сильно подорвавшие свой авторитет среди населения. Остальные — слабо работающие, те, о которых крестьяне говорят: «и мешать сильно не мешают и толку от них никакого».

Личная жизнь деревенского коммуниста или комсомольца имеет исключительно важное значение. Она вся на ладони, на глазах всей деревни. И крестьянство не прощает, когда слово расходится с делом. Поэтому крестьянство очень требовательно к коммунистам, распространяя некоммунистические поступки отдельных членов ячейки на всю ячейку. «Раз ячейка укрывает, — значит, вся она из таких людей», — рассуждает крестьянин. К сожалению, оснований для таких рассуждений у него очень много. Берем выдержки из материалов обследования:

«Имели место случаи хулиганства членов ячейки (Черкасской): стрельба в помещении ячейки (при избе-читальне), от чего упали в обморок одна комсомолка и одна беспартийная. Личная жизнь коммунистов такова, что она сделалась достоя-

нием улицы: выпивки одного, разговоры о взятках другого, крещение ребенка — у третьего, неуплата долгов кооперативу— у четвертого и т. д. Это состояние ячейки партии отражается и на состоянии комсомольской ячейки».

«В Каменке (Атюрьевская вол.) о комсомольцах молодежь отзывается так: если бы у нас, говорят, были комсомольцы, то у всех граждан были бы повыбиты окна. У нас был один комсомолец, который за короткое время пребывания в селе выбил у двоих крестьян окна».

«До сих пор все члены и кандидаты ячейки исполняют религиозные обряды. На наш вопрос на заседании ячейки, почему они от этого еще не отказались, один из молодых кандидатов заявил: «чай, мы не татары». (Н.-Штафт.).

«Атюрьевская ячейка комсомола работает замкнуто; молодежь, наблюдая со стороны отдельных комсомольцев пьянство, хулиганство и проч., думает, что так это и следует. «Мы бы вступили, — говорят парни, — но стыдно, так как нужно работать, комсомол же не работает, а занимается реквизициями самогона, заказывает селянки и т. д. Родители подавали заявления в ячейку с просьбой исключить из ячейки их детей. Был даже случай, когда к секретарю ячейки приходила мать комсомольца с просьбой исключить ее сына из ячейки и предлагала за это пуд пшена и 2 фунта мяса». А в Атемарской вол. из ячейки «выписались» несколько комсомольцев под давлением своеобразной блокады: «мать лепешек не дает».

«В селе Сандрове (Кочемир. вол.) есть четыре комсомольца, политически они неграмотны, своих задач не знают. Есть попытки к командованию. Есть драки, картежная игра».

«Следует отметить отсутствие в ячейке комсомола (Леткинская вол.) дисциплины, частое хулиганство и выпивку».

«Ячейка комсомола не занимается серьезно работой, не служит хорошим примером для молодежи, пользы от них никакой; больше занимаются уличным хулиганством. Эти нарекания можно услышать во всех селах» (Торбеевская вол.).

«Ячейка комсомола совершенно оторвалась от крестьянской молодежи, в глазах которой не пользуется никаким авторитетом. Дисциплина и спайка отсутствуют. Организация крайне нездоровая, заражена бездельем, расхлябанностью, самогонокурением, пьянством и т. п. (Головинщ. вол.).

Особенно острое негодование крестьянства вызывают случаи подозрительного обогащения членов партии. Примеров того, как деревенский коммунист должен «хозяйственно обрастать», обследование не дает, но зато дает несколько вопиющих примеров того, как не нужно «обрастать хозяйством».

Вот, например, деревня Л., Трехсвятской волости. Раньше, до революции, она была очень бедной, надел был нищенский. Избы у крестьян — убогие лачуги, бедняцкие все, как одна.

И вот среди этой нищеты вырастает новый пятистенный, крытый железом с большим подвалом впереди, дом. Это — дом коммуниста К., избенка которого стоит здесь же рядом. Вначале революции он работал в комбеде, потом предвиком, а затем упродкомиссаром. Местное крестьянство прямо тычет на него пальцем.

На сходе 1 марта 1925 года крестьянин А., причисленный, по циркуляру вика[1]), к кулакам и лишенный гражданских прав, но восстановленный уездной комиссией, публично заявил:

— Меня причислили к кулакам, у меня семья в 18 человек, живу вместе со скотом, кормлюсь хлебом и картошкой, а вот К. посмотрите, как живет!..

А в другой волости (Черкасской) авторитет ячейки подорвала поездка секретаря ячейки К. в Москву в качестве ходока от общества по земельной тяжбе Черкасского общества с совхозом. В Москву ему общество выслало еще денег (70 руб.), так как взятые им при поездке деньги были, по его словам, будто бы, отняты бандитами, напавшими на поезд, в котором он ехал. В Москве он ничего не сделал, приехал из Москвы в осеннем пальто и в панаме, два раза не являлся на общее собрание граждан с отчетом о поездке.

Отсюда понятно и заключение, которое делает товарищ, рассказывая этот случай: «отношение к ячейке всех групп крестьянства — пренебрежительное».

Вполне понятны и замечания крестьян о необходимости чистки деревенских ячеек. На общем собрании граждан в Торбееве была даже принята такая резолюция: «желаем влиться в ряды РКП и своими силами оздоровить партию и этим вытеснить ненужный элемент, скрывающийся под флагом партии в своих личных интересах».

«В комсомол мы пошли бы все с удовольствием, — говорит Атюрьевская молодежь, — только прежде нужно устроить чистку».

Хорошие результаты дает участие крестьян при приеме в ячейку новых членов. Беспартийные при этом голосуют более осторожно, чем партийцы. Одну, желавшую вступить в партию, но сомнительную по части честности и бесхозяйственную. беспартийные провалили единогласно, говоря, что нам в партию нужно честных и преданных делу людей. Это было в Торбеевской волости, той самой, где при весенних перевыборах в советы проваливали при одном шопоте в толпе, что «он коммунист». Этот метод широкого участия самого крестьянства при

---

[1]) Этим вик'ом был издан циркуляр от 8 янв. 1925 г. всем сельсоветам с требованием в «пятидневный срок» и в «обязательном порядке» произвести «расслоение деревни». Циркуляр этот взбудоражил население волости.

приеме новых членов необходимо ввести в практику. Можно быть совершенно спокойным, что тогда не будет таких случайностей, когда командированный для обследования Дубровской волости товарищ обнаруживает в составе комсомольской ячейки трех воров-рецидивистов.

Невнимательное и нетребовательное отношение ячеек к личной жизни своих членов является, таким образом, первым изъяном внутреннего состояния ячеек.

Вторым изъяном является чрезвычайно низкий уровень политического развития членов ячеек. Деревенские коммунисты еще в значительной своей части живут зарядкой массовой агитации эпохи гражданской войны. А, между тем, политическая активность кулачества растет. «На открытые заседания ячейки ходят преимущественно местные торговцы и в незначительном количестве бедняки и середняки» (Головинщ. вол.). «На прочитанные мною лекции по ленинизму, на которые вход был свободный, аккуратно являлись торговцы и задаваемыми вопросами пытались создать кулацкое настроение» (Ломовская волость).

Эта политическая неграмотность и неподготовленность становится сильнейшим тормозом партийной работы в деревне, так как, по мере роста кулацкой активности, встает стена между ячейкой и массой рядового крестьянства. Именно вследствие своей политической неподготовленности некоторые ячейки сознательно отгораживаются от массы китайской стеной, боясь «щекотливых вопросов» (Головинщин. вол.).

Третьим недостатком внутрипартийной работы является командование внутри ячейки, подавление всей партийной массы секретарем или одним из более развитых членов.

«Чувствуется диктаторство со стороны секретаря» (Лух-Майданск. яч.). «Ячейки не существует; ее заменяет секретарь и немного избач. Секретарь мало с кем считается и обращает внимание только на стаж, а не на способности товарищей. Положение усугубляется тем, что «Вася» (секретарь) — крайне неразвитой, лодырь (когда едет с поля — заснет на возу, лошадь встанет, так и стоит до вечера среди дороги, если кто не разбудит), венчался в церкви, за 30 караваев ходил с хоругвями. «Ну, какой он руководитель! — говорят крестьяне, — сам наг и бос, а еще учить хочет» (Свишевск. яч.).

Четвертый недостаток, это — механическое перенесение городских методов работы в деревню, без малейшего учета крестьянской обстановки. «Комсомольцы готовят себя в чиновники», — говорят крестьяне (Тезиковская волость), «о т к а з ы в а ю т с я о т с ы р о й з е м л и» (Атюрьевская вол.), «наровят учиться, чтобы из села уйти» (Свишевская вол.).

«Отцы говорят комсомольцам: если ты будешь так часто в свой комсомол шляться, так я тебе дам кусок хлеба в руки

и иди, куда глаза глядят». «Что там делать, в комсомоле-то, — говорят головинщинские крестьяне, — на кольцах-то болтаться, да в ногу ходить? Это и без комсомола сумеем (в нардоме то и дело происходят спортивные упражнения комсомольцев)». Неудивительно поэтому, что комсомолка в селе почти повсеместно считается «последней девкой». Девушек, вступающих в комсомол, нередко выгоняют из дому.

Необходимо отметить и еще один недостаток внутрипартийной работы: недостаточное внимание некоторых ячеек к работе среди национальных меньшинств. В Торбеевской волости, где 63 процента мордовского населения, ячейкой не ведется специальной работы среди мордовского населения, не проводится и не чувствуется стремления выдвинуть на руководящие деревенские посты из мордвы.

Отмечен ряд и других недостатков: неудачное составление повестки дня для открытых собраний, злоупотребление закрытыми собраниями, неподготовленность к докладам и т. д.

Недостатком партийных ячеек является из рук вон плохое руководство комсомолом. «Комсомольцы это — такие же коммунисты, только помоложе». Отсюда — полное неусвоение специфических, особых политических задач. Отсюда механическое перенесение партийных методов и содержания работы — в комсомольскую ячейку. Даже больше того: некоторые из выделенных в ячейки комсомола партийцев имеют поползновение использовать комсомольцев для такой работы, которая для партийцев при новых условиях работы «не подходяща». В селе Балкашине (Чембарск. у.), например, ответственный за работу комсомольской ячейки член партии Р. на собрании ячейки настаивал, чтобы ячейка взяла на себя административные функции по выкачке налога. Ячейка, однако, это отвергла, ссылаясь на то, что «уком не велит».

Несмотря, однако, на явно неудовлетворительное состояние партийной и комсомольской работы в деревне, тяга в партию и в особенности в комсомол есть. Вступают, преодолевая зачастую неимоверные трудности. В бытность комиссии в селе Алферьевке (Валяевск. вол.) к нам обратился один очень зажиточный крестьянин-старообрядец с просьбой повлиять на сына, чтобы тот «отметнулся» от комсомола:

— В комсомол просится. Прямо сладу никакого нет. Вот вы уедете, возьмусь за последнее средство: выпорю его как следует. Если стерпит, так значит его верх — пусть идет в комсомол...

Такова предварительная «чистка». Однако, осторожная и внимательная «последующая» чистка некоторых деревенских ячеек является теперь, в свою очередь, предварительным условием здорового и правильного поглощения этой тяги. Пополнение партийных и комсомольских рядов необходимо произво-

дить с учетом мнения крестьянской массы. Это в значительной степени будет способствовать изживанию отрыва ячеек от массы рядового крестьянства.

Пионерское движение.

Пионерское движение, как общее явление, зарождается в стенах школы, местами (правда, очень редко) отряды организуются даже в таких селах, где нет ни партийной, ни комсомольской ячейки (школьными работниками). Отношение крестьян к пионерскому движению обусловливается, прежде всего, степенью религиозности села. А так как религиозность вообще заметно пала в крестьянстве, то и пионерское движение не встречает особых препятствий.

Беднота в большинстве своем считает пионерское движение делом полезным и нужным. «Раз новая жизнь, так и детей нужно приучить к этой жизни, а нас, стариков, трудно переделывать». На вопрос, почему же их дети не в отряде, отвечают: нет обуви и одежды. Середняки тоже в этом ничего дурного не видят, за исключением безнадежных религиозников. Кулаки не прочь послать своих детей в отряд: «пусть, говорят, воспитываются: рано или поздно все равно придется, а смолоду — лучше» (Головинщинск. вол.).

«Пионерское движение в деревне (Торбеевск. вол.) имеет значительный рост. Сейчас в Торбеевской волости, в самом поселке в отряде 50 детей, и есть отдельное звено в 12 человек в мордовском селе Дракине. Работа пионеров протекает удовлетворительно, и к ним население относится хорошо».

«Из трех школ волости (Кочетовской) в двух организованы пионерские отряды, руководимые комсомолом. Родители сочувственно относятся к этому».

Нет пионерских отрядов в охваченных обследованием татарских селах. В с. Кривозерье учителя начали было организовывать при школе отряд, но под давлением родителей, встревоженных «как бы дети их не записались потом в комсомол»», — бросили.

Потребность в пионерском отряде чрезвычайно остра. Там, где отряд создается, пионеры очень быстро завоевывают влияние в школе (самоуправление) и, по отзывам учителей, являются их лучшими помощниками. И тяга в отряды — огромная. Основной недостаток — нет руководителей, вожаков, нет исчерпывающих указаний и соответствующей литературы. Есть целый ряд сел, в которых учительство совсем не осведомлено о пионерском движении. К сожалению, партийные и комсомольские ячейки мало уделяют внимания организации пионерских отрядов.

Материал обследования дает очень скудные сведения о пионерском движении, но о главном все же предупреждает: о том, что крестьянство с большим вниманием присматривается к этому движению и боится, как бы оно не дало развращенных людей (Свищевск. вол.). Нужно приложить все силы и уменье к тому, чтобы показать крестьянину, что его тревога неосновательна, что отряд воспитывает честных, трудолюбивых и сознательных граждан новой деревни.

КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА В ДЕРЕВНЕ.

Между трактором и шайтаном.

Алтарская беднота поведала комиссии свою затаенную думу: думу о тракторе. Купить бы, да и пахать всем сообща... Поведала и другую тайну: «шайтан» (чорт) у них завелся, жить не дает — беспокоит. «Поселился» он в семье крестьянина Аберхаева Хусяина. Все время стучит, довольно разговорчив: отвечает на всевозможные вопросы и несколько дней подряд вызывал муллу, чтобы тот его выгнал. Сперва приходил какой-то заговорщик, вроде колдуна, и уговаривал шайтана вести себя поскромнее: не подействовало. Шайтан требовал обязательно муллу. Пришел и сам мулла, принялся выгонять шайтана, а тот и в ус не дует. Крестьяне решили тогда обратиться за содействием к приехавшей из губернии комиссии. Пришлось заняться обследованием и «загробного мира»: отправиться на переговоры с шайтаном. Но тот не пожелал иметь с коммунистами никаких дел и упорно молчал. Крестьяне объяснили это тем, что шайтан у них немного трусоват и боится пороха, хотя члены комиссии решительно заявили, что оружия они никакого не имеют.

Между трактором и шайтаном — вот как необъятно велико поле культурной работы в деревне.

Перед лицом необъятности задач на фронте борьбы с темнотой, уместно подсчитать и продумать наши недостатки, наши слабые места. Говорить об успехах здесь время еще не пришло.

Школа.

Бесспорное первенство в этой борьбе в настоящее время принадлежит школе. Она заметно и крепко встает на ноги. Правда, в школе еще и холодно и грязно, есть еще большая и местами очень острая нужда в ремонте, в учебниках и письменных принадлежностях, материальное положение учительства все еще недостаточно окрепло. Но текущий учебный год,

по сравнению с прошлым, прошел повсюду в значительно лучших условиях. Материальная база школы в нынешнем году увеличилась где в 3 — 4 и 5 раз, а где даже более, чем в 8 раз (Валяевская волость).

Третья часть школьного бюджета (где немного больше. где немного меньше) ложится на волбюджет и население (самообложение). Нужно отметить, что к самообложению на нужды школы (ремонт и учебники) население, в зависимости от тех или иных местных условий. относится по-разному: местами с полным сочувствием (Черкасская, Кочетковская и другие волости), местами — и таких больше — с недовольством (Валяевская, Чертковская и другие волости) и даже с крайним раздражением (Атемарская. Чирковская. Егинская и др. волости), указывая на то. что в окладных листах по с.-х. налогу указаны и расходы на школы. «Если мало, — говорят крестьяне, — прибавили бы рубль и лучше брали бы сразу».

Население тянется к школе. «В селе Елизино (Чернозерьевской вол.), — читаем в докладе, — школа открыта в 1924 г. усилиями крестьян-передовиков. Под школьное помещение взяли поповский дом, в качестве учителя выделили крестьянина-односельчанина Сидорина. наскоро сколоченные «сооружения» должны представлять из себя парты, вместо классной доски — лист кровельного железа».

«За ремонт одной из школ волости (Ломовской. Мокшанского уезда), которой грозит полное разрушение, как заведывающий. так и общество взялись очень энергично и возбудили ходатайство в сентябре прошлого года об отпуске 76 дерев. но ходатайство до сих пор (март) не получило разрешения и все еще гуляет по канцеляриям». Такое отношение к школе крайне нетерпимо. так как нужны еще неимоверные усилия и пристальное внимание, чтобы поднять школьное дело на надлежащую высоту.

На ряду с большими успехами, школьное дело сейчас страдает еще целым рядом весьма существенных недостатков, острота которых. однако. может быть изжита даже в пределах наших теперешних скудных средств. Наблюдается. например, случай. когда дрова для школы отпускаются за 30 верст. тогда как лес под боком у школы: дрова не были поэтому вывезены (Леткинская волость). Для Оленевской школы (Пензенск. у.) дрова отпускают близ с. Ленино, а для Ленинской — близ Оленевки. Нередко бывает и так. что есть дрова, — неисправны печи. требуют небольшого ремонта, который. однако, вырастает в непреодолимое препятствие к нормальной работе школы. В Белозерьевской школе (Саранск. уезда) учитель явно не на месте. манкирует занятиями. школа по неделям не работает. и УОНО не догадается дать школе другого учителя.

Теперь о некоторых школьных недостатках.

Школа, прежде всего, не вбирает в себя всех детей школьного возраста (недостаток помещения, небольшой штат учителей и ряд других причин). Процент детей, обучающихся в школе, по отношению к количеству детей школьного возраста, колеблется для разных мест очень сильно: от 18 (Атюрьевская волость), 20 (Казарка, Город. у.), 27 (Чертковская волость) до 48 (Свищевка, Чембарск. у.), 54 (Черкасская вол.) и для отдельных сел даже до 66 и 67% (Каменный Брод, Инсарск. у. и Андреевка, Н.-Ломовского уезда) и 71% (с. Суркино, Сарапского уезда). Решающее значение здесь имеет инициатива и качество учителя. В с. Рамзае школьные работники перед началом учебного года произвели обход по дворам с целью разъяснения необходимости учить детей. В результате — наплыв в школу такой большой, что пришлось отказывать за недостатком помещения. А в с. Белозерье (Саранск. уезда) учитель пропускает занятия (два — три дня в неделю школа обязательно пустует) и в результате из 130 детей школьного возраста в школе учится всего 18 детей (13,8%), тогда как в прошлом году училось 63 из 125 (50,4%).

Вне школы остаются, главным образом, дети из бедняцких семей и девочки. Наблюдается теснейшая зависимость посещаемости школы детьми от благосостояния хозяйства. В бедняцких хозяйствах за бортом школы остаются почти три четверти детей, в группе хозяйств средних — половина и в группе зажиточных, наоборот, три четверти детей обучается в школе. Недостаток одежды и обуви, большая нужда в добавочном труде подростка и расходы, связанные с обучением (приобретение учебников, самообложение и пр.), — все это лишает возможности ребенка из бедняцкой семьи учиться в школе.

Неблагополучно обстоит дело с обучением девочек. Процент девочек, обучающихся в школе, из года в год, как общее явление, падает. В 1924 году, по сравнению с 1922 г., он упал местами в два (Валяевская, Кривозерьевская волости), а местами даже в три раза (Атюрьевская, Чирковская волости и другие). Есть школы, где девочек нет совсем (с. Пяша, волостное село Дурасовка, село Стандрово, Кочетовской вол.).

Здесь, прежде всего, сказывается вековая традиция. Крестьянство стремится в первую очередь справить одежонку и пустить в школу сына, потому что ему и в солдаты итти, да и неудобно мужчине быть неграмотным, а «баба» подождет, а если и останется неграмотной, то и в этом беда невелика. На обучение девочек смотрят как на дело второстепенное. Чаще препятствует мать: «крестьянин Сандин хочет послать девочку в школу, а жена ругается: без рубашки находишься» (с. Ст.-Верхиссы, Инсарск. уезда). Недостаточно внимания на это обращено и школьными работниками. Опыт показывает, что

«вековая традиция» не так уж устойчива и уступает перед агитацией учителя.

«Девочки раньше не ходили в школу. Теперь учителя повели агитацию, и сразу вступило 18 девочек в первую группу» (с. Каменный Брод, Инсарск. у.). Сюда же следует прибавить, что девочки чаще выбывают из школы, не окончив курса обучения. Процент оканчивающих школу вообще крайне низок: очень часто менее 5 (Валяевская и Кривозерьевская вол.), местами 10% (с. Соколовка, Саранск. у.), 14% (Головинщино) и в лучшем случае 20% (Б.-Кеньша). Есть школы (Атюрьевская вол.), где четвертый год обучения, вследствие огромного преждевременного выбытия из школы, совсем не состоялся. Главная причина выбытия, это — работа в хозяйстве (около половины выбывающих), реже — недостаток одежды и обуви и болезнь. Преждевременному выбытию в сильнейшей степени способствует привычка населения к трем годам обучения и традиционный взгляд на обучение: «научился расписываться и довольно».

В области «учебы» школа переживает глубокий кризис. Есть школы, где о новых методах преподавания учительство лишь слышало (Атюрьевская вол.), большинство школ — в периоде «комплексного» брожения и меньше таких, в которых комплекс «на полном ходу». Успешность же школьников повсюду крайне низка (в среднем около 50% второгодников). В Атюрьевской школе обучение ведется «по старинке», но есть ученики, которые на втором году обучения еще не знают всех букв. Население же склонно винить в этом новые методы преподавания и даже там, где методов этих нет:

— «Компасом» (комплексом) развлекаются...

«Получше бы учили, — говорят крестьяне, — а то три года учат, а спросишь сынишку: сколько дважды два, а он и не знает». (Н.-Шкафт).

Сильно чувствуется и неподготовленность учительства к новым методам и программам. Нет литературы, а порой и нормальных условий работы, — есть школы, где на одного учителя приходится 135 школьников (Атюрьево) и где одному приходится вести все группы (с. Николаевка). Но, в общем, учительство в полосе исканий, с чрезвычайным богатством оттенков взглядов на этот счет: от яростной защиты «комплекса» (Валяевская вол.) до столь же решительного отрицания его (Атемар), примиряемые призывом к «соглашательству», к увязке старого с новым, что, пожалуй, является в настоящее время наиболее удачным на практике разрешения вопроса. Необходимо, однако, отметить, что все эти искания проходят в стороне от массы, о них население совершенно не осведомлено, хотя бы в более узком кругу школьного совета (которых, кстати, в некоторых школах, например, в школах

Атюрьевской вол. — и совсем нет, также как и комитетов содействия). У населения создается поэтому впечатление, что в школе «мудрят» и «хитрят», а объектом «мудрования» являются их дети (Валяевская вол.). Необходимо поэтому поставить перед учительством задачу взглянуть на этот якобы узкоспециальный педагогический вопрос как на вопрос о б щ е с т в е н н о г о з н а ч е н и я и в разрешение его втянуть в той или иной степени крестьянскую массу, убеждая, доказывая и, главное, показывая. Отрыв школы от массы на этом участке школьной работы должен быть обязательно ликвидирован. Иначе получается заколдованный круг:

— Дитя знает, как относятся к школе родители, — говорят крестьяне, а родители относятся плохо («плохо учат: раньше в год все знал, а теперь пять лет ходи,—ничему не научишься»), поэтому и дети учатся плохо и не так смотрят на школу, как нужно. (Атюрьевская вол.).

Падение школьной дисциплины — явление почти повсеместное. И население к этому относится с крайним неодобрением.

Чрезвычайное разнообразие представляет картина участия школьников в общественной жизни села: от полной безучастности и даже отсутствия понятия об этой работе (Чирковская вол.) до таких форм этой работы, которые ставят перед вопросом: нет ли здесь перегиба? В Ленинской школе (Пензенск. у.) по работам учеников можно составить полную картину жизни села и собранные учениками сведения могли бы удовлетворить даже самого требовательно статистика. Здесь комиссия нашла самые точные и притом свежие сведения и о количестве посева, инвентаря, скота и даже кур каждого хозяйства. При наличии теперешнего отрыва школы от крестьянской массы и при неудачном выборе момента для составления таких поимущественных описей, работа школьников получает совершенно искаженное представление в сознании крестьянства:

«Некоторые крестьяне говорят, что «большевикам самим стало стыдно ходить по дворам, так они посылают этих глупышей» (Рамзайск. вол.). В том же Рамзае был случай, когда школьников, пришедших экскурсией на маслобойку, встретили комьями земли, крестьяне ругали их, а хозяин маслобойки отказался давать какие-либо разъяснения, боясь, что «высмотрят все, а там гляди лишний налог наложат».

Никакие уговоры учителя не помогли. Эти и другие случаи заставляют задуматься над необходимостью увязывать работу школьников с общественной жизнью села, с полным учетом п о л и т и ч е с к о г о с о с т о я н и я деревни в к а ж д ы й д а н н ы й м о м е н т. В урожайный год удачные формы этой работы могут быть одни, в недородной — другие. Здесь должно быть м а к с и м у м г и б к о с т и и м и н и м у м ш а б л о н а.

Школа и церковь.

Общий упадок религиозности в крестьянстве сказался, конечно, и на школе. Но в школе этот упадок, по причинам вполне понятным, более глубок, и в этом отношении школа представляет из себя деревню под увеличительным стеклом.

Население с отделением школы от церкви, как общее явление, свыклось.

«С тем, что «закон божий» в школе не преподается, крестьяне примирились, хотя есть и такие, которые не против введения его в программу обучения; в общем же эта сторона не тормозит дела» (П.-Куракинская вол.).

«Недовольства крестьян устранением преподавания «закона божия» из школы нет» (Кочетовская вол.).

«С отсутствием в школе преподавания закона божьего крестьяне примирились» (Черкасская вол.). Подобные же замечания — и в других докладах.

Есть, правда, в каждом селе группа, которая высказывает недовольство. «Нужно воспитывать, — говорят они, — в «страхе божьем», а то вырастут хулиганы-разбойники». (Атемар). Нужно отметить при этом, что этот «страх божий» понимается по разному: здесь и любовь к земле-кормилице, и послушание, и почет старикам, и средство против разбойного образа жизни и дурных поступков, и привязанность к трудовой жизни (средство от тунеядства). Одним словом, добрая половина (а порой и полностью) потребности в таком «страхе божием» может (и должна) быть удовлетворена действительно хорошо работающей комсомольской ячейкой над воспитанием детей в пионерском отряде. Эта потребность в «страхе божием» будет исчезать по мере того, как наши комсомольские ячейки и пионерские отряды будут научаться работать так, как это нужно. Этот «страх божий» по-своему передается в голову школьника. В Атемарской школе, где дети не имеют никакого представления о том, что такое евангелие, на вопрос учителя: «почему вы в школе шумите, а дома ведете себя тихо», отвечают: «здесь можно, — икон нет». А вместо иконы дать ребенку другое — не сумели в этой школе. Пионерский отряд с его законами и обычаями произвел бы здесь полный переворот. В большинстве же случаев выветривание религиозного дурмана из детской головы проходит без параллельной работы над новым мировоззрением. И разрыв со старым проходит поэтому местами болезненно.

«Дети постепенно освобождаются от религиозного дурмана; старшие из них начинают писать антирелигиозные статейки и во время церковных деревенских праздников посещают школу». (Кочетовск. вол.).

«В старшем отделении есть 5 — 6 атеистов в полном смысле; есть небольшое количество верующих; основная же масса школьников относится к религии безразлично. Случаются споры на тему о боге, победителями выходят атеисты, так как с ними — учитель». (Чертковская вол.).

С кем учитель — это имеет решающую роль. Там, где он держит «нейтралитет» — там и нет сколько-нибудь осознанной антирелигиозности, а есть простое отсутствие видимой религиозности и видимой антирелигиозности. Этот «нейтралитет» чаще объясняется неподготовленностью учителя. На вопрос детей, «почему нас не учат закону божьему», учительница Б. (комсомолка) отвечает: «потому, что он бесполезен». (Атюрьево). Случаев, когда такой нейтралитет склоняется в благожелательную для церкви сторону, обследование дало в отношении всего лишь одной школы.

Днями испытаний прочности антирелигиозных настроений являются праздники. Здесь завязывается борьба; пускается в ход и родительское воздействие и — реже — тот или иной маневр со стороны церкви. Мать грозит лишением блинов (Атемар), а церковь манит к себе, материально заинтересовывая детей. Наиболее ярко рассказывается об этом в докладе по обследованию Бессоновской волости. «В с. Палеологове, — читаем в этом докладе, — при моем посещении школы бросилось в глаза большое количество отсутствующих. Учительница и ученики пояснили, что местный поп перед пасхой начал приглашать некоторых учеников к себе в хор, обещал им платить. Те согласились. Общее собрание учащихся, узнав об этом, постановило от имени коллектива предложить им не ходить в хор. Об этом узнали родители и взяли детей из школы. В журнале так и отмечено «выбыл по религиозным убеждениям родителей».

Непосредственные попытки духовенства «завоевать» школу наблюдаются сравнительно редко. Воскресеновский поп (Валяевская вол.), например, в одной из проповедей «громил» школу, утверждая, что она разрушает семейные устои. Старообрядческий начетчик в с. Альферьевке пытался через своего внучонка внести разложение в среду школьников. Но эти попытки никакого результата не дали. Сложнее в татарских селах — там мечетские советы (довольно крепкая организация) ведут более успешную агитацию за введение закона божьего в советских школах, что не остается, конечно, без влияния и на школьников.

Учительство и общественная работа.

Массовый политический сдвиг учительства — факт общеизвестный и бесспорный. Уровень политического развития

учительства за последний год поднялся необычайно высоко. Работа по переподготовке сделала свое дело. Одна из учительниц призналась комиссии по обследованию пригородного района, что год тому назад она считала, что Коминтерн — это фамилия французского президента, и никак не могла понять, по каким мотивам этот президент претендует на мировое господство. И была поэтому настроена далеко не в пользу таких президентских намерений. Переподготовка открыла ей глаза. Теперь она прекрасная работница.

В общем же обследование дает такую картину состояния учительства: не более 10% состава требует безусловной замены, остальные в большей своей части на месте, в меньшей — все же справляются со своей работой. Мерилом этой оценки является вопрос: насколько удачно сочетается школьная работа с общественной работой на селе, с полным учетом, конечно, обстоятельств, от учителя не зависящих.

Нельзя, в самом деле, винить учителя, который «носится, как обалделый», — его всюду «втянули», а школа — «похожа на сироту» (Чернозерьевская вол.).

Нельзя предъявить сколько-нибудь серьезные требования по части общественной работы к учителю, если ему приходится за недостатком помещения заниматься днем с одной группой, а вечером с другой (Григорьевская волость) или когда на его плечах 135 учеников (Атюрьево) или когда приходится одной заниматься с 4-мя группами (с. Пяша), вообще в тех случаях, когда нагрузка явно черезмерна. А такая нагрузка, надо полагать, далеко не исключение. По Рамзайской и Бессоновской волостям из 25 школьных работников только 5 имеют нормальную нагрузку, остальные перегружены, при чем у большинства — колоссальная перегрузка. И несмотря на это в общественную работу по этим волостям вовлечены все полностью и большинство из них работу ведут активно.

Такие же сведения даются и по другим волостям. «Учительство тесно спаяно с ячейкой, принимает живейшее участие в общественной работе, и учителей данного села (Кир-Майдан) и двух других сел волости (Кочетовской), в которых мне пришлось жить, новому человеку трудно отличить от коммунаров» и т. д.

Но есть ряд сел, где учительство еще не приступает к общественной работе, есть и такие, где оно в стороне от этой работы. Чаще всего это происходит от перегрузки школьной работой, от неуменья подойти к крестьянской массе и, реже, по вине ячеек. «Сотрудничества учителя с ячейками партии и комсомола нет, это происходит благодаря комчванству, высокомерию секретаря, некоторых членов ячейки партии и бывшего секретаря комсомольской ячейки тов. К.» (Черкасская вол.).

Ячейкам, подобным Черкасской, необходимо поскорее изжить такое отношение к учительству. Учитель не «наемник», которого можно «рассчитать», а товарищ по работе и притом в деревне он особенно ценный и нужный товарищ. Такой взгляд должен войти в плоть и кровь наших ячеек.

Для той части учительства, которая еще не сумела выработать правильный подход к массе, необходимо поставить задачу оживления о к о л о-ш к о л ь н о й общественной жизни (оживление школьных советов, комитетов содействия, родительских собраний), т.-е. той жизни, которая ближе всего к учителю. Нельзя его клеймить за то, что он не сумел сразу найти кратчайший путь к массе. Нужно терпеливо ждать и осторожно, по-братски, помогать ему нащупать твердый и верный путь к массе. Есть все основания думать, что эта часть учительства в будущем, быть может в очень недалеком, будет не менее ценной частью учительства, чем и та, которая активно участвует сейчас в общественно-политической и культурной жизни села.

В отношении той части учительства, которая перегружена, необходимо поставить теперь же вопрос о регулировании школьной нагрузки.

А теперь о главном: о том учителе, которого «втянули» всюду и который «носится как обалделый»...

И не только о нем, но и о том слое учительства, которое уже созрело для общественной работы и в ближайшее время выступит на этом поприще. Необходимо оградить этот слой от тех ошибок, которые уже допущены в отношении учителей-пионеров общественности.

У ч и т е л ь е с т ь, п р е ж д е в с е г о, у ч и т е л ь и и з э т о г о н у ж н о и с х о д и т ь. А то бывает так, что учитель «втянут всюду», а в школе нет ни школьного совета, ни комитета содействия и о положении школьного дела население совершенно не осведомлено. Бывает и так, что учитель состоит членом сельского совета, волземкомиссии, правления кооператива, а школа по 2 — 3 дня не работает, вследствие чего население перестало помогать школе и пускать туда своих детей (Кривозерьевск. вол.).

«Учителя, — читаем в этом докладе, — авторитета среди населения не имеют; на них смотрят как на администраторов. Учителя, как члены сельсовета, ходят собирать налог, унимают пьяных, арестовывают их, составляют описи имущества граждан. Учитель Ч — и даже занимается «мордобойством» и сам не отказывается от этого: «по родственному, — говорит, — раза два залепил по щеке». В двух — трех докладах есть указание, что м е н е е у с т о й ч и в а я часть учительства, попадая в низовые органы власти, заражаются его болезнями вместо того, чтобы эти болезни изживать. Это не говорит, конечно,

о том, что учителей не следует выбирать. Выбирать можнс и нужно, но только с необходимой осмотрительностью и без явного ущерба для школы. Надо изжить такие провалы, когда в области общественной работы учителя дело обстоит сверх-благополучно, а школьный кооператив разваливается или школьники «незнакомы с организацией советской волости, не знают вождей революции и особенно плохо знают Ленина и ничего не знают о революционных праздниках» (Кривозерьевская волость), или когда само учительство ничего не читало о всесоюзном учительском съезде (Атемар). Не количество, а качество; не форма, а содержание; не общественность «вообще», а общественность внутри школы, около школы, через школу — таковы итоги обследования. Без такой общественности школьного дела не поднять. Без такой общественности школа будет находиться в состоянии постоянного отрыва от крестьянской массы, несмотря на видимое и формальное сверх-благополучие в отношении «вообще» общественной работы учителя.

Изба-читальня.

Передовые крестьяне-культурники редко посещают избу-читальню и спектакли. У них «своя» читальня на селе. В селе Атемар (волостное село) их три. Это: просторная крестьянская изба, куда по вечерам сходятся передовые крестьяне. Туда же зайдет и кулак, и бедняк из «крикунов». В лучшем случае там читаются газеты и книги по сельскому хозяйству, политические брошюры, а в худшем — вспоминают «старинку», прежнюю власть, старшину, урядника, вспоминают о том, как они пьянствовали, били, сажали в «холодные», за «что и про что». А потом переходят к современности: кулак «кольнет», середняк кое в чем поддержит, бедняк из разряда «крикунов» всегда «обижен» и ругается... Здесь нужен хороший комсомолец, активист-учитель, а учительство здесь пассивно и ячейка слаба и неавторитетна (Атемарск. вол.).

В другой волости, в Кочетовской, в каждом селе также есть понескольку «своих» изб-читален, которые по вечерам битком набиты крестьянами всех возрастов. Обсуждают разные дела и разные темы, вплоть до религиозных вопросов. Грамотные приносят газеты, которые с интересом слушаются. Сюда коммунары не заглядывают.

Это — избы-читальни, «не положенные по штату».

А теперь о «штатных».

«В головинщинской избе-читальне — полное отсутствие политико-просветительной работы. Есть изба, есть избач (член укомола), есть работники, которых можно использовать, расхо-

дуются средства, но нет работы. Крестьяне не знают даже, кто у них состоит избачом. Полный отрыв от крестьянства.

«Изба-читальня не привлекает взрослых» (Б.-Азясская вол.).

«До сих пор взрослые крестьяне избы-читальни не посещали» (Ломовск. вол.).

«Работы в избе-читальне — никакой» (Леткинская вол.).

«Крестьян пожилых в избе-читальне не увидишь. Нечего нам там делать», — говорят они» (Атюрьевская вол.).

А в Валяевскую (волостную) избу-читальню не ходят ни взрослые, ни молодежь и т. д. и т. п. Таких выдержек из докладов обследований можно было бы привести немало.

Короче говоря, в подавляющем большинстве случаев «штатная» изба-читальня не удовлетворяет крестьянства. Выводы отсюда сделать крайне нетрудно, приняв в расчет наличие «нештатных» изб. Основной же вывод таков: партийно-советская общественность должна употребить все силы и средства на изживание двойного русла в избаческом движении путем обязательного устранения недостатков «штатной» избы-читальни.

Прежде всего нужно переломить существующий на местах взгляд на избу-читальню. Нужно твердо сказать, что это — не «советская игрушка», а дело огромнейшей политической важности, что это не «пустяки», а узел всей нашей работы. А разве таким взглядом проникнут Валяевский ВИК и Валяевские ячейки партии и комсомола, когда они воображают, что у них есть изба-читальня, если прихожую помещения ВИК'а, где нет ни столов, ни скамеек, они условились называть «избой», да еще «читальней»? Для отчетности эта комната быть может действительно самая удобная, так как через нее проходит много народа, но для избаческой работы она совсем непригодна. Под «крылышком» ВИК'а находится изба-читальня и в Леткинской волости. «Изба-читальня, — находим в докладе,—имеет жалкий вид: проходная комната при ВИК'е, безо всякой обстановки; стоит лишь шкаф и маленький столик».

И при всем этом работники Валяевского ВИК'а находили в себе мужество гордиться тем, что они «отапливают» избу-читальню. Не такого «снисходительно-благосклонного» отношения к избе-читальне требует дело. Оно требует того, чтобы те, от кого это зависит, всерьез «тряхнули кошельком». Это — первое.

Вторая причина кроется в «захватнической» политике комсомольских ячеек при неуменье привлечь и обслужить запросы взрослого населения.

«Избы-читальни везде по волости (Торбеевской) работают очень плохо, они слабо снабжены литературой и газетами, а главное — неправильно поставлено дело. Изба-читальня

превращена в нечто в роде комсомольского клуба и взрослый туда не ходит».

«Мною подмечено, — читаем в другом докладе, — что нередко причиной отрыва изб-читален от взрослого крестьянства являются деревенские комсомольцы, которые своим неумелым подходом к крестьянству, легкомыслием и нетактичностью не умеют завоевать авторитет для избы-читальни. Крестьянство очень требовательно к коммунистам и комсомольцам; оно требует от них больше знаний, дела, скромности, а в этом есть нехватка»... (Головинщинская вол.).

Третья причина — это неуменье вложить в работу избы-читальни интересное для крестьянства содержание. «Есть хороший дом под избу-читальню, но изба бездействует. Она — проходной двор для бездельной публики» (Тезиковск. вол.). Нет уменья зацепиться за живое место крестьянских дум и запросов. А это — главное, без чего изба-читальня жить не может. Вот, например, волостное село Стрельниково. Есть там ячейки партии и комсомола, учительство, судья, агроном. А изба-читальня мертва. Обследователь столкнулся с огромнейшей нуждой населения в справочном бюро. Изба же читальня этой нужды не заметила. Неудивительно поэтому, что попавший в село новый человек сейчас же оказался в роли «аблаката».

«Давая советы гражданам, — пишет об этом товарищ, обследовавший эту волость, — я сделал неосторожность написать им ряд заявлений по самым разнообразным вопросам и поводам, тотчас же прослыл за «аблаката» и жилище мое превратилось в канцелярию. Меня посещали крестьяне с утра и до вечера и лишали возможности выполнять прямую цель командировки. В виду этого мною на ячейке был поднят вопрос об организации справочного бюро при избе-читальне. Бюро избрано теперь в составе 5 товарищей. Сделано широкое оповещение населения об этом. В бюро введен судья местного участка, в качестве юрисконсульта. Установлено дежурство членов».

Есть кружки и уголки, — но только на бумаге, а «если заглянешь в уголок, то кроме таракана на стене ничего не увидишь» (Кочетовск. вол.). Нет уюта простой крестьянской избы, «грязь, шум, несерьезность руководителей» (Свищевская вол.).

Как общее явление должно быть признано полное отсутствие в составе избачей взрослых передовых крестьян-культурников, что ни в малейшей степени нельзя поставить плюсом в избаческом движении. В этом отношении характерно подметить, что ряд сельских изб-читален работает во много раз лучше волостных. В Головинщине (волостное село) изба-читальня — пустое место. Рядом же, в селе Андреевке, сельская изба под руко-

водством учительницы работает не плохо: там и громкое чтение и оживленные прения. «Крестьянство, — читаем в докладе, — охотно посещают избу, в особенности взрослые». Другой пример: в с. Летки (волостное село) — изба такое же пустое место, как и в Головинщине. А в с. Николаевке (Леткинск. вол.) изба работает хорошо. Заведует ею интересующийся культурной работой инвалид, заведует, конечно, бесплатно. Лампы нет — приносят из школы; нет дров — так крестьяне приходят с поленом под мышкой. Та же картина и в Валяевской волости: в волостном селе изба-читальня числится только на бумаге, а рядом — в с. Алферьевке, благодаря двум передовым крестьянам, изба работает неплохо. Точно такая же картина и в Атемарской волости. В волостном селе изба-читальня — мертвое дело. В с. Жмакине (рядом) изба работает хорошо. Привлекает громкое чтение книг и газет. Послушать приходят и взрослые и девушки (ходит их человек 30). Изба переполнена ежедневно.

Необходимо всерьез заняться личным составом избачей и поставить их в такое положение, чтобы они чувствовали ответственность перед населением и были бы не «чиновниками культурного ведомства», а лучшими из лучших, поднявшимися из того слоя крестьянства, которое сознательно и деятельно борется с вековой деревенской темнотой. Тогда и не придется менять избачей ежемесячно (Атюрьевская вол.) или по 3 раза в месяц (Атемарская вол.). Тогда не придется встречаться с такими явлениями, когда ближайшие руководители избы-читальни после долгого и упорного молчания вдруг спохватываются и начинают «сердиться»: «обязывают» организовать десятка полтора всевозможнейших кружков, — «предлагается присутствующим записаться в кружок по самообразованию» (спасайся, кто может!), «партия РКП(б) обязывается выдвинуть преподавателя по политике», «школьным работникам вменяется в обязанность преподавать в избе математику и общественные науки» (протокол заседания Атюрьевского волполитпросвета от 24 ноября 1924 года), а простое дело — открыть избу-читальню по базарным воскресным дням (в этот день изба закрыта), которое действительно сделать нужно, — сделать так никто и не догадывается. Вынесенное «в сердцах» постановление вскоре же забывается и дело идет (вернее стоит) по-старому, впредь до нового очередного «осерчания».

Изба-читальня находится под непосредственной угрозой остаться в стороне от того избаческого движения, которое растет внутри крестьянства, неудовлетворенного партийно-советской избой. Отсюда задача: спаять избу-читальню прежде всего с передовым слоем деревни — с крестья-

нами-культурниками, а через них и со всем крестьянством. Именно в эту сторону должны быть обращены все практические мероприятия.

Библиотеки.

Библиотеки состоят обычно при избах-читальнях и страдают той же болезнью: оторванностью от взрослого населения.

«Библиотека оторвалась от взрослого населения, ее читатели — подростки, дети-школьники и незначительная часть местной интеллигенции (Головинщинская вол.).

Явление это — общее. Процент взрослых читателей колеблется от 2 (Чирковская вол.) до 27 (Кочетовская вол.); чаще это, примерно, шестая часть пользующихся библиотекой. Преобладающим читателем является в одних библиотеках подростки (в Черкасской вол., 70%), в других дети-школьники (Чирковская вол., 94%). Наибольший спрос — повсюду на беллетристику, меньше — на политическую литературу, еще меньше на сельско-хозяйственную.

«Спросу» соответствует и «предложение», — в библиотеках преобладает беллетристика (приложения к «Ниве»), значительно меньше политической литературы (от 10 и в лучшем случае до 30 процентов всех книг) и несколько меньше сельско-хозяйственной. Но «предложение» не во всем и далеко не везде соответствует спросу советского читателя, особенно деревенского.

Очищение библиотек от хлама, проведенное в некоторых местах чрезвычайно решительно (из Б.-Кеньшинской библиотеки изъят, например, Достоевский), в целом ряде других мест не было вовсе проведено «за отсутствием указаний из уполитпросвета» (Свищевская вол.).

Работы с читателем, как общее явление, никакой не ведется, нет списков рекомендуемых книг. Огромный голод в детской литературе. До сказок, впрочем, охоч и взрослый и не редко спрашивает: «нет ли нынешних (советских) сказок или занятных рассказов?»

Библиотеки в общем обслуживают незначительное количество грамотных: от 12% (Чирковская вол.) до 15 — 20% (чаще) и очень редко до 30% (Б.-Кеньша). Местами интерес к библиотеке падает. По библиотекам пригородного района число читателей за два последних года упало почти в два раза.

Во всяком случае обследование с полной определенностью обнаружило, что в деревне нет еще массовой, действительно советской, популярной и интересной для крестьянина библиотеки.

Над созданием ее придется еще много и серьезно поработать.

Газета.

Газета в деревне пользуется огромнейшим авторитетом. Она — последняя «инстанция».

«Общее собрание граждан с. Валяевки, — читаем в протоколе заседания схода, — будучи возмущено действиями районного милиционера Лапина (мордобитие), выражает свой протест, а почему и постановляет ходатайствовать перед РКИ о скорейшем расследовании этого дела» и т. д. с таким заключением: выписку из настоящего протокола вручить корреспонденту такому-то и просить его «направить таковую по принадлежности».

Несмотря на такую популярность, газета, однако, еще не завоевала своего места в обиходе повседневной жизни крестьянства.

Задание 13-го партсъезда — одна газета на 10 дворов — выполнено только в 7 селах из 28-ми обследованных волостей. Чаще можно наблюдать одну газету на 25 — 30 дворов, даже на 40 — 60, в одном же из сел (Соколовка) — на 100 дворов, и есть, наконец, два — три небольших села, где газеты нет совсем.

Наблюдается тесная зависимость степени распространенности газет от уровня грамотности населения. По пригородному району можно составить такую табличку:

Название села.	На сколько дворов 1 газета.	Грамотных в %
Алферьевка	5,2	79,6
Валяевка	6,9	59,8
Ленино	9,1	57,4
Воскресеновка	16,9	25,9
Ст. Каменка	81,7	24,0

При действительном массовом продвижении газеты в деревню такая зависимость должна рассматриваться, как совершенно понятное явление. Но сейчас, когда газета в деревне — явление не массового характера, эта зависимость говорит скорее о том, что болезнь продвижения газеты повсюду одна и та же: нет организаторов подписки и газета идет «самотеком» крайне медленным и трудным, встречая на своем пути такие препятствия, как безденежье, вследствие недорода, и неудовлетворительное состояние почтовой связи [1]).

---

[1]) Анкетное обследование доставки газеты деревенским подписчикам, произведенное в марте 1925 года редакцией губернской газеты, обнаружило,

Преувеличивать, однако, значение этих препятствий едва ли следует. Основная причина слабой распространенности газеты лежит в отсутствии тех лиц, которые растолковали бы крестьянину, как подписаться на газету, помогли бы ему в этом, организовали бы коллективную подписку и т. д. Нет повседневных толкачей и организаторов. Это особенно ярко бросилось в глаза в с. Ленине. Некоторые из тамошних комсомольцев уверяли, что они могли бы в течение недели в окружающих селах завербовать по сотне подписчиков. На вопрос, почему же это не сделано, отвечали: «не знаем; как-то уж так случилось».

Комиссия по обследованию Атюрьевской волости в селе Каменке провела беседу о значении газеты с разъяснением, как подписаться на нее. Крестьяне решили подписаться, а на другой же день многие из них принесли и деньги.

Стенная газета получила довольно широкое распространение. Основной недостаток здесь — политическая невыдержанность, местами полнейшая бестактность, сведение мелких личных счетов, слабое отображение местной жизни и запросов окружающего крестьянства.

Одна из газет (Трехсвятской волости) преподносит своему читателю такие пошленькие слухи — отрыжку царско-помещичьего быта:

С кем гуляла, Катенька?
— С офицером, папенька.
Что получила, Катенька?
— Два с полтиной, папенька.

Надо полагать, что такая «заборная» газета — исключение в семье стенных газет.

Борьба с неграмотностью.

Успехи в этой области — налицо. Вот, например, село Каменный Брод (Трехсвятской вол.). До революции здесь царила беспросветная тьма и почти поголовная неграмотность. Во всем селе в 1913 г. на 800 человек было всего лишь девять грамотных. Теперь в селе их 260. Значительный рост грамот-

---

что 57% деревенских подписчиков обездолены в этом отношении. Эти обездоленные подписчики получают газету так: 55% из них через ВИК'и и сельсоветы, 31% непосредственно из почтового отделения и 14% из рук кольцевой почты. Остальные 43% подписчиков, находящихся в лучших условиях, получают газету: 29%—через ВИК'и и сельсоветы, 57% из почтового отделения и 14% — кольцевой почтой. Отсюда вывод: газету чаще задерживают ВИК'и и сельсоветы, реже сама почта, кольцевая же связь вследствие длиннот колец удовлетворительно обслуживает лишь первую половину кольца. Эти сведения почерпнуты из 503 заполненных деревенскими подписчиками анкет, которых было разослано 1000.

ности отмечается во всех докладах. В некоторых селах процент н е г р а м о т н ы х опустился до 20 (Б.-Кеныша, Алферьевка).

В других же, наоборот, число грамотных еле превышает ту же цифру (два села Валяевской волости, Кривозерьевской и друг.). За последние четыре года грамотность поднялась в общем в полтора — два раза, местами даже в два с половиной. Основная масса неграмотных — женская половина деревни, а по возрасту — старше 35 лет. В Кривозерьевской вол. (татарское население) среди взрослых женщин — 90% неграмотных.

Наиболее успешно идет ликвидация неграмотности среди допризывников, т.-е. среди того возрастного состава деревни, в котором наибольшая тяга к учебе, несмотря на то, что за такую тягу «мать ухватом бьет» (Атюрьевская волость), да и ходить-то иной раз бывает далеко. (В Н.-Шкафтинск. вол. за 16 верст).

Взрослое же население к ликвидации своей неграмотности относится отрицательно. «Век прожил неграмотным, а живу не хуже других, а пожалуй лучше» (Чертковск. вол.). «Нам не до этого, голова не этим набита« (Головинщ.) и т. д. Причины такого отрицательного взгляда на борьбу с неграмотностью взрослого населения лежат не только в экономическом положении деревни. Нужно признать, что вся система нашей культурной работы (и прежде всего изба-читальня и библиотека) находится еще в таком состоянии, которое н е в о з б у ж д а е т в крестьянстве аппетита к грамоте. Это видно из того, что в тех селах, где культурная работа является живым нервом деревни (например, село Алферьевка) там, такое отрицательное отношение крайне ослаблено и на ликпункт идут женщины-добровольцы, среди которых можно было видеть даже старуху. Огромнейшим минусом поэтому является о т с у т с т в и е на ликпунктах о б щ е с т в е н н о-п о л и т и ч е с к о й работы. Как будто вся задача состоит в том, чтобы ликвидировать техническую неграмотность, которая неизбежно даст быстрый рецидив, если в том же ликпункте не дадут путей и толчка к использованию только что приобретенной грамотности. Совершенно забывается, что у человека, только что ликвидировавшего свою техническую неграмотность, н е о б ы ч а й н о ш и р о к о раздвигаются горизонты и появляются запросы и политического и часто религиозного характера. Первая книжка, к которой тянутся руки учащегося ликпункта (Атюрьевск. вол.) — это антирелигиозная. Учится и мечтает о том, как бы ему одолеть какую-нибудь книжку «с критикой на религию».

Вполне естественно, что на ликпунктах — огромная тяга в комсомол. Все это не учитывается, этот переломный момент в жизни человека проходит незамеченным, неиспользован-

ным. Учащиеся Атюрьевского ликпункта очень интересовались: что означают слова «вставай, проклятьем заклейменный» и к кому они относятся, — к дьяволу или к кому-либо еще? Многие так и заканчивают обучение, совсем не подозревая, что это относится к нему, вчерашнему рабу царско-помещичьего строя, который в эти недели обучения на ликпункте наносил удары одному из наследий этого строя — неграмотности. Отсюда ее рецидив: люди в два — три года позабывают буквы. Удары оказываются несмертельными, потому что мы не умеем подоспеть на помощь. Без общественно-политической работы ликпункт на половину, если не больше, теряет свое значение. Сделать ударение на этом особенно важно, если принять во внимание, что основная масса посетителей ликпункта — допризывники и терармейцы и среди них, как общее явление, никакой общественно-политической работы не ведется.

Есть тяга к ликпункту и со стороны девушек. Они лишь стесняются сами итти и говорят, что «мы пошли бы, если бы из ВИК'а прислали бумажку». Высказываются за организацию отдельных женских групп на ликпунктах.

Кадр обучающихся на ликпункте является естественным активом такой организации, как «Общество долой неграмотность». И при этом актив на целый ряд лет. Между тем ячеек этого общества, как общее явление, при ликпунктах (да и вообще в деревне — за исключением немногих «бумажных» ячеек) нет. Таковы наиболее слабые места борьбы с неграмотностью.

Городское шефство.

В работе городских шефов обследование обнаружило серьезное неблагополучие. Это совсем не значит, что во всей шефской работе города царит такое неблагополучие. Но в тех уголках, куда заглянуло обследование, там неблагополучно.

«Отчетные» сведения о шефстве пензенских коммунальщиков над Валяевкой комиссия нашла в стенной газете Валяевской ячейки комсомола «Юный Пахарь» (№ 1). Вниманию крестьян газета преподносит историю о том, как деревенская молодежь по сговору с шефом совершала экскурсию (летом 1924 года) на одну из фабрик.

«Из экскурсии, — читаем в этой стенгазете, — получилось нечто в роде пивной. А наш комсомольский шеф должно забыл, что здесь (т. е. в Валяевке) его подшефная молодежь, и показал пример хулиганства, которое нам и в деревне надоело. Вообще мы пришли никем незамеченные и уехали незамеченные. Хулиганство комсомольцев и пьянство коммунальщиков и их нетоварищеское отношение к нам оконча-

тельно разочаровало нас в надежде на их помощь, которую надеялись получить».

Дальше во всех подробностях описывается эта «экскурсия». Описание заканчивается таким обращением: «Читатель, я обращаюсь к тебе: как бы ты подумал об этом: нужно ли брать ячейке комсомола и вообще рабкомхозу шефство над деревней?».

Читатель не был, однако, заинтересован этим рассказом стенной газеты, так как обо всей этой истории вся деревня узнала тотчас же из первых уст, много ранее выпуска стенгазеты.

В селе Воскресеновке (Валяевской вол.) крестьяне жаловались комиссии, что их «замучили» нарядами на подводы и особенно возмущенно рассказывали о том, как они по наряду отвозили из Валяевки в Пензу на 10 подводах шефствующих «пензенских комсомольцев» (из той же ячейки коммунальщиков). Такое шефство решительно никуда не годится.

Комиссия по обследованию пригородного района имела случай быть свидетелем того, как партийная и комсомольская ячейка одного из пензенских учреждений принимала шефство над Оленевской волостью. Для первой встречи с крестьянством был поставлен доклад: «История балтийского флота». Члены комиссии указывали шефствующим товарищам, что сейчас, когда только что закончился октябрьский пленум ЦК РКП(б), когда прошло огромнейшей важности совещание секретарей деревенских ячеек, с таким докладом и притом для первой встречи выступать нельзя. Шефы не приняли во внимание этих уговоров и докладчик изложил крестьянам (собрались больше взрослые и даже пожилые) всю историю балтийского флота от «ботиков» Петра Великого до наших дней... А об итогах октябрьского пленума ЦК партии и о новом курсе работы в деревне крестьянство узнало уже после, из газет. Такое нечуткое отношение к запросам крестьянства для городского шефа непростительно.

Основная задача шефа — передать трудовой подъем города деревне, рассказать и показать крестьянству не то, как город умеет праздновать (наука эта не хитрая), а как он умеет трудиться, как он строит социалистическое хозяйство.

Вспоминается бурное собрание в с. Алферьевке (Пензенск. уезда), на котором, после выступления одного кулака, создалось такое настроение, что деловое ведение собрания дальше казалось невозможным. Нужно было немедленно же найти наиболее крепкое звено смычки рабочего класса и крестьянства. Этой смычкой оказался простой рассказ о том, как рабо-

чий класс борется с низкой производительностью своего труда, каким презрением клеймит он лодырей и ротозеев в своей семье, какие чудеса делает упорство и сознательность в труде. В большой комнате стало так тихо, как никогда раньше не бывало на сходках. И каждый из нас чувствовал, что нет той силы, которая могла бы разорвать вот эту трудовую связь города и деревни.

ДЕРЕВЕНСКИЙ БЫТ.

Новое и старое.

Лицо деревни редко-редко улыбается чертами нового быта, новых бытовых отношений. Улыбнется — и сейчас же принимает прежний вид. Привычные, тяжелые, веками складывавшиеся черты одолевают октябрьскую улыбку. Таков внешний вид. Но только внешний. Если взглянуть поближе внутрь — впечатление складывается иное. Именно впечатление, так как часто теряешься в догадках: чего же тут больше — нового или старого?..

В селе Валяевке в беседах с комиссией принимал участие один старичок. Участие это, впрочем, сводилось только к тому, что он внимательно и молча слушал, о чем говорят, наклонив голову так, чтобы спрятать длинную седую бороду в отворот шубняка. Несомненно это олицетворение старой деревни, — думалось, глядя на него. Быть может, это какой-нибудь барский ключник, который душу свою готов положить за своего барина и втайне ждет его возвращения. Об этом-то и зашла речь.

— Что, — спрашиваем, — если барин вернется?

Первым вскочил этот самый старичок.

Нервно ударяя по полу своей старческой клюшкой он, задыхаясь, торопился высказать то, что у него наболело:

— У меня шестеро сынов. Каждому дам по вилам и прикажу встретить. Сам с топором выйду...

А через полминуты он уже сидел также спокойно, пряча свою седую бороду.

— Он у нас горячий, — «извинялись» односельчане за так неожиданно просиявшую октябрьскую улыбку...

А в с. Ленине один бедняк жаловался комиссии на то, что комсомольцы «подбили» его октябрить ребенка, а дали «всего четыре аршина ситцу».

— Теперь и к попу совестно итти, и поддержать как следует не поддержали...

Думалось, слушая его, чего же в нем больше: нового или старого?..

Вот из таких сплетений старого с новым, иной раз крайне причудливых, могучих и слабых, ярких и еле приметных — сотканы деревенские бытовые отношения.

Нет еще такого бухгалтера, который мог бы составить здесь баланс актива и пассива. Но бесспорно одно: что в области внешних выражений бытовых отношений, в области их организационных форм, в разнообразии бытовых навыков — неизмеримо во много раз больше преобладает старое. И в этом старом подчас можно наблюдать вспышки всяческих суеверий от знахарства до языческих церемоний. Еще не изжиты кулачные бои, в которых деятельное участие принимает вся деревня (улица на улицу) от 10-летних малышей и кончая предсельсоветом, который, явившись на другой день с синим опухшим лицом к председателю губернии, извинился, что «не мог удержаться» (Чирковская волость).

Особый интерес представляют следующие «киты» деревенского быта: семья, церковь и самогон.

Крестьянка в семье и на общественной работе.

Несмотря на то, что в деревне все «соседи», — крестьянская семья живет з а м к н у т о и жертвой этой замкнутости является ж е н щ и н а. С одной стороны, вся наша работа рассчитана на широкое, наравне с мужчиной, участие крестьянки в общественной жизни села, с другой — крестьянская нужда замыкает ее в рамках хозяйства семьи. И поэтому узловых сплетений старого с новым больше всего, кажется, встречаешь, когда присматриваешься к положению крестьянки.

Вспоминается такой случай. В Старо-Каменский сельсовет с отчаянным воплем ворвалась молодая, окровавленная женщина. С трудом можно было понять ее, что она избита мужем и просит защиты. Председатель совета почесал за ухом, покачал головой, и оба они, он и избитая жена, вышли на улицу. На другой день комиссия осведомилась о ходе дела.

— Как же, — с гордостью ответил председатель, — мы еще вчерась это дело прикончили... На счет волокиты и возни всякой у нас ни-ни...

А при более подробном ознакомлении выяснилось, что вечером все трое «дружественно» пили самогон: примиренные муж и жена и председатель сельсовета «при исполнении служебных обязанностей».

— Мы ведь равноправие понимаем, — философствовал председатель, — при советской власти беззащитную женщину обижать не разрешается...

Избиение жены, умноженное на самогон, плюс выпивка председателя сельсовета, да еще «при исполнении служебных обязанностей»: по арифметике советского правосудия здесь должна бы получиться сумма изрядная, но получилось «всеобщее ублаготворение», достигнутое безо всякой «волокиты», отчего председатель сельсовета чувствовал себя на высоте своего положения...

На высоте своего положения чувствовали себя, надо полагать, и руководители Егинской волости, где во время весенних перевыборов женщин «пригласили» силой, и у выхода стояла милиция, которой был дан наказ следить, чтобы женщины не ушли из помещения. А рядом с этим в другой волости крестьянки живут и чувствуют себя, как 20 лет тому назад и до сих пор не знают, что они имеют право участвовать на сходах, разрешать общественные вопросы и выбирать в советы!

«К женщине относятся по-старому, на сходы не пускают, а если они приходят, то ругают их матерщиной и смеются над ними» (Трехсвятская вол.).

«За самым редким исключением, к общественной работе крестьянок почти все относятся отрицательно, говоря, что «баба — она баба и есть, она себя не подымет, не то что хозяйство всей волости» (Чертковская вол.).

«Крестьяне, за немногим исключением, относятся к женщине как общественной работнице с большой иронией» (Чернозерьевская вол.).

Такое отношение к общественной работе женщин мотивируется иногда довольно оригинально:

— Была Екатерина Вторая, всех крестьян разделила по помещикам... Нет, пока нужно подождать, испытать хорошенько...

Назначение такого векового «испытательного стажа» для «своей бабы» за грехи Екатерины Второй объясняется, конечно, не историческим «изучением» вопроса, а гораздо проще:

— Если бабы по собраниям будут шляться, то мы без штанов находимся (Б.-Азясская волость).

Отсюда известная солидарность: если мою бабу выбирают в совет — это плохо, если моя баба ходит на собрание — это сплошной разор, но если все это относится к соседовой бабе, то ничего в этом плохого нет, пожалеешь лишь соседа за такое «несчастье» — и все тут.

Так рассуждает крестьянин. Здесь нет и тени какой-либо «принципиальности», здесь криком кричит голос жизни, голос крестьянской нужды и ничего больше.

Отсюда задача: всю работу среди крестьянок нужно строить так, чтобы крестьянка поднималась к общественной работе по ступеням какого-либо сегодняшнего практического интереса. Только такой подъем будет сопровождаться

одобрением деревни, только при таком подъеме, пусть очень медленном, взгляд крестьянина решительно изменится, и он будет жалеть соседа, что его баба не попала в делегатки.

В Черкасской волости крестьянин избил свою жену за участие в хоровом кружке, но она кружка все же не бросила. Это, конечно, героизм. Но нужен ли он в таком «хоровом» его виде, и можно ли на таком героизме построить массовую работу? Конечно, нельзя. Гораздо большего внимания заслуживают бесхитростные будничные думы крестьянки, когда она идет «записываться в делегатки в надежде на то, что там ей что-нибудь дадут, и выписывается, когда узнает, что никаких особых преимуществ делегатки не имеют» (Ломовск. вол.).

Основным недостатком работы среди крестьянок является поэтому то, что вся она соткана из общих фраз, построена по городскому типу (продолжительные собрания с постановкой общих докладов, организация хоровых кружков и т. д.) без учета того, когда и на какое время можно, и когда и на какое время нельзя отрывать крестьянку от хозяйства. Необходимо научиться уважать время крестьянки и полностью учитывать ее положение в семье. Нужно с корнем вырвать гнездящийся на местах взгляд на крестьянку как на объект для составления отчета и не собирать их, когда ничего не имеешь сказать и предложить им дельного, кроме общих фраз, затевая после целую склоку из-за цифры «присутствующих на собрании женщин» (Валяевка). Необходимо научиться цепляться за практически жизненный интерес женской массы деревни, а этого, к сожалению, на местах нет, и материал обследования дает только один пример такого уменья. Это — Черкасская волость, где работа среди крестьянок развивается успешно на почве удовлетворения запросов крестьянок в правовой защите. В пригородном районе сильно развито вязанье пуховых платков, и здесь крестьянка целиком во власти торгаша и скупщика. Развернуть работу среди крестьянок здесь можно было бы на почве борьбы с этим торгашом и скупщиком (организация сбыта и закупка пуха). Нужно начинать с практически жизненного дела и переходить от него к «декларациям», о которых крестьянин сейчас невысокого мнения только потому, что не имеет желания «ходить без штанов». Только тогда не будет таких провалов, когда крестьянке мы читаем доклад: «Ленин и крестьянка», а под носом у себя не видим, что в школе нет ни одной девочки (Дурасовская вол.). Построить работу среди крестьянок, измеряя эту работу масштабом сегодняшнего интереса всей деревни, исходя из интересов каждой семьи, учитывая хозяйственные запросы этой семьи, построить эту работу так, чтобы голова не кружилась от той высоты, на которую Ленин поднял крестьянку, — такова труднейшая задача, которая по-плечу всей партийно-советской

общественности, но где один женотдел бессилен. В настоящих условиях работа среди крестьянок обречена на полный неуспех, если в этой работе на каждом шагу семью противопоставлять обществу, презрительно отворачиваясь от «семейных устоев». Не разрывать семьи с обществом, а увязывать — таков единственно-правильный путь, с которого в большей или меньшей степени, прямо или косвенно, сбиваются работники на местах; увязывать на почве содействия хозяйственному подъему семьи и на почве защиты материальных и личных прав женщины. С особой осторожностью и деловитостью необходимо подходить к этой работе в татарских селах, где крестьянке еще до сих пор не дают земельного надела, а также и в мордовских селах, где положение женщины значительно тяжелее, чем в русских деревнях.

Церковь.

— С кем поведешься, от того и наберешься. С большевиками довелось, — известно, какое дело получится...

Так ответил комиссии один пожилой середняк (Валяевка) на вопрос об отношении к церкви и религии. А «дело» получилось такое, что старая деревня в этом именно месте дала наиболее серьезную пробоину.

По большей части это — крестьянин-передовик, дошедший до безбожия через свое хозяйство и наблюдательность и через подтверждение своих наблюдений книжкой. Ему как-то неловко признаться в своем безбожии, он мнется и уклоняется от прямого ответа. Он всячески избегает крикливого безбожия и стесняется «излить свою душу» на виду у всех, ибо пока еще это связано с ущербом (не с потерей, а с ущербом) авторитета, который «из-за пустяка он ронять не хочет».

В более узком кругу он откровеннее, говорит серьезно и осторожно, производя впечатление, что этот «тонкий» (по его выражению) вопрос, он умеет без всяких осложнений разрешать в недрах своей семьи. Это — пассивный безбожник, который так же добродушно «снисходит» к вопросам церкви и религиозным обрядам, как и неодобрительно покачивает головой при встрече с демонстративным безбожием.

— Вы это дело оставьте, — убежденно говорил комиссии один из таких Валяевских безбожников, — оно само упадет...

А когда комиссия дала ему прочитать тот пункт резолюции XIII партсъезда, в котором говорится о постановке антирелигиозной пропаганды, он, внимательно прочитав несколько раз, отозвался с горячим одобрением, предварительно освидетельствовав, «настоящая» ли эта книжка и в Москве ли она издана.

Таков этот пассивный безбожник, не порывающий еще связей с религиозной обрядностью и привычками, но уже обессиливший их критическим отношением к окружающему до такой степени, что они уже потеряли всякое религиозное содержание. На «Фрола и Лавра» и он считает необходимым вести свою лошадь к церкви, чтобы там «покропили ее святой водой», но он делает это не для себя, а по соображениям общественного порядка:

— Случись что с лошадью, — будут потом сказывать и укорять, что сдохла она потому, что к церкви ее не подводили...

«Неверием веет в семье, где мне пришлось остановиться,— пишет товарищ, обследовавший Чертковскую вол., — но за обед садятся — все крестятся. Спрашиваю, почему же? «Сейчас, — отвечает хозяин, — я хороший мужик в деревне и слушают меня, а скажи им, что в бога не верю, так про меня всякий будет говорить, что я такой-мол и сякой. Ну, а все дело-то этого не стоит. Чай, не тяжело: рука не отвалится, а на счет веры, так я давно уже не верю».

К крикливому безбожию пассивный безбожник относится отрицательно и более склонен к показной вере, чем к открытому неверию. Характерный в этом отношении случай рассказывает комиссия по обследованию Кривозерьевской вол. Один старичок-татарин имел неосторожность в присутствии молодежи сказать комиссии о своем неверии. После этого молодежь стала подшучивать над ним, говоря, что комиссия занесла его в список безбожников. На другой же день встревоженный старик явился в комиссию и при «понятых» стал просить, чтобы его вычеркнули из этого списка. Комиссия, конечно, успокоила его, как могла. После этого случая старик стал всем говорить, что он верующий и начал ходить в мечеть.

Другой тип безбожника — это безбожник активный, бунтарь. Он более или менее открыто и даже демонстративно порывает с религиозной обрядностью и ведет прямую борьбу с церковью. Наиболее яркого представителя такого типа безбожников комиссия встретила в с. Алферьевке. Это — тоже передовой крестьянин-культурник. До революции он был активным религиозником, вел активную борьбу со старообрядчеством, был даже слушателем на миссионерских курсах, архиерей уговаривал итти в попы. «Кто знает, — говорит он, — может быть, и в попах был бы теперь, да революция все перевернула на изнанку. Стал ходить в город на митинги, читать антирелигиозные книжки. В 1918 году, вместе с алферьевским попом, открыли в селе культурно-просветительное общество. Но поп в одну сторону, мы — в другую, и скоро разошлись в разные стороны: поп в церковь, а мы — антирелигиозную лекцию ставим».

— Не долюбливают меня за это на селе, — продолжал он свой длинный рассказ, — не любят, а все-таки уважают, потому что без меня обойтись не могут. Это надо сделать и то надо сделать, а сделать некому, ну, и идут ко мне. Ругают, а идут. И я тоже ругаю за их темноту — и помогаю. Так обоюдное одолжение и делаем. Своей работой откупаюсь за свое безбожие.

На вопрос, почему не вступает в партию, — отвечает:

— У меня семья в 10 человек, а партийные обязанности тяжелые; семью бросить нельзя. Я и беспартийным будучи пользу приношу. Есть тут у нас один партийный, так прямо жалко на него смотреть: говорить станет — так врет, и сам не знает чего. Недостатков кругом много, ходит — ногой задевает, а ничего не замечает. Работать в компании с таким человеком никак нельзя.

О существовании таких безбожников-бунтарей упоминается почти в каждом докладе. «Такой безбожник «мативирует» церковь не хуже всякого любителя крепких словец, и крестьянство смотрит на них более снисходительно, чем на партийного, допустившего ту же самую выходку, так как крестьянство склонно рассматривать такие выходки со стороны партийцев не как проявление убежденности, а как определенное богохульство и озорство» (Головинщинск. вол.).

К активным безбожникам примыкает и небольшой слой таких крестьян, которые при случае пытаются разорвать с религией, но после слабого сопротивления сдаются на уговоры попа или жены. В Валяевке один из таких крестьян решил не крестить своего ребенка. Месяц тянет, другой, ссылаясь, что дорого за крестины берут, что можно и без этого — по крайности — обойтись. Как-то зашел к нему поп и говорит: «приноси ребенка-то, — окрещу без копейки». Как услыхала жена, что «без копейки», так и «житья никакого не стало». Пришлось воспользоваться бесплатной услугой.

— Вернулся я из Красной армии, — рассказывает демобилизованный, — в церковь сперва не ходил. Встретил меня как-то поп и говорит: «эй, солдат, что в церковь-то не ходишь? Венчать не буду»... А тут мать еще пристает. Задумал жениться — пришлось итти в церковь. Теперь женился и в церковь не хожу (Н.-Шкафтинская вол.).

Активных безбожников очень немного — единицы. Больше — пассивных, а еще больше (местами добрая половина деревни) таких, которые относятся к вопросам религии с чрезвычайной легкостью и безразличием, недостаточно, правда, еще закрепленным и испытанным, но уже достаточно сильным для того, чтобы отнестись к вопросам религии критически. Безбожники этого типа очень охотно пускаются в «вольные» рассуждения, и чем больше собеседников, тем

больше примитивно и наскоро набросанных (нередко только что придуманных) «систем» мировоззрения, которые отнюдь не навязываются другим, а скорее предлагаются на выбор: не хочешь ли вот эту?.. Если не хочешь, — так подожди немного: придумаю другую, — быть может, она для тебя более подходяща. Бывает, что в таких «задушевных» беседах кто и упорно цепляется за свою «систему» мировоззрения, а когда начинаешь доказывать ему несостоятельность этой системы, то он готов отказаться от нее. Но все эти системы — отнюдь не продукт мучительных исканий «вечных истин»; это — просто атеистическое брожение, не введенное еще в русло хотя бы самых элементарных естественно-научных знаний. Это простое стояние на распутье, когда церковь осталась уже позади, а выбрать дорогу, итти дальше, никто и ничто не торопит. Именно это отличает их от тех, которых назвали мы активными и пассивными безбожниками, которые уже знают, по какой дороге следует итти. Все же вместе взятое дает более или менее полную картину весьма значительного падения религиозности.

Наиболее яркую картину такого падения можно было наблюдать в Валяевке — в одном из религиозных центров губернии. Там есть и «чудотворная» икона божьей матери, и «живоносный источник». До революции и икона и источник давали большой доход церкви и заработок населению. Богомольцы приходили из ближайших уездов Пензенской и Саратовской губерний. Приходили тысячами. Ночлег и самовары для богомольцев были не малой долей в бюджете валяевского крестьянина. Женщины и девушки зарабатывали от 30 коп. до 1 рубля в день продажей богомольцам пузырьков для «святой воды», при чем высшего качества считалась (да и сейчас считается) та, которая в жаркие дни капает с сочных листьев плакучей ивы, высоко поднявшейся прямо со дна небольшого ключа. Теперь этих заработков у валяевского крестьянина нет; богомольцев очень немного, единицы, вследствие чего икону, которую раньше разрешалось носить только в имение предводителя дворянства Селиванова, пришлось носить по селам. Несмотря на такое опрощение иконы и поворота ее «лицом к деревне», валяевские церковники жаловались комиссии, что «ни чудес, ни денег от нее теперь нет». Даже валяевское население перестало ходить в церковь: ходят лишь старики и старухи, да молодежь, если обновки случится показать.

Падение религиозности — явление общее. Оно наблюдается даже среди более отсталого населения нацменьшинств.

«Религия в крестьянстве заметно падает. Вернее, религиозными остались старики и пожилые женщины, у остальных нет религии, а есть обычай. Даже у наиболее религиозного мордовского населения нет слепой веры. На попов смотрят не

как на «посвященных», а как на наемных работников; авторитетом последние не пользуются. Характерно, что мордовское население само устанавливает церковную таксу, выше которой поп не имел бы права требовать. В с. Савве попу, иногда в чем-нибудь провинившемуся, устраивают «вачку» (Торбеевская волость).

Степень и темп падения религиозности находится в непосредственной зависимости и от личных качеств служителей культа.

«В церковь ходят редко: поп отбил всякое желание: дерется с женой, сторожем и даже с крестьянами» (Атемарская волость).

«Лучшим антирелигиозником является сам поп: каждый день он пьяный и в праздники и в будни, и потому часто пропускает службы» (Чирково).

«Дьякон пьянствует и дуется по ночам на-пролет в карты с кем угодно и когда угодно; напившись, кроет неприличными словами и бога и всякую религиозность» (Чернозерьевская волость).

«Посещаемость церкви очень незначительна, и этому содействует, главным образом, установленные попом мародерские ставки за требы» (Черкасская волость).

Падение религиозности не миновало и старообрядчества. Курят табак, что раньше запрещалось, выходят замуж за православных и т. д.

О церковных движениях («обновленцы», «тихоновцы») крестьяне ничего не знают, и верующие из них предъявляют попу лишь одно требование: «служи, как служил раньше, — по отцовской вере». Когда валяевский поп «обновился», неудачно рассчитав во времени, он апеллировал к верующим: как-мол быть — в «обновлении» пребывать или к «тихоновцам» обернуться? Решать этот вопрос верующие отказались, заявив, что «если запутался — так выкручивайся сам, а нас в это дело не впутывай».

Религиозность более живуча в татарских селах. В этом отношении они занимают особое место. Конечно, и там есть безбожники, но массового охлаждения к религии еще нет. Яркую в этом отношении картину наблюдала комиссия по обследованию в селе Алтары (Кривозерьевская волость). Дело было во время весенних перевыборов советов. Волостной уполномоченный по перевыборам во время доклада призывал сход серьезно отнестись к перевыборам и в особенности к привлечению к перевыборам женщин. После доклада один из крестьян берет слово и заявляет, что по шариату женщине ходить вместе с мужчиной не полагается, и что «бабы на сходку не придут, мы этого не допустим». Волуполномоченный начинает «усовещивать»:

— Как, — говорит, — вам не стыдно перед губернской комиссией говорить против женщин...

Тогда вскакивает один старик, начинает диким голосом читать молитву и кричать с поднятыми кулаками:

— Нашу религию 500 лет угнетали, теперь в свободной стране нам нестыдно защищать религию. Я готов умереть за религию. Правильно ли я говорю?

— Мы готовы умереть за религию, — отвечает ему сход.

Местный коммунист З—н с задних рядов кричит, что женщины должны участвовать на выборах. Старик бросается к нему и требует, чтобы его удалили с собрания. Некоторые старики требуют удалить с собрания всех, кто стоит за женщин. Поднимается невероятный шум, в котором слышны голоса:

— Баб не нужно водить на сходку. Умрем за религию!

Получасовой спор заканчивается единогласной резолюцией: «женщин на сходку не водить». По предложению губкомиссии, принимается дополнение, что «если женщины сами придут на сход, то не препятствовать и со схода не прогонять».

«Мы не отвергаем вашу коммуну, — говорили крестьяне комиссии, — а вы не трогайте нашу религию», и рассказывали при этом, как комсомольцы «трогают» их религию. В Кривозерье между комсомольцем и муллой произошел диспут насчет религии. Перевес оказался на стороне муллы, но комсомолец уступить не хотел и в качестве неопровержимых доказательств выпалил несколько ругательств по адресу бога и религии, а муллу обозвал «контр-революционером».

Крестьяне, присутствовавшие при этом, начали расходиться, боясь «гнева божьего»; после хотели жаловаться на комсомольца, но побоялись, как бы «за это их не арестовали».

Очевидно, еще и еще раз нужно твердить, что от таких методов борьбы религия, в особенности в отсталых темных уголках, только крепнет.

Дешевая, популярная, занятно написанная (в особенности—в беллетристической или полубеллетристической форме) брошюра о явлениях природы, простой рассказ о современных достижениях науки и техники, интересные рассказы о темноте крестьянской, в которых деревня видела бы себя, как в зеркале, — вот, что нужно дать деревне, дать в десятках экземпляров каждой деревенской библиотеке. Это тем более необходимо, что работников, способных вести сколько-нибудь удовлетворительную пропаганду естественно-научных знаний, в деревне крайне недостаточно. Нужно считаться и с тем, что книжка в глазах крестьянина имеет гораздо больший авторитет, чем даже хороший лектор. Это отнюдь не говорит о том, что лектор не нужен в деревне. Но вся беда в том, что «урожай» от его работы очень незначителен и, прежде всего, потому, что

разбуженный им в массе интерес не находит удовлетворения и закрепления в чтении действительно-массовой литературы. Потребность в такой литературе крайне назрела.

Самогон.

«Пьют члены Вик'а пьет почти весь технический аппарат его, пьют сельсоветы, пьет поп и пьют крестьяне» (Григорьевская волость).

Но внутри этого пьяного единства происходит своеобразное «расслоение».

Есть пьянство «легальное»: ставит кулак на стол бутылку «русской горькой» и ухмыляется, — возьми-ка, мол, меня...

Председатель Старо-Каменского сельсовета (Пензенск. у.) предстал перед комиссией в совершенно пьяном виде, еле держась на ногах. Окончив «беседу» с нами, он, видимо, напрягал все силы, чтобы ноги благополучно унесли его от непрошенных губернских гостей. Но через несколько минут он снова явился «информировать комиссию по поводу своего невменяемого состояния»:

— Я самогонки ни-ни... Выпил «русской горькой», и на «законном», значит, основании...

А когда он ушел, в избе остался тяжелый запах перегона...

Есть пьянство и «полулегальное», когда в посуду из-под «русской горькой» наливается самогон.

«Идет пьяный, спрашиваешь его: где напился? Он или молчит, или молча вынимает из кармана порожнюю бутылку из-под «русской горькой» (это вещественное доказательство в хмельные дни неотлучно при нем) и победоносно показывает: гляди-мол»... (Чертковская волость).

И, наконец, есть пьянство «нелегальное»: пьют самогон по-просту и без затей.

Самогонщик существует двух типов: первый — с производственным уклоном («работает» или исключительно или преимущественно на сбыт), и второй — с потребительским (для своих потребностей — свадьба, праздники, помочь и т. д.).

К большим праздникам самогонокурением занимается почти каждое хозяйство, в остальное время этим делом занимается почти исключительно беднота.

«Из 719 случаев самогонокурения 713 падает на «помочи», свадьбы, крестины и праздники, остальные 6 случаев — самогонокурение для сбыта, при чем гонят вдовы и бедняки, имея в виду заработать на этом» (Н.-Шкафтинская вол.). «В большинстве самогон гонит беднейшее население, чаще для продажи, некоторые добывают этим кусок хлеба» (Атюрьевская волость) и т. д.

Гонит бедняк и из своего и из чужого «сырья», и в этом последнем случае он — лишь фирма, наиболее отвечающая требованиям «хозяйственного расчета» (меньший штраф, а нередко и взять с него нечего).

А расчет этот необходим, поскольку самогонокурение является уже кустарным промыслом, местами (в особенности в пригородном районе) «очень выгодным». «Три — четыре раза прогонишь как следует, — говорит бедняк, — можно, пожалуй, и лошадь купить. Хлеба своего и картошки только нет, — приходится работать на других».

Середняк самогон гнать боится. В селе Валяевке один середняк рассказывал комиссии, что из-за этой боязни расстроилась свадьба его дочери, которая «пусть лучше в девках сидит», чем «хозяйство подвергнуть угрозе разорения».

— Меня, — говорит он, — начальство здешнее не любит и ждет не дождется свадьбы, чтобы нагрянуть и разорить вконец. Я бы и «русской горькой» купил, да жениховская родня не состоятельна: кроме самогона, принести ничего не могут. А как им велишь не приносить: разобидишь. Ишь, скажут, какой богатей выискался...

Борьба с самогоном ведется исключительно «налетом» (исключительно милицией).

Комиссия по обследованию деревни была встречена в одном из пригородных сел, как комиссия по борьбе с самогоном, за которой следует, якобы, отряд в 50 конных милиционеров. Вся самогонная заготовка к зимней Николе была сорвана. Крестьяне рассказывали потом комиссии о том убытке, который был нанесен населению приездом комиссии...

Благодаря такому «налетному» способу борьбы, зачастую попадаешь в переплет самого странного порядка. Все село обычно знает, кто, где, когда и по какому поводу гонит самогон. И в это же самое время комсомольская ячейка организует «тайное общество по борьбе с самогоном», которое на-завтра же делается явным, при чем двое из членов этого тайного общества попадаются в курении самогона (Валяевка). Милиция с ног сбивается в поисках самогона, а член Вик'а преспокойно скупает весь самогон и недоволен тем, что производительность самогонная так мала, что не может удовлетворить его утробу (Григорьевская волость).

Эта налетная борьба лишена подчас даже всякого смысла. В бытность комиссии в с. Алферьевке в комиссию обратился потерявший голову бедняк, а потерял он ее вот по какому поводу. Для организации «помочи» по перевозке своей избы он нагнал самогонки. Шесть отзывчивых середняков откликнулись на его просьбу и произвели нужную ему работу. После работы они к нему не заехали, и самогон остался не выпитым. Напрасно он ходил и приглашал их угоститься самогоном.

Чтобы «добро» не пропало даром, он его продал. На этой второй операции он попался, во всем чистосердечно признался и заочно был приговорен к 10-рублевому штрафу, что он считает справедливым. Прошло известное время, и в Алферьевку вновь приезжает милиционер и вызывает на допрос тех шестерых, что были у него на помочи.

— Теперь я конченный человек, — жаловался неудачливый самогонщик, — кто же после этого мне поможет... Хоть из села уходи...

Когда встречаешься с таким фактом, то невольно думается, что борьба с самогоном чрезвычайно глубоко пронизывает деревню, до самых, что называется, костей. Беда вся в том, что в то самое время, когда милиционер снимал допрос с этих самых середняков, мимо окон торжественно шествовала свадебная церемония, пьяная до последней степени и возглавлявшаяся пьяным парнем, который в руке держал бутылку самогона, поминутно прикладываясь к ней. Беда вся в том, что, на-ряду с фактами такой по форме «тщательной» борьбы с самогоном, крестьянин, и в том числе тот же алферьевский бедняк, видит, как сельские и волостные власти открыто и безнаказанно пьянствуют.

Но эта борьба протекает далеко не с одинаковым напряжением. Нередко борьба с самогонокурением поглощает почти всю работу милиции (в Головинщинской и Леткинской волостях из всех дел 70—71% — самогонные), но есть места, где самогон гонят совершенно открыто (Исаевка), и самогонные аппараты гордо — «словно паровозы» — стоят прямо в избах. В некоторых местах самогонщика пытаются сделать «общественно-полезным»: Атемарская волмилиция, например, с согласия Вик'а заставляет самогонщика отбывать три наряда на подводы для милиции. Сам — у самогонного аппарата, а мальчика в «ямщину» посылает. Одним словом, взаимное одолжение.

К борьбе с самогоном крестьянство повсюду относится о т р и ц а т е л ь н о. При весенних перевыборах в Трехсвятской волости одного председателя сельсовета провалили с открытой мотивировкой, что ему не место в совете, так как «ведет упорную борьбу с самогоном».

Какие же планы на этот счет у крестьянства? Положительно в о в с е х д о к л а д а х указывается на то, что крестьянство считает борьбу с самогоном в том виде, в каком она ведется, бесполезной и ненужной.

«Милиция, — говорят крестьяне, — ничего поделать не может, и с водкой мы расстаться так быстро, как этого хочется Советской власти, мы не можем» (Дубровская волость).

«С самогоном не боремся, пили и будем пить, так как без этого долго еще обойтись нельзя» (Атемарская волость).

«Без выпивки обойтись мы никак не можем. Помрешь, на-

пример, так и могилы никто не выроет, если не поднесут. Помогать никто не поедет, если выпивки не приготовишь, а без помощи друг другу жить мы не можем и открыто заявляем, что никакими мерами укротить самогон государство не сумеет» (Чертковская волость).

Единственно правильное и действительное средство борьбы с самогоном крестьяне повсюду видят в удешевлении «русской горькой» до 50 — 60 коп. за бутылку с увеличением ее крепости до 40 градусов по меньшей мере («за время революции мы привыкли к 80-градусному перегону, а теперешняя «русская горькая» слаба и кажется нам водичкой»).

Вот выдержка из письма крестьянина А—ва к товарищу, обследовавшему Чертковскую волость:

«Я предлагаю свое мнение сделать вот как: прибавить градусы крепости в «русскую горькую» и снизить цену до 50 коп. за бутылку, и тогда самогон сам собой отживет».

— Будет дешевая «русская горькая», — говорят крестьяне, — тогда можно будет привлечь и нас к борьбе за трезвость.

И в этом вопросе — в вопросе борьбы с самогоном — в крестьянстве царит полное единомыслие: вытеснить самогон может только подходящая по цене и крепости «русская горькая»; такое вытеснение создаст здоровую обстановку для общественной борьбы за трезвость самого крестьянства совместно с советскими организациями.

СОДЕРЖАНИЕ.

50 к

~~70 коп.~~